ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 11 МАРТ 1981

ДА ЗДРАВ
МЕЖДУНАР
ЖЕНСКИЙ
8 МАР

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 11 (2800)

14 МАРТА 1981

© Издательство «Правда», «Огонек», 1981

РОДИНА СЛАВИТ СВОИХ ДОЧЕРЕЙ

6 марта в Большом театре Союза ССР состоялось торжественное собрание представителей партийных, советских и общественных организаций столицы, посвященное Международному женскому дню.

Бурными, продолжительными аплодисментами встретили собравшиеся товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, М. С. Горбачева, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Я. Пельше, Н. А. Тихонова, Д. Ф. Устинова, К. У. Черненко, П. Н. Демичева, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, И. В. Капитонова, В. И. Долгих, М. В. Зимянина, К. В. Русакова.

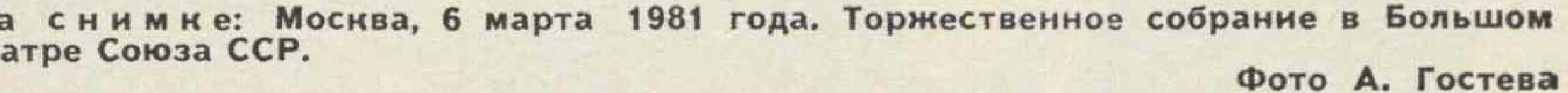
Собрание открыла заместитель председателя исполкома Моссовета П. А. Воронина.

Горячими аплодисментами встретили собравшиеся приветствие ЦК КПСС советским женщинам, которое огласила выступившая с докладом секретарь МГК КПСС Р. Ф. Дементьева.

В приветственном письме Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР участники торжественного собрания единодушно заверили, что женщины, все трудящиеся Москвы, тесно сплоченные вокруг родной партии, будут и впредь неустанно трудиться, претворяя в жизнь планы одиннадцатой пятилетки, генеральный курс КПСС, выработанный XXVI съездом партии, умножать свои усилия в борьбе за торжество великих идеалов коммунизма.

На снимке: Москва, 6 марта 1981 года. Торжественное собрание в Большом театре Союза ССР.

Фото А. Гостева

ВРУЧЕНИЕ ВЫСОКИХ НАГРАД

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев вручил 5 марта в Кремле высокие награды Родины ответственным партийным и государственным деятелям.

Второй золотой медалью «Серп и Молот» и орденом Ленина награжден кандидат в члены Политбюро, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов, званием Героя Социалистического Труда отмечены заслуги кандидата в члены Политбюро, первого секретаря ЦК КП Грузии Э. А. Шеварднадзе, первого секретаря ЦК КП Таджикистана Д. Р. Расулова, первого секретаря Башкирского обкома КПСС М. З. Шакирова. Им вручены золотые медали «Серп и Молот» и ордена Ленина.

Орденом Ленина награжден член Политбюро, секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

Товарищ Леонид Ильич Брежнев тепло поздравил награжденных, пожелал им больших успехов в выполнении решений XXVI съезда КПСС, здоровья и счастья.

Награжденные выразили глубокую благодарность Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Советскому правительству, лично Леониду Ильичу Брежневу за высокую оценку их деятельности.

Присутствовавшие при вручении наград член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе, другие товарищи сердечно поздравили награжденных, пожелали им плодотворной деятельности на благо Советской Родины.

На снимке: во время вручения наград.

Фото А. Гостева

Во время встречи.

Фото В. Егорова и Э. Песова (ТАСС)

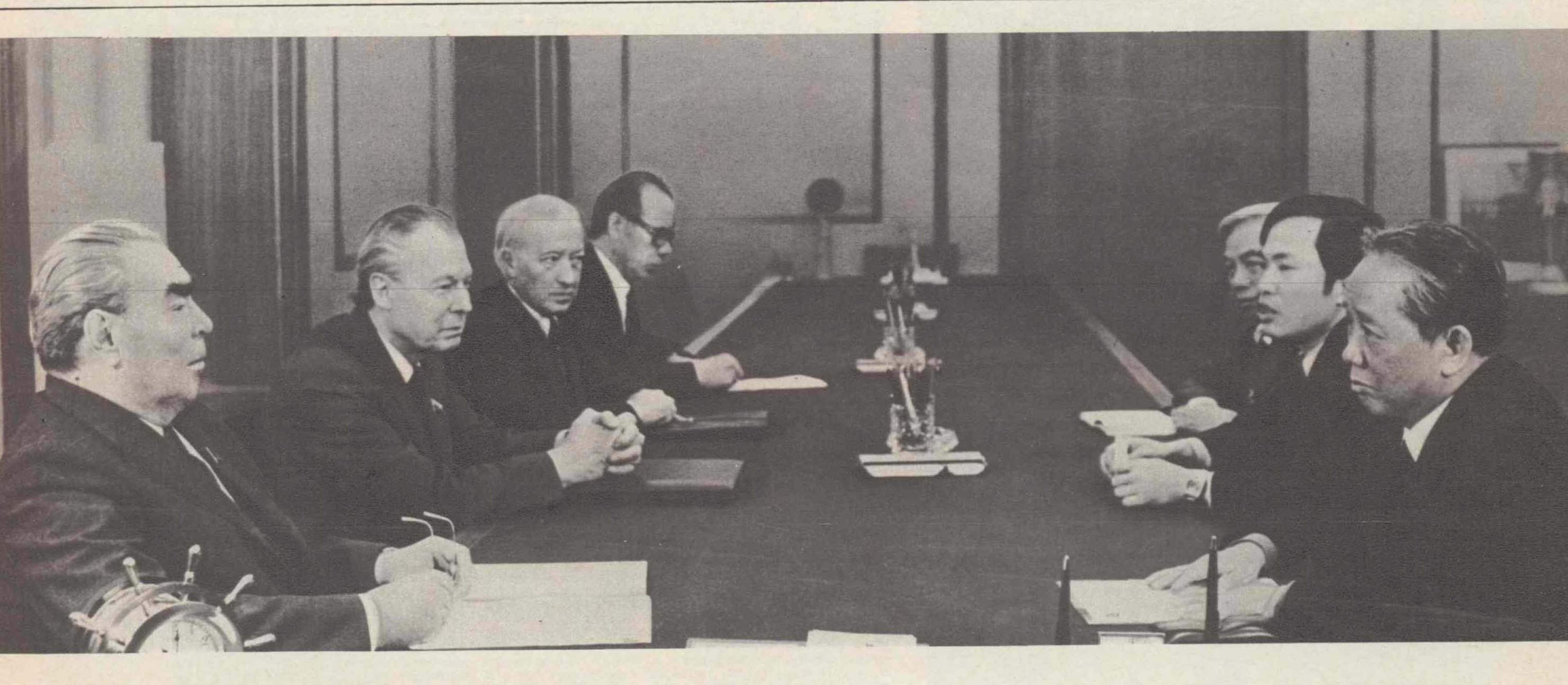
СОВЕТСКО-ПОЛЬСКАЯ ВСТРЕЧА

4 марта в Кремле состоялась дружеская встреча руководителей Советского Союза и Польской Народной Республики. В ней приняли участие:

с советской стороны — Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, председатель Комитета государственной безопасности СССР Ю. В. Андропов, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Д. Ф. Устинов, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков;

с польской стороны — Первый секретарь ЦК ПОРП С. Каня, член Политбюро ЦК ПОРП, Председатель Совета Министров и министр обороны ПНР В. Ярузельский, член Политбюро ЦК ПОРП, первый секретарь Катовицкого воеводского комитета ПОРП А. Жабиньский, кандидат в члены Политбюро ЦК ПОРП, секретарь ЦК ПОРП Э. Войташек.

Встреча прошла в обстановке сердечности и подтвердила общность подхода сторон к обсуждавшимся вопросам.

ЕДИНСТВО ВЗГЛЯДОВ

10 марта в Кремле состоялась дружеская встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Генеральным секретарем ЦК КПВ Ле Зуаном, возглавлявшим делегацию КПВ на XXVI съезде КПСС.

Встреча прошла в сердечной, братской обстановке и подтвердила полное единство взглядов по всем обсуждавшимся вопросам.

Во встрече приняли участие секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, помощник Генерального секретаря ЦК КПВ Донг Нгак.

На снимке: во время встречи.

Фото В. Кошевого и Э. Песова (ТАСС)

«круглый стол» «огонька»

МАСТЕР, ВОСПИТАЙ МАСТЕРА!

На этот раз за «круглым столом» «Огонька» собрались делегаты XXVI съезда КПСС, выдающиеся мастера своего дела, можно сказать, капитаны-наставники молодой смены. Шел большой разговор о формах и содержании такого многосложного общественного движения, как наставничество. Забота о подрастающем поколении естественна для старших. Тысячи незримых нитей связывают отцов и детей: мировоззрение, духовное здоровье, отношение к труду как первой жизненной потребности, органическая связь прав и обязанностей. Да мало ли вопросов, равно волнующих сегодня как людей, умудренных опытом, так и тех, кому только что вручена путевка в жизнь. И очень важно, чтобы молодежь выводил на жизненный старт человек мудрый и бывалый, настоящий друг и наставник. Взять, например, школу передового опыта, которую много лет возглавляет дважды Герой Социалистического Труда, известный бригадир с Кировоградчины Александр Васильевич Гиталов. Шестнадцать механизаторов широкого профиля — казалось бы, невелик был первый выпуск школы Гиталова. А какое качество! Минули несколько посевных и уборочных, череда нелегких трудовых лет и зим — и вот шестнадцать хлопцев стали уважаемыми на селе мастерами, а четырнадцать из них удостоены высшего звания — звания Героя Социалистического Труда. Золотой урожай!

Представляем тех, кто встретился сегодня на страницах нашего журнала. Это делегаты XXVI съезда КПСС: Григорий Яковлевич Горбань, член ЦК КПСС, дважды Герой Социалистического Труда, сталевар с «Азовстали»; Камшат Доненбаева, Герой Социалистического Труда, заместитель Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР, член Центральной Ревизионной Комиссии КПСС, трактористка зерносовхоза «Харьковский», Казахской ССР; Арцрун Маргарович Мирзоян, депутат Верховного Совета СССР, бригадир слесарей-сборщиков «Армэлектромаша»; Зинаида Ивановна Козырева, ткачиха Оршанского льнокомбината; Бригита Николаевна Следе, директор рижского универмага «Детский мир»; Савелий Михайлович Пармакли, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, начальник механизированного отряда из Чадыр-Лунгского района, Молдавской ССР; Мария Архиповна Бакчеева, мастер машинного доения из опытно-производственного хозяйства «Тимирязевское», Челябинской области; Владимир Георгиевич Верстухин, машинист депо станции Тайга, Кемеровской области; Галина Ивановна Сорокина, мастер производственного обучения СГПТУ № 46 Ленинграда.

СИЛА И ГОРДОСТЬ

Г. ГОРБАНЬ,
сталевар ждановского завода «Азовсталь»,
дважды Герой Социалистического Труда,
член ЦК КПСС

В счастливые дни работы только что завершившегося съезда партии нам, делегатам, приходили радостные телеграммы — рапорты от товарищей по работе. Несколько таких сообщений получил и я. Но дороже всех мне вот эта депеша. Позвольте огласить несколько строчек: «Москва. Кремль. Делегату XXVI съезда КПСС, выпускники ГПТУ-3»... и далее: «Мы гордимся тем, что вы, воспитанник нашего училища, представляете многомиллионную армию металлургов в Президиуме съезда... С нетерпением ждем в родном училище...»

Не скрою, я тоже жду с нетерпением этой встречи. Обещаю, что она будет моей первой по возвращении в Жданов. Так уж заведено у меня. Родное училище... Я там бываю, если не каждый месяц, то в праздники непременно. 1 сентября знакомлюсь с новичками. Летом, на выпускном вечере, обращаюсь к питомцам с напутственным словом, принимаю их в «азовстальцы». Начинается практика, сталеварская группа непременно хочет работать у меня...

Тридцать два года назад училище дало мне путевку в металлургию. Тогда было трудное послевоенное время. Жили мы впроголодь, всего не хватало — одежонки и еды. И как же сладок был хлеб, купленный за впервые заработанные своими руками деньги! Я не случайно вспомнил про хлеб. Потому что хлеб и сталь идут рядом испокон веков. Металл — это и плуг в поле, без него не соберешь и урожай, а если оглядеться вокруг себя, то он везде: мост через реку, космическая ракета и перо авторучки... Недаром его называют ласково хлебом индустрии. А потому и надо относиться к нему, как к хлебу — повышать его качество, беречь его и умножать его «урожай». К тому призывает нас партия.

Вот о чем я и буду говорить ребятам в училище. И напоминаю постоянно каждому, кто становится к печам и станам. К сожалению, к этому прибегать вынужден все чаще и чаще. Пусть кто-либо не подумает, что я отношусь к молодежи с недоверием. С повышенной требовательностью! Вот с этим я соглашусь. Не прощаю малейшего разгильдяйства и утраты чувства локтя, как того и требует наша нелегкая сталеварская должность.

Был у меня один паренек из ГПТУ. Я еще лидером его провзал, заводила во всей группе. Очень уж бойкий. Взял к себе вторым подручным. Поначалу все шло нормально, и вдруг один поступок... Отпросился «лидер» на два дня на свадьбу, не на свою, к родственникам. Отпустил, хотя стоял август, самый тяжелый для нас месяц... Что на улице, что у мартена одинаковое пекло, жара невмоготу, нечем дышать. А он прогулял все четыре дня, прибыл с повинной, но мы его не поняли. Не помогло то, что и мать приходила за него просить. Не нужен нам человек, который способен подвести товарищей. Так и кочевал он из бригады в бригаду на подхвате, никто не пожелал его взять на постоянно. Провожая в армию, сказали: «Послужи, наберись ума, тогда и посмотрим, что из тебя получится». Поблажками сталевара не воспитаешь.

Другой хлопчик, Дмитрий Мануйлов,— так по-дружески я называю своих учеников, хотя он уже давно зрелый и прекрасный сталевар, никогда бы не совершил подобного. А ведь в его жизни такие трудные моменты были, что ой-ой: учился в техникуме, и ребенок родился, хотел бросать учебу, но я его удержал от этого шага. Теперь он специалист высокой квалификации, двое детишек растут. Геннадий Головко стал сталеваром, тоже у меня школу проходил. А наши замечательные молодые инженеры Володя Маловик, Николай Мисник! Маловика коммунисты избрали секретарем парторганизации мартеновского цеха. Телеграфировал мне, что дела у нас идут хорошо. Молодежь я люблю и уважаю: наша надежная смена.

Только вот что тревожит: из тех же воспитанников того же ГПТУ все меньше хлопчиков оседает в цехе. Вначале рвутся, поработают после выпуска до призыва на действительную службу в армии, а отслужив, не возвращаются. В чем дело?

Я годами ровесник «Азовстали»: На моей памяти многое в цехе изменилось, работать стало легче. Это замечаем мы, ветераны цеха. Но молодежь этих перемен не усваивает, она идет туда, где еще лучше,— рядом новый красавец цех с конвертерами. Сама жизнь подсказывает, что надо реконструировать старые мартеновские цеха. Вопрос об этом я и поставил на встрече делегатов съезда с нашим министром. Это с одной стороны. А с другой — за последнее особенно десятилетие некоторые профессии для парней стали более привлекательными, чем типично мужские металлургические или шахтерские. Кто бы из уважающих себя хлопцев в мое время пошел в продавцы или в официанты? Да его подняли бы на смех! А теперь физически здоровые, крепкие люди — им бы горы двигать — стоят у столиков с салфетками и за прилавками. Многие идут на стройки, там же чистый воздух и круглые суммы в денежной ведомости. Я с уважением отношусь к строителям, понимаю, как важен их труд. Но факт остается фактом: жилье предоставляется им побыстрее, чем нам, металлургам.

Кстати о жилье. За последние два года обновился состав бригады. Мой верный зам Николай Кожукарь ушел на пенсию, подготовив себе замену — Володю Крыштафовича. Пришел хлопчик после армии, хорошо себя зарекомендовал, недавно кандидатом в члены партии принимали. Второй подручный, комсомолец Костя Брыжан тоже после армии. Я обоих учиться заставил. Володю «загнал» в техникум, Костю подталкиваю в институт. Переженил своих хлопцев, так оно спокойнее. Более надежными, значит, стали людьми. Сработались мы неплохо. На месяц раньше срока выполнили свои предсъездовские обязательства.

Но есть у нас и неотложные проблемы. Наши молодожены ждут прибавления семейства, а жилья у них нет. Знаю, как это тяжело, по себе, как нам с Лелей, моей женой, доставалось, когда мы оба работали и учились, и родились дети, и жили мы в коммунальной квартире. Только через много лет перебрались в свою собственную, отдельную, когда все главные тяготы остались позади. Но и теперь практически металлурги, не знаю, как у шахтеров, получают квартиру, проработав десять лет. На стройке побыстрее. Вот и судите сами. Хватит ли всем мужества и терпения ждать? Все это не лучшим образом сказывается на престижности нашей профессии.

Мы с особым удовлетворением встретили в докладе Леонида Ильича Брежнева слова о том, что надо заботиться о молодоженах. Об их опыте, об их жилищных условиях. Металл, повторяю, хлеб индустрии. Сила, слава и гордость этого хлеба (мы производим больше всех в мире чугуна и стали, а надо бы еще и проката) — в людях, его творящих. Металлурги заслуживают того, чтоб окружить их особой заботой и вниманием. Люди — это значит и планы и выполнение задач, поставленных в одиннадцатой пятилетке.

ПРИЗВАНИЕ И ЧЕСТЬ

С. ПАРМАКЛИ,
начальник механизированного отряда № 11 Чадыр-Лунгского объединения механизации, Молдавской ССР, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР

Не знаю, все ли согласятся со мной: наставника нельзя назначить. Жизнь — это беспрерывные человеческие связи, цепь приятных или неприятных, обязательных или необязательных взаимоотношений. Одно дело — производственные отношения, другое — клуб по интересам или кружок самодеятельности и третье — а на самом деле, конечно, первое — отношения наставника и его питомцев. Тут как бы дружба разных, прежде всего разных по возрасту людей. Опыт житейский встречается с новичком в жизни. У старшего — закал, ясный чекан души, часто готовый ответ на самое непредвиденное. А у молодого? У него, начинающего жить, что ни день, то новый вопрос, почти «быть или не быть»... Можно к этому отнестись снисходительно, мол, жизнь обломает, жизнь сама набьет шишки. Можно отнестись иначе, то есть по-отечески, и в откровенном душевном общении проиграть все варианты достойного выхода из непростой ситуации.

Важно помнить, что у молодых зубы крепче и они способны разгрызть орех любой твердости, даже не ожидая его полной зрелости. Но если юноша сделает это в момент душевной растерянности, с отчаяния, торопясь доказать, мол, «сам с усами», то и молодые зубы поломаются. Так и бывает нередко. Поэтому рядом надо быть не для подсказки, не для того, чтобы разжевать и в рот положить, а для того, чтобы молодой научился анализировать то, что происходит вокруг, умел и на себя глянуть со стороны, чтобы он не пасовал перед наглостью.

Короче, я так понимаю: наставник — кузнец души. А сказать по-современному, ее оператор-программист, и главная наша забота — забота старших, осознавших что к чему,— это заложить в каждого нравственную программу с учетом всех наших собственных иллюзий, ошибок, поисков.

Мне как-то один паренек сказал: «А чего вы, Михалыч, нам мораль преподносите, нас на прицепе тянете? Вы же стали, мол, и мастером и героем без наставника!» Да, ответил я, пожалуй, наставника ко мне не прикрепляли, то есть не было в ту пору такого общественного движения, в газетах об этом не писали. Но был у меня наставник. Семья в годы моего отрочества, не как теперь, играла первую роль в воспитании. Отец был всему голова. Мой отец, Михаил Савельевич, как я себя понимать стал, всегда для меня великий пример. Во всем. Я рано почувствовал, всем сердцем ощутил его прочность на земле. Простой, казалось бы, крестьянин, вечно забот полон рот, но не знал он, как мне казалось, сомнений, у него была своя позиция. Такая прочность нравственная, такая душевная чистота, отвага в поступках обеспечили ему авторитет среди односельчан. Он был у нас председателем колхоза — не рекомендованным со стороны, как это иногда бывает, но избранным на сельском сходе. Для меня это было как откровение: отец, мой отец всем селом отмечен. Значит, за ним — правда. И мне, значит, за ним идти. А вот это-то для тех, кто молод и зелен, очень важно: за кем идти. Жизнь может такого «авторитета» подсунуть на пути, что иной краснобай в глазах молодого вырастает до размеров самых завидных. Повторюсь: не поводырь нужен молодым, они и сами зрячие,— нужен сотоварищ, наставник на путь истинный.

У нас в отряде мы как бы опекаем — исподволь, конечно,— трактористов Василия Герганова, Ивана Куртева. Они совсем недавно вернулись из армии. Там все держалось на дисциплине, на четких приказаниях. Неплохая выучка. Но тракторист в нашем отряде отвечает и за землю, и за растения, и за сроки агротехнических приемов, и чуть ли не за осадки и температуру воздуха или почвы. Тут на моих даже приказах, на инструкциях далеко не уедешь. В отряде у нас такая деловая и творческая атмосфера, что вновь прибывшие быстро понимают главное — больше всего ценится у нас самостоятельность, чувство личной ответственности. Отряду отвели две тысячи триста гектаров, не шутка! Мы кукурузу выращиваем без единой ручной операции, только своими силами. Вот зачислили в отряд парня совсем юного, Леонида Стоянова. Я присмотрелся к нему, послушал его суждения, что он любит, к чему равнодушен, и понял: Леониду по его характеру требуются не красные слова, а полное доверие. Такой он человек! Отряд не возразил, когда я поставил его на комбайн. Рисковали мы? Конечно. Отряд наш непростой, мы зачинщики многих громких начинаний в республике, у всей страны на виду. Труд у нас технологически отработан и увязан специальными графиками так, что все операции следуют одна за другой почти механически. Брак исключен. И все же Леонид оправдал доверие. А главное, возмужал, стал мастером буквально на наших глазах, за один сезон. Перед съездом его приняли в партию. Кто тут наставник? По-моему, коллектив, наш отряд.

ПОМОЧЬ НАЙТИ СЕБЯ

Камшат ДОНЕНБАЕВА,
трактористка зерносовхоза «Харьковский» (Казахская ССР), Герой Социалистического Труда, заместитель председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР, член Центральной Ревизионной Комиссии КПСС

Я поняла так бы Савелия Михайловича: цель наставника, чтобы в мире стало одним человеком больше! Подготовить профессионально грамотную смену себе, конечно, очень важно, особенно там, где ощутима нехватка рабочих рук, толковых исполнителей. Но не менее, если не более важно, чтобы эта молодая смена вырастала нравственно богатой.

Мы все так или иначе испытали в юности на себе чье-то влияние. Книга, кинофильм, случайно услышанный рассказ... Все в юности откладывается в душе, можно сказать, влияет на будущий характер. Хорошие книги и кинофильмы — это тоже наставники.

Но встреча с необыкновенным человеком, жизнь рядом с человеком, которого ты уважаешь,— такое может круто изменить и взгляды и саму судьбу юноши или девушки.

Очень своевременно решил «Огонек» продолжить разговор о подрастающем поколении, о значении наставников. Мое детство совпало с подвигом новоселов, приехавших к нам, в казахскую степь, осваивать целину. Не будь этого исторического события, не знаю, какой стороной повернулась бы ко мне жизнь. Подвиг энтузиастов, добровольцев комсомола совершался на моих глазах. И это послужило мощным толчком к пониманию себя, к пониманию окружающего мира как арены исторических событий. Ясно, захотелось быть, как «они» — приезжие. А приезжие не вылезали из кабин тракторов, они пахали, сеяли, косили и обмолачивали невиданную пшеницу. Тракторист стал героем моего времени, трактор — мечтой. Я не то что забывала, а не понимала, что я девочка, казашка, а казашки не водят тракторов, они пасут сначала овец, потом коров, потом у них появляются дети... Но ни я, ни мой кумир, первоцелинник Петро Москаленко, не знали всей этой житейской премудрости. Долго рассказывать, но я переупрямила «общественное мнение» аула, попала на курсы трактористов. Петро Москаленко, по существу, был моим наставником. То есть он понял мою мечту, както почувствовал в моем упрямстве призвание, поверил мне, помог мне. Он, короче, сделал все, чтобы мечта моя о тракторе не обескрылела, чтобы дерзость моя не остыла, чтобы желание обрело профессиональное содержание. В сочетании всего этого, в заинтересованности вроде чужого человека мне и видятся задачи наставничества.

Не знаю, явятся ли моя жизнь, мои поступки для кого-нибудь примером для подражания. Мне часто приходится отвечать на вопросы о смысле жизни, о том, как найти себя,— их задают дети в школах, где я бываю охотно, журналисты и авторы писем, которые получаю как депутат Верховного Совета СССР. Всегда мне передается волнение юной ищущей души, оно вызывает ответное желание направить молодого человека по пути интересному и правильному.

Передо мной всегда пример нашего механизатора, комбайнера Петра Алексеевича Вишневского. Вот кто наставник по призванию! К Вишневскому молодые парни так и льнут. Мало того, что он мастер своего дела, отличный специалист, Петр Алексеевич всерьез отвечает на испытующие вопросы в чем-то сомневающихся. Он никогда не сквернословит, не пьянствует, он прежде всего добр и внимателен. Не формально, нет. Такой уж Вишневский человек, что к рядом живущим, особенно к молодым, относится серьезно, только как более старший, опытный. Он смело берет паренька к себе на комбайн, потому что знает: не слова, а конкретный поступок и нелегкий, каждодневный труд сделают птенца сильной самостоятельной птицей.

Верно, что наставника нельзя назначить. Наставника угадывают сами молодые, их выбор обсуждению не подлежит. Важно всем нам так себя вести, чтобы юные выбрали достойных в наставники, а не тех, кто заманивает в трясину безделья, пьянства, духовной пустоты.

ЛИЧНЫМ ПРИМЕРОМ

М. БАКЧЕЕВА,
оператор машинного доения опытно-производственного хозяйства «Тимирязевское», Челябинской области

От нас самих, от людей взрослых, имеющих и стаж и немалый опыт жизни, зависит, можем ли мы быть для кого-то молодого примером, признают ли в нас учителя жизни, духовного наставника. Только линия поведения определяет нравственное лицо человека. Я думаю, что Камшат и Савелий Михайлович, и многие другие знатные люди страны могут и давно служат примером для их собственных детей, для всех, кто ищет нравственной опоры.

Один из разделов доклада товарища Л. И. Брежнева называется «Укрепление материальных и духовных основ социалистического образа жизни, формирования нового человека». Я выписала такое место из этого раздела: «Это не значит, конечно, что мы уже решили все вопросы, связанные с **формированием нового человека.** Задач здесь стоит перед нами немало. И успех воспитания обеспечивается лишь тогда, когда оно опирается на прочный фундамент социально-экономической политики...» И далее: «Но есть у нас и такие лица, которые стремятся поменьше дать, а побольше урвать от государства. Именно на почве такой психологии и появляются эгоизм и мещанство, накопительство, равнодушие к заботам и делам народа».

Меня в нашем селе, конечно, в шутку, называют «мать-наставница». Наверное, потому, что не могу оставаться равнодушной к судьбам молодых людей, только начинающих жить. Я доярка. Казалось бы, профессия не из самых привлекательных. Но я давно убедилась, что даже многие сельчане не ведают, как все изменилось на фермах, особенно там, где за последнее время построены настоящие фабрики молока, где производство молока переведено на промышленную основу. Я, например, школьникам объясняю, что труд доярки, точнее, мастера машинного доения, требует разносторонних знаний. Мы имеем дело не только с коровами, с физиологией животного, но и со сложной техникой, которой наш комплекс буквально насыщен. Новая техника изменила всю технологию производства молока — и кормления, и доения, и ухода за коровами...

Конечно, я и мои товарищи по ферме не только агитировали за профессию животноводов, но и сами совершенствовались, каждый на своем месте. А личный пример дорогого стоит! Помню, каким «зеленым» на скотный двор пришел Андалис Юмагулов. Он стал моим учеником. Овладел профессией дояра настолько быстро, что кое-кто усомнился в его честности, злые языки стали по деревне разносить слушок о приписках. Скис,

Участники «круглого стола» — делегаты XXVI съезда КПСС. В первом ряду — М. А. Бакчеева, С. М. Пармакли, З. И. Козырева, Б. Н. Следе, Г. И. Сорокина; во втором ряду — Камшат Доненбаева, В. Г. Верстухин, А. М. Мирзоян и Г. Я. Горбань.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

как молоко на солнышке, мой Андалис...

Знаете, как молодые быстро разочаровываются, сразу чуть ли не в жизни вообще, когда столкнутся с черствостью, неправдой, наветом или напраслиной? Не достал магнитозапись, девушка отказала в танце, бригадир обхамил, приятель предложил стакан «за тех, кто в поле»,— юноша или девушка нередко теряются, пасуют перед грубостями бытия. Я не дала Андалиса в обиду. Худо было бы, если бы остался он один на один с деревенской молвой. Нет, не оставила, растолковала, что к чему. Помогла обрести профессиональную гордость, научила его: делом, еще большими надоями убедить всех в незаурядных его способностях, в мастерстве, наконец, в честности.

Мы победили. А сейчас Юмагулов — коммунист, наш партгрупорг, сам наставник, надоил в прошлом году почти по пять тысяч килограммов от коровы. Вот какой мастер стал. Награжден орденом «Знак Почета».

Стала дояркой после десятилетки и дочь моя Люба. Не дояркой — мастером машинной дойки. Одновременно будет учиться, конечно. Тут она просто не имеет права отставать — ведь я оканчиваю заочное отделение техникума. Дочери можно дерзать на большее. Недавно пришел к нам на ферму Юра Булатов. Ему шестнадцать лет. По-моему, это большое событие и в жизни Юры и в жизни нашего коллектива. Знаю, что дела у парнишки могут сложиться по-разному, тут важно понять его, понять, чего он ищет на нашем производстве и вообще в жизни... В одном я уверена: мы оправдаем его выбор, покажем, что на ферме не менее интересно и ответственно работать, чем на конвейере в Тольятти или даже на космодроме. Так что быть наставником — это прежде всего угадать в человеке сегодняшнем человека завтрашнего. И послезавтрашнего! Каким станет Юра, все его поколение, зависит не только от него, но и от нас. Они наша смена, и нам за них нести ответ перед близким XXI веком.

Оценивая столь высокую ответственность перед будущим, мы у себя на ферме решили перестроить работу — перестроить в принципе. Согласились на подряд. Теперь мы не просто операторы, а единое звено машинной дойки: я звеньевая, а со мной Андалис, Лена Князева, Рая Городилова. Будем работать, как говорится, на общий котел, оплата общая — на всех, конечно, с учетом классности. Считаю, что такое звено на подряде — новая нравственная ступень. Общий труд, и общая, неделимая заинтересованность в заработке, и общая ответственность за план, за надои сблизят нас еще прочнее, помогут добиться новых успехов. А главное, сейчас я, надоившая в минувшем году более пяти тысяч килограммов на корову и вроде героиня, рекордсменка да и только, теряю все свои «преимущества» лидера. Теперь мы всем звеном добьемся удоев, которые вчера признавались как рекордные, а деревенской молвой расценивались еще и как «случайные». Будем расти все вместе. И в духовном плане тоже. Будем учиться, жить чисто и светло, работать для души. А рядом с нами постараемся удержать и Юру Булатова — нашу надежду, нашу смену.

Мастер, воспитай мастера! Именно воспитай, сделай ученика Человеком с большой буквы. А иначе грош цена производственным достижениям, процентам перевыполнения.

ПАРТИЙНЫЙ ДОЛГ

З. КОЗЫРЕВА,
ткачиха
Оршанского льнокомбината

Мы ткем скатерти. Бело-голубые, бело-розовые, золотисто-белые, чисто-белые, отливающие серебром. Я ткачиха уже семнадцать лет и очень люблю свою работу. Накроет человек стол такой скатертью, и в дом входит праздник. Настроение поднимается. Потому мы, ткачихи, и стараемся сделать как можно больше и как можно лучше свой товар. Не просто пятилетка, а план шести или даже десяти лет! Но есть у нас, ткачих,

еще одна, я бы сказала, святая обязанность. Я, как коммунист, считаю своим прямым партийным долгом обучить новенькую. Раскрыть перед ней красоту и благородный смысл нашего труда, чтоб и она полюбила этот труд всей душой.

Не у каждого это получается. Да и не каждому, даже опытному рабочему, можно такое доверить. Придет, бывало, молоденькая девушка в цех, с непривычки зарябит у нее в глазах, от шума заболит голова, а сердобольная соседка начинает еще нашептывать: «Да куда тебе! Мы тут в три смены вкалываем, ты такая хорошенькая, тебе бы в манекенщицы...» Или застрянет у новенькой челнок, тут бы подбежать к ней, вовремя помочь, чтоб не получился в ткани брак, так называемая недосека, да и объяснить, что делать в таких случаях. Хорошая работница так, конечно, и поступит, а недобрый человек станет злорадствовать: пусть, мол, сама набирается ума, узнает почем фунт лиха. И так ведь бывает.

Поэтому на фабриках нашего комбината отбирают людей, способных быть наставниками, и утверждают на общем рабочем собрании, чтобы каждый почувствовал: тебе оказана большая честь!

Мы, наставники, часто собираемся, обмениваемся опытом, ездили в Брест, в Калинин на республиканское и всесоюзное совещания наставников нашей отрасли. Активно работает на комбинате и совет наставников, его возглавляет Герой Социалистического Труда, помощник мастера Михаил Климов, на фабриках свои советы.

Мне лично много дает народный университет нравственного образования и воспитания при парткоме комбината. Там шесть факультетов. Я занимаюсь на факультете наставников. В программе лекции по педагогике, психологии, коммунистической морали, этике и воспитанию. К нам приезжают лекторы из общества «Знание», преподаватели вузов и техникумов.

И все же наставником быть очень непросто, даже при всем желании и расположении к этому. Расскажу о себе. Последние три года мне была поручена группа из нашего ГПТУ. За три года ученицы должны приобрести профессию и получить полное среднее образование. И вот представьте себе тридцать деревенских девочек, тридцать очень любопытных, любознательных вчерашних восьмиклашек. Я провожу с ними очередную беседу, а одна вдруг спрашивает: «А вы не замужем?» Я даже опешила от неожиданности. На округлом по-детски лице наивные серые глаза, но в уголках их уже притаилась лукавинка. «У меня, девочка, такая дочь, как ты, учится на вышивальщицу; муж работает на нашем комбинате; и сын текстильщиком собирается стать». «А почему тогда у вас обручальное кольцо на левой руке?» Вот оно, оказывается, что! «Да просто потому, что на правой мешает в работе, нитки же за него цепляются».

Все их интересует. И как одеться по моде, и что я думаю о фильме, который показывали по телевидению, и всякие житейские вопросы...

И разговоры в свободное от практики у ткацких станков время идут о культуре поведения девушки, о ее скромности и учтивости. И о том, как лучше распорядиться своей стипендией, а позже — и первым заработком и не забыть бы при этом о подарке маме, сестренке или младшему брату. Словом, мы, наставники, учим жить их. Ведь все эти девушки не только будущие наши работницы, но и будущие матери.

Но вот на чем бы я хотела особо остановиться. Конечно, наш университет нам многое дает. Но все же наставнику этого мало. Нужна хорошая литература. У меня дома есть несколько книг по общей педагогике. Особенно мне понравилась да и подсказала многое повесть известного стахановца первых пятилеток Ивана Гудова, «Друзья на всю жизнь» называется. Тут и рабочая педагогика и воспитание человека, хорошие конкретные примеры, написано доходчиво, живо и легко, человеческие судьбы раскрыты. Но таких книг до обидного мало. Надо бы нашим писателям и журналистам настроиться на тематику, нам нужную. И если жизненная школа — наш первый факультет, народный университет при парткоме — второй, то литература, хорошая книга может стать третьим нашим факультетом.

ПЯТЬДЕСЯТ СЫНОВЕЙ

А. МИРЗОЯН,
бригадир слесарей-сборщиков ереванского завода «Армэлектромаш», депутат Верховного Совета СССР

Манвел, Володя, Норик, Гарегин, Ашот Погос, еще один Володя... Разве можно всех так вот с ходу вспомнить? Наверное, ни у одного отца не было столько сыновей. Думаете, что своих детей у меня нет? Есть, есть — Маркар и Самвел. Оба студенты. Свои никуда не денутся. А вот ребята, которые приходят к нам в цех, в нашу бригаду, ребята с едва пробивающимся пушком над губой... Один робок, другой нагловат, один старается, другой волынит. Какие у него мысли в голове? А ведь надо сделать так, чтобы они остались в нашем цехе, чтобы стал им дорог наш завод.

Конечно, привить любовь к профессии важнее всего, это основа. Слесарю-сборщику и станки надо знать, и инструментом владеть, и чертежи читать, как ноты. Но не менее важно и другое. Каким становится человек на твоих глазах? За это я тоже в ответе. Вот я и спрашиваю новичка: «Учишься, сынок?» «Нет». «А почему? Здоровье не позволяет?» Тот, и без того румяный, пухлощекий, смущается так, что уши розовеют: «Я же работать поступил». «Э-э, сынок, это не причина. Вот я в своей жизни после десятилетки еще много учился. Так и электромеханический техникум окончил и университет марксизма-ленинизма, и все без отрыва от производства. Учишься, значит, в гору идешь. И тебе, сынок, тоже придется учиться. У нас в бригаде такой закон: кто в вечернюю школу, кто в техникум, а кто и в вуз. Хочешь работать с нами — так давай пиши заявление...»

В другой раз завожу с ним разговор на такую тему. Она вроде бы совсем не имеет отношения ни к передвижным электростанциям, ни к трансформаторам и генераторам, которые делаются на нашем заводе. О Мартиросе Сарьяне или Сильве Капутикян, например.

— Какого поэта ты больше любишь? А как ты относишься к Чаренцу, читал его книгу «Книга пути»? Ничего не читал? Ай-яй-яй, — укоризненно качаю я головой.— А я-то хотел поделиться с тобой своими впечатлениями.— И начинаю исподволь приобщать его к литературе.— Знаешь что, Чаренц покажется тебе далеким. А вот ты возьми пока эту книгу, — и советую, какую.

Через неделю-другую непременно поинтересуюсь, о чем эта книга, какой из героев пришелся ему по душе. «Странный у нас дядя Артем (так они меня называют), зачем-то про стихи спрашивает», — недоумевают поначалу ребята. А я считаю, что каждый мой, наставника, шаг — средство воспитания. Можно показать: делай так, но надо, чтоб получилось и другое: живи вот так.

Однажды вызвал меня начальник цеха: «Придется тебе взять к себе Армена». «Его же выгнали и оттуда и отсюда», — говорю. «Попробуй и ты повоспитывать».

В первый же день самовольно сбежал с работы. Потом второй раз, третий... После получки собираю бригаду. «Встань, Матевос, — обращаюсь к одному нашему хорошему рабочему.— Расскажи нам, как ты живешь, как проводишь свободное время, что собираешься купить себе и родным».

Рассказ Матевоса всем понравился. Кое-кто даже стал давать ему советы, чтобы он сделал то-то, пошел туда-то и туда-то.

— А теперь, — предложил я, — расскажи о своей жизни ты, Армен!

Тут выяснилось, что Армену и рассказывать нечего и планы его никак не соответствуют его маленькому вследствие прогулов и халатной работы заработку. Все рассмеялись: вот так получка!

Не знал Армен, куда от стыда глаза девать. Много еще раз мы с ним беседовали и обсуждали его поведение. Но прошло время, и мы дружно хлопали Армену на празднике присвоения разряда — такую традицию завел заводской комитет комсомола, — когда ученики переводятся в ранг рабочих. Делается это торжественно, тоже на собрании. При этом от имени нашей бригады непременно вручается хорошая книга. Надписываю ее я лично. Это уже наша бригадная традиция.

Выровнялся «трудный» Армен и сейчас на нашем заводе работает. Монвил Датцян — слесарь-сборщик четвертого разряда, тоже мой ученик. Пришел недоростком, чуть повыше верстака, отслужил в армии и снова к нам. Но уже, смотрю, вровень со мной. В техникум поступил. Потом на свадьбе всей бригадой у него гуляли. Посаженым отцом был, когда ребенок родился у него. Володя Акопян конструктором стал. Гриша Григорян старшим мастером. Иногда идешь по улице, останавливает человек, вроде бы знакомое лицо, а вот фамилию и не вспомнишь. «Я Норик Степанян, дядя Артем, — говорит.— Помните, вы меня в институт заставили поступить? Теперь я заместителем директора на другом заводе работаю. Если б не вы тогда...»

Как-то в завкоме потребовали точные сведения о моих учениках. Пришлось вооружиться бумагой и карандашом. Набралось человек пятьдесят. Пятьдесят моих сыновей. Это за тридцать лет работы на заводе.

ТАК РАБОТАЕТ СОВЕТ

Б. СЛЕДЕ,
директор рижского универмага «Детский мир»

Год назад в наш универмаг поступила на работу скромная, немного застенчивая, как говорят, тихая, ничем не приметная девушка. Мы даже не знали, в какой отдел ее определить. Некоторые сами просят: я хотела бы пойти на игрушку или в парфюмерный отдел. А Ира Иванова никаких желаний не высказывала. Определили мы ее в отдел трикотажных изделий. Шефство над ней взяла наш опытный наставник Марина Шандер. Ровно через год Ира преподнесла нам замечательный сюрприз: вышла победительницей конкурса, и ей было присвоено звание «Лучший молодой продавец Риги». А ведь в нашем городе очень много хороших и разных магазинов, и добиться такого успеха было нелегко. Иванова возглавила сборную продавцов, которая поехала соревноваться со своими сверстницами в Таллин, и там команда рижанок заняла первое место. Иру избрали в комитет комсомола нашего универмага. Вот вам и тихая, неприметная новенькая...

С этого эпизода я хотела бы начать рассказ о работе нашего совета наставников, ибо в воспитании все дело в том, кто воспитатель. Председатель этого совета Лариса Тихоновна Ванага. Она у нас с 1964 года, со дня открытия «Детского мира». Пришла восемнадцатилетней девушкой. Младший продавец, продавец, старший продавец. Работала и училась, окончила институт. Таков путь многих наших ветеранов. Теперь Ванага заведует секцией парфюмерии и все свободное время отдает общественной работе, а она требует много энергии и сил. Учится не только молодежь — учатся сами наставники. Их у нас сорок восемь — заведующие секциями, старшие продавцы. Десять человек занимаются в школе наставников при горкоме партии, пять — в двухгодичном университете наставников управления торговли. Каждый год в универмаге проводится конкурс на лучшего наставника, да-да, именно наставника! Последний раз подводились итоги в ноябре, перед октябрьскими праздниками. В числе лучших оказалась Велта Оссэ, заведующая спортивной секцией. Ей вручили грамоту и символический памятный подарок.

В чем же выражается наставничество? Прежде всего в передаче профессионального мастерства. У нас самообслуживание, покупатель имеет доступ к любому товару, тем не менее продавец столичного «Детского мира» должен обладать не только высокой квалификацией, но и быть примером во всех отношениях: терпеливым, внимательным, отзывчивым, вежливым. У нас изучается спрос покупателей, устраиваются конференции с представителями фабрик. Введена комплексная система управления качеством труда. Имеется журнал, в который записываются все наши промахи. Допустим, кто-то попал в эту книгу. Это не так уж страшно. Но если это ученик, то наставник обязан немедленно принять все меры, чтобы не повторилось происшедшее. Мы с наставника спрашиваем за это строже, чем с подопечного.

Как-то в журнале «Советская торговля» Ванага прочитала об интересном начинании в Уфе. Там наставники ведут дневники, заключают договоры о содружестве с учениками, проводятся социологические исследования. Мы тоже пошли по этому пути, разработана программа социального развития, особенно касающаяся молодежи. Для студентов — заочников и вечерников — установили скользящий график. Наставники интересуются, где и как ученики живут, чем занимаются на досуге. При оценке работы наставника учитывается все: активен ли подшефный в общественной жизни, как учится, занимается ли спортом — физической закалке мы тоже придаем большое значение.

Скоро у нас будет слет наставников, на котором обо всем этом и пойдет речь. В общем, совет — очень важный рычаг в улучшении работы нашего универмага, и в том, что у нас непрерывно совершенствуются методы торговли и в несколько раз вырос товарооборот, немалая его заслуга.

УМЕЛО НАБИРАТЬ СКОРОСТЬ

В. ВЕРСТУХИН,
машинист электровоза депо Тайга, Кемеровской области

У нас в депо много молодежи. Это я о тех говорю, кто окончил техническое училище, техшколу, курсы при депо и стал работать помощником машиниста. Разные бывают ребята, попадаются и серьезные и так себе — одним каким-то словом сразу всех не определишь. Я считаю, что лучше всего молодых людей воспитывают работа и те люди, которые этого молодого парня окружают. Иными словами — если хочешь кого-то воспитать, то покажи ему свой, личный пример, тогда и слов особо много не надо.

Мне трудно сказать, с чего такое трудовое воспитание начинается, потому что для меня в юности этот вопрос решился сам собой. Еще в школе я задумал стать машинистом. Почему, сам не знаю. Ни родни, ни знакомых с такой профессией у меня не было, а я вот взял и пошел на железнодорожный транспорт. Запомнил объявление, которое по радио передавали, и после окончания десятилетки подал заявление в Беловское училище.

Выучился на помощника машиниста электровоза и электросекции, получил распределение на станцию Тайга, приехал — а там еще паровозы ходят, только-только начали мачты для электросети ставить. Ну, стал работать на паровозе кочегаром. И мне это очень понравилось. Может, потому, что попал в очень хорошую паровозную бригаду: машинист Иванов и помощник Иванов, однофамильцы, опытные механики, мои первые наставники. Они за полтора года, что я проходил в кочегарах, такой университет отношения к труду, к железной дороге мне преподали, что я до сих пор им благодарен.

Помню, как в депо появились первые электровозы — чистые, красивые, все тайгинцы приходили ими любоваться. Меня включили в одну из первых бригад. Ухаживали мы за своим ВЛ-8, как за невестой! А опыта работы на нем не было, приходилось всему самим учиться. Например, тогда и понятия не было об экономии электроэнергии, мы даже не интересовались, как работает на электровозе схема рекуперации — основной источник экономии. Я ушел служить в армию, а когда вернулся, повсюду только и разговоров, кто сколько энергии сэкономил. Наше депо стало в этом деле лауреатом ВДНХ, всесоюзную школу у нас организовали...

Ну, пришлось мне и эту премудрость осваивать. Я тогда, после армии, полгода учился в техникуме при депо, получил права и стал уже не помощником, а машинистом электровоза. Первые самостоятельные рейсы прошли как во сне — казалось, все вокруг только на меня и смотрели. Потом чувствую: мало просто водить составы, надо делать это грамотно, как лучшие наши машинисты. Тут все важно: умело набирай скорость, умело тормози, анализируй вес поезда, количество осей, тяговое плечо — так и побегут киловатт-часы либо в экономию, либо в перерасход. Можно, конечно, не обращать внимания на это,— подумаешь, перерасход, на зарплате это почти не отразится, какие-то рубли! Но ведь есть рабочая совесть, есть профессиональная гордость, и то, как ты смотришь в глаза товарищам,— тоже не последнее дело.

Многие из тех, с кем я работал, стали для меня достойными подражания. Еще одним наставником была... история нашего депо. В 1902 году сюда кочегаром пришел Глеб Максимилианович Кржижановский, здесь работали Сергей Миронович Киров, Валериан Владимирович Куйбышев, здесь создавалась одна из первых в наших краях ячейка РСДРП — об этом, наверное, любой человек в Тайге знает. Из нашего депо было уже восемь делегатов на партийные съезды страны, я — девятый. Конечно, я горжусь тем, что встал в ряд со своими старшими товарищами. Вот Виктор Самоделов, делегат XXIV съезда КПСС, он нас учил, как надо экономить на перегонах электроэнергию. Машинист Сергей Николаевич Тимофеев, делегат XXV съезда,— он сейчас возглавил строительную бригаду по реконструкции депо и здесь нам пример показывает...

Во время работы съезда я не раз задумывался о том, как много в нашей жизни зависит от происходящих вокруг перемен, от результатов наших же дел. Конечно, никого не оставили равнодушными слова Леонида Ильича Брежнева о том, что формирование нового человека не завершено, что оно продолжается. Только от нас и зависит, каким станет наше будущее, что внесем в него мы и поколение тех, кто идет вслед за нами.

САМОЕ ВАЖНОЕ ДЕЛО

Г. СОРОКИНА,
мастер производственного обучения ленинградского СГПТУ № 46

Ну, как мне рассказывать о своих ребятах? Они ведь разные, у каждого свой характер, и никаких особых педагогических приемов или систем у меня нет. Просто я хочу, чтобы все они получили профессию, стали бы хорошими рабочими и жили бы счастливо. Вот и все. А проблем для этого приходится решать, конечно, очень много. И нам, преподавателям, и самим ребятам.

Давайте так: кто идет в среднее ПТУ? Во-первых, те, кто решил вместе со средним образованием приобрести специальность, кто твердо знает, чего он будет добиваться в жизни. Этих видно сразу, с первых их шагов в училище, и на таких наше училище, как говорится, держится. Их большинство. Но есть и те, которым все равно, куда и зачем поступать, на которых в школе махнули рукой: «Этот пойдет в ПТУ». И он приходит. Если к нам, в СГПТУ при Ленинградском оптико-механическом объединении, то, как правило, в группы, где готовят токарей и фрезеровщиков. Это, между прочим, тоже проблема — негласное разделение профессий на «престижные» и «непрестижные». Многие родители почему-то стремятся записать своих детей в группы оптиков, механосборщиков, слесарей-ремонтников и так далее — куда угодно, только не к станку. И ко мне, например, в группу фрезеровщиков, приходят все те, кто опоздал записаться к сентябрю, кто отсеялся в первые месяцы из девятого класса в школе, кто состоит на учете в детской комнате милиции. А я вот считаю, что фрезеровщик — прекрасная специальность, и нисколько не жалею, что двадцать три года назад я сама поступила в такую же группу в этом самом училище...

Впрочем, о себе позже, сейчас о моих красавцах. Группа формируется до самого декабря, а потом еще полгода мы друг к другу притираемся. Я знакомлюсь с ними, а они меня испытывают: что, если прогулять или просто ничего не делать? А я убеждена, что самый отпетый, самый пропащий не такой уж пропащий, просто он слегка запутался в своей короткой жизни и сам бы рад ее распутать, только вот привык, что все на него уже махнули рукой. И я говорю: «Ребята, меня не интересует, что там о вас говорили в школе, вы мне сами себя покажите, договорились? Считайте, что начали все сначала!» Конечно, после этого бывает еще масса персональных бесед, и стыдить приходится, и увещевать, и «в гости» к родителям ходить, но я должна сказать, что большинство грозных характеристик из школы на этих ребят не оправдывается. Может, быстро взрослеют у нас мальчишки, а может, слишком поспешили в школе записать их в безнадежные, перетащили за пареньком из класса в класс весь груз его детских «грехов», вот он сам в себе и разуверился... Не знаю, только у меня за пятнадцать лет работы из ПТУ отсеялись буквально единицы, а вот сколько выпускников стало прекрасными производственниками, мастерами, инженерами — не счесть!

Самое страшное в системе профтехобразования — это равнодушные преподаватели, случайные люди в нашем деле. Чему такой научит ребят, каких специалистов воспитает, если сам работает «от сих до сих»? Вот откуда идет потом брак — и производственный и духовный. И я уверена, что таких преподавателей было бы гораздо меньше, если бы к нам в ПТУ не направляли выпускников института прямо, как говорится, со школьной скамьи. Ведь в ПТУ контингент довольно своеобразный, сложный для педагога-новичка, который сам-то едва оперился. Ему бы год-два поработать, скажем, в вечерней школе, набраться опыта, а уж потом — к нам. По себе знаю, как нелегко освоиться со спецификой профтехобразования, а ведь я, можно сказать, выросла в стенах ПТУ.

Десятилетку я окончила в 1958 году и сразу поступила в профтехучилище — тогда оно называлось ТУ-17. Профессию не выбирала — куда предложили, туда и записалась. Семья у нас многодетная, приходилось и раньше в каникулы подрабатывать — в общем, работы не боялась. И, знаете, мне все время везло на хороших людей! Первый мой мастер Таисия Васильевна Казакова, она и сейчас преподает. Скольким я ей обязана в жизни! Практику проходила в 64-м цеху. Помню, иду по проходу, всего боюсь, а мастер Павел Васильевич Шитиков говорит: «Вот, Галя, станок. Вылизывай его, и твой будет!» Смотрю — большой-большой станок, как медведь, и весь в масле, новый. У нас в училище таких и не видели, там были станки самое большее на 500—600 оборотов, а этот — на 1200—1400! Я, наверное, неделю к этому «медведю» привыкала, все побаивалась его. Зажму деталь и кричу: «Павел Васильевич, включи станок!» Закончу обработку и снова: «Павел Васильевич, выключи!» Потом привыкла, восемь лет на этом станке работала. Не сразу, конечно, стало у меня все получаться, а сколько мне помогали — все, все, от начальника цеха до любого рабочего! Я и сейчас в свой цех стараюсь учащихся в первую очередь повести — знаю, что там не формально, с душой, с готовностью отнесутся к каждому. Конечно, и другие цеха не хуже, но пусть уж сразу мои ребята почувствуют, как для человека рабочий коллектив может стать родным домом!

Полностью соглашаюсь с тем местом в докладе Леонида Ильича Брежнева на съезде, где говорится о том, что школьные программы чересчур усложнены. Это и к СГПТУ в полной мере относится. Каждый понимает, что физика, химия, математика — предметы необходимые, без них современному рабочему нечего делать — тем более у нас, на ЛОМО. Но порой просто жалко смотреть, сколько времени ребята просиживают над учебниками! Те же знания должны подаваться доступнее, яснее. В подготовке молодых рабочих важна каждая мелочь, а лучше сказать — в ней нет мелочей!

Рассказы выступавших записали Г. КУЛИКОВСКАЯ, Н. БЫКОВ, Б. СМИРНОВ.

СЫН РОССИИ

Альберт ЛИХАНОВ

Великое рождается великим.

Низменное, пустое, ничтожное бесплодно или рождает столь же ничтожное, пустое, низменное.

Большая река берет начало от малого ключа, и только бедная душа, напившись хрустальной прохлады, презрит его, вместо поклона бросив в живородное лоно ключа ком земли.

Огромный дуб берет начало от малого росточка, которым проклюнулся желудь, и только пустая душа, заметив тонкую жилку жизни, может втоптать ее в землю кованым сапогом.

Два войска стоят друг против друга: великое и ничтожное.

Два войска, две силы: ведь и у ничтожного есть своя немалая сила.

Сражаясь с подлым, гадким, дрянным, большое становится великим. Только в борении, только в битве утверждает оно себя.

Река петляет сквозь горы, обходя крутизну и отыскивая свою единственную дорогу. Деревья вырастают, сгибаясь под напорами ветра.

Нет, жизнь непроста, она не может быть ровной и гладкой.

Жизнь — это горение, а в огне что-то сгорает.

Жизнь — это свет, а свет кого-то слепит.

Жизнь — это борьба, а в борьбе должен быть победитель.

Жизнь.

В этом слове немало значений.

Жизнь цветка, которому отпущено на веку одно лето.

Жизнь птицы, живущей три весны.

Жизнь человека.

И жизнь страны.

Все они плотно переплелись.

Разве можем мы жить без цветов, без пения птиц? А разве можем жить без Отечества, без Родины, без отчего крова?

Есть, правда, иные, похожие на странное растение перекати-поле, несет их ветер и нет им нигде пристанища. Только ведь даже перекати-поле несет ветром, когда оно умерло, превратилось в высохший клубок, оторвалось от земли.

Но это — ничтожное.

Тут же речь о великом.

Да, исток реки — в единственном ключе. Но силу и мощь течение наберет, лишь когда сольются в одно русло тысячи малых ручьев и сотни небольших речек.

Дуб проклевывается единственным росточком, но силу и мощь он наберет, лишь когда раскинет пушистую крону, разметнет могучие ветви, а и ветви и крону питают многие корни большого дерева.

Корни дерева и притоки реки похожи.

Они кормят ствол и реку.

А жизнь человека поит его Отечество.

Дальнее и близкое, песни и сказки, небо и земля, подвиги и герои, предки и современники — все это сродни корням, сродни притокам, которые, слившись воедино, превращаются в великую силу.

Человек рождается, живет и умирает не сам по себе.

Рожает его мать.

Живет он с друзьями, сражаясь с врагами.

А умирает, оставив дело.

Дело, которое подхватывают другие.

Человек — сродни реке, слившейся в мощное русло из многих притоков.

Человек продолжает начатое до него.

Тем он и силен, что, лишь продолжая, лишь набирая из матери-земли токи жизни, он способен совершить великое.

Эта повесть — про великого человека.

Про великого человека, рожденного великими силами.

ЕГО ДУША

ЗЕМЛЯ

Что познает человек прежде всего? Еще не научившись говорить, не научившись понимать?

Материнское лицо, которое бывает так близко, когда мать кормит дитя своим молоком. Боль. Голод.

И красоту.

Почему малый росточек жизни, маленький человек, в сознании которого мир едва успел перевернуться и стать на ноги, тянется к ромашке, похожей на солнце? Почему ладошка его мнет зеленый клейкий листок? Почему издает он радостный всхлип, разглядев нарядный сарафан божьей коровки — красный, в черную крапинку?

Да потому что детство ближе к природе, чем любая другая пора человеческой жизни.

Ведь и мать — частица природы. И сам маленький человек — ее частица. А пока он не вполне самостоятелен — он особенно близок ей.

В детстве много открытий. Но главные среди них — про мир, который окружает.

Вот светлая бабочка присела на малиновый цветок шиповника. Вот у подножия травинки, похожей на огромное дерево — только поменьше, — возится бронзово-загорелый жучок. Вот кузнечик — он только что скрипел своим невидимым смычком, а теперь затих, вглядываясь в тебя булавочными бусинками настороженных глаз.

Мир, оказывается, живой, даже мертвая лесина глухо стонет, если ударить по ней палкой.

Мир живой, и маленький человек, подрастая, видит, как смеется, как поет, как плачет и как страдает этот мир, даже если он и молчит.

Еще не сознавая себя, не зная родной речи, малое существо понимает: есть два пути по этому миру. Один — причиняя боль тем, кто не может тебе ответить. Второй — жалея всех, кто слабее.

Пожалев, человек становится человеком.

СЛОВА

Какое первое слово, сказанное им?

Их не так уж много, слов, которые люди произносят первыми.

«Мама». «Папа».

Наверное, еще какие-то есть. Старшие ведь порой в любом сочетании бессмысленных малых звуков ищут осмысленность речи.

И каждый раз повторяется великое, уже пройденное однажды — сквозь тысячелетия — человечеством, народом.

От немоты — к слову.

От одиночества — к людям.

От напряженности непонимания — к улыбке общения.

Придя в свой час, он скажет слово там, где царила вечная немота. Он соединит своим словом безжизненное с жизнью, бесконечную ночь со светом.

И это слово будет русским.

Истинный человек бесконечно уважает любую речь как принадлежность самобытности и равенства. И все-таки нет ничего славней русской речи!

Раскатистая, восторженная, гневная в одном коротком словечке — «Ур-р-ра!» — и сколько еще за этим словечком! Мальчишеского отчаяния, когда с деревянной саблей скачет босоногий конник в заросли лопухов. Взрослого мужества, когда с винтовочкой наперевес против злобного врага — с готовностью погибнуть, но добиться победы. Решительного упрямства, когда дрогнула и сдалась тайна сложного научного расчета.

А такое простое слово — «люблю»! Сколько в нем оттенков, на сколько ладов произнести его можно: и с испуганным придыханием, и с упорным отчаянием, и с душевной открытостью, с восторгом, тайной, неуверенностью, страхом и — счастьем!

Есть слова заповедные, заветные, как оружие, которое достают из ножен не по всякому поводу и случаю.

Но все-таки настают мгновения — нечастые, а оттого дорогие, — когда человек скажет слово «Родина».

И еще слово — «клянусь!»

ПЕСНИ

Слово людей соединяет, песня сплетает их в единое.

У единства этого много разных имен и красок. Деревенский хоровод похож на венок. Из желтых соцветий одуванчика. Из голубых васильков. Из белых ромашек.

Поют люди и в горький, черный час. За руки, как в хороводе, не держатся, но сплелись сердцами. Песня их в одну силу свивает, в одну волю.

Когда поют зеленые солдатские колонны, по спинам мальчишек, которые слушают, ползут мурашки. И сами по себе несут тебя ноги вслед за колонной, и хочется подравнять короткий мальчишеский шаг под поступь солдатских сапог. И так же басовито, мощно, надежно запеть:

> Вставай, страна огромная,
> Вставай на смертный бой!

Горькое, сладкое, радостное, бесшабашное, тревожное — у каждого часа и каждого чувства свои песни, верные спутницы человека. Не зря же, когда он один — в пустой тундре, глухой тайге, безмолвном космосе, — запевает привычно, и вот он уже не один вовсе, а с песней. А песню сложили люди. Значит, с людьми.

Песни сродни душе.

У каждого народа свой язык и свои песни, а значит, своя душа. Русские люди песней смеются, под песню печалятся, с песней идут на подвиг.

Уничтожьте песню, что будет? Поскучнеет мир, поволокой затянет свет.

И небо останется — да не то.

И слово останется — да не так.

А улыбаться люди станут реже.

Наш герой известен миру улыбкой. Открытой, доброй, сердечной. Словом, русской.

Над тайной его улыбки задумываются лю-

НА ВКЛАДКАХ: произведения палехских художников Калерии и Бориса Кукулиевых и Олега Ана, иллюстрирующие книгу Альберта Лиханова «Сын России», готовящуюся к выпуску в издательстве «Молодая гвардия».

ди: почему он так улыбался? Я думаю, потому что песни любил. Улыбка — песня души.

СКАЗКИ

Чему сродни душа людская?

Пожалев слабого, человек стал человеком. Овладев словом, стал не одинок. А запел — и взялся за руки с другими людьми. Силен стал.

Не правда ли — он как бы все выше и выше? Точно взлетает на крыльях души... В крыльях этих много перьев. Цветных, узорчатых, прекрасных. Вроде бы что тут, перо и перо. Чуть лучше, чуть хуже, какая разница.

Ан нет! Разница, и какая, коли речь идет о крыльях души. От каждого перышка зависимо — выше душа взлетит или малым довольствуется. Воспарит на высоту беспредельную или едва от земли оторвется...

Есть в перышках этих волшебных одно — небывало прекрасное. Отливает голубым, сиреневым, горит алым, оранжевым. Перышко это незаменимое, и без него душе тяжелей взлетать.

А имя ему — сказка.

Сказка душу греет, поднимает ввысь. В сказке — небывальщина, и, наверное, от этого все кажется таким взаправдашним.

Кружится шар наш земной в черном мраке, летит на леса снег пуховый, тает, цветами мир покрывается, а потом падает наземь желтый, отживший лист. Истаивает время, уходят старики, но сказки их никогда не уходят, оставаясь вечно волшебными.

И одна среди них — особенная. Про жар-птицу. Ночью прилетает она кормиться отборным зерном и пить чистую воду. Кто ухватит ее за хвост, тот счастье поймает.

Кто ухватит ее за хвост?

Не верят в свои силы старики. Усмехаются, покачав головой, взрослые.

Только малыш верит. Вырастет и поймает за чудный хвост волшебную птицу.

Горят глаза его.

Это душа воспаряет.

ГЕРОИ

«Сказка — ложь, да в ней — намек, добрым молодцам урок».

Ну, а былина?

Бывало ли былинное?

Никто, нет, никто не знает, жили ли на белом свете Илья Муромец, Добрыня Никитич да Алеша Попович, сражались ли с многоглавым Змеем-Горынычем да с бессчетной вражьей силой, бились ли с колдовскими чарами...

Вот ведь диво!

Были ли, не были, а стоят русские богатыри возле каждой детской кроватки, точно покой сторожат, точно подтверждают: «Да здесь мы, тут!»

Вглядывается малый человек в родные, близкие лица. В бородатое, широконосое — Ильи Муромца, который на палицу колючую облокотился. В лицо Добрыни Никитича, бородатое да улыбчивое, не зря имя у него такое доброе — этот на пику оперся. В безбородое и грустное Алеши Поповича — этот глаз затуманил, вдаль куда-то загляделся.

Хороши богатыри, святая русская троица, да ведь и четвертый есть — Микула Селянинович. Только отошел куда-то, не видать его. Да и куда отошел — понятное дело.

Три богатыря — воины, охранители земли родной, а Микула Селянинович боец особенный: воин-пахарь.

Пока тихо и вражьей силы нет, пашет он землю милую, хлебушек растит, чтобы малых детей накормить, богатырей-охранителей да и самому поесть. А настанет лихая година, вынет он меч-кладенец, и не будет удара страшней, чем его сеча.

Микула и за Родину бьется, и за землю, и за продолжение ее, которое в зернах пшеничных таится.

Были ли герои?

Да пустой вопрос.

Были, коли помнят их и маленькие и старики.

Были, коли в лицо их люди знают.

Были, коли подвиги былинные и новым людям по плечу.

МЕЧТА

От чувства — к слову. От слова — к песне. От песни — к сказке. От сказки — к героям. От героев — к мечте.

Вот как душа человеческая воспаряет.

Вот как взвивает ввысь, опираясь на крепкие крылья. И каждое перышко в крыле — красивое, как добро, надежное, как верное слово, прочное, как широкая песня, мудрое, как волшебная сказка, сильное, как могучие герои, яркое, как великая мечта.

Душа всегда рвется вперед. Всегда — вверх.

Зреет — поспевает маленький человек. Многого еще он не знает. Многого не умеет. Но — вы замечали? — не зная и не умея многого, он многое понимает. Это поступь души. Поступь духа.

Услышав сказку про меч-кладенец, маленький человек мечтает, как он вырастет и возьмет волшебный меч в руки.

Узнав про героев-богатырей, маленький человек мечтает, что он вырастет и станет сильный, как Муромец.

А услышав сказку про ковер-самолет, мечтает, став взрослым, летать.

По нынешним временам сказкой этой вроде никого не удивишь: малыши о самолете раньше узнают, чем про волшебный ковер. Но ведь были же, были времена, когда самолета не видывали, а сказку любили.

Любил и наш герой. Хотя, может, и не думал, что эта любовь и есть мечта.

Представь: ты на ковре, а внизу мелькают серые горы, змеятся светлые реки, пылится коричневая земля.

И дух захватывает.

И хочется кричать, кричать от восторга. Да так, чтобы голос твой тебя обгонял и, обогнув пространство, настигал сзади.

— Ого-го-о-о! Это я лечу! Человек!

И эхо в горах таинственно откликается, ударяясь о стены ущелий.

— О-о!.. Чу!.. Век!..

Человек летит над землей. Он летит пока лишь мыслями. Но восторг уже охватывает его. И сердце проваливается. И дух замирает.

Он уже участник будущего, хотя еще не все понимает и не все умеет.

А это и есть мечта.

ИКАР

Придет время, и наш герой узнает миф об Икаре и Дедале. О том, как два человека захотели сравняться с птицами и сделали крылья, похожие на орлиные. Но солнце растопило воск, скреплявший перья.

Придет время, и наш герой узнает быль о безвестном вятском крестьянине, который, смастерив крылья, влез на колокольню, чтобы испытать свою мечту.

Мысль людская обгоняла время. Обгоняла знание.

А исполнение желаний без них невозможно.

Знание. Как тонкая и слабая на вид, прозрачная струйка ручья точит камень, о который она бьется, так знание пробивает брешь в камнях незнания.

От мечты — к знанию. Вот последний его шаг.

Впрочем, шаг первый.

Только узнав сделанное до него, человек способен шагнуть дальше.

Но это — шаг в будущее.

Пока до него далеко.

Пока же, движимый мечтой, вдохновленный былиной, сказкой, песней, словом, окруженный богатырями, которые прикасаются ко всякому доброму человеку, даруя ему силу и надежность, человек шагает от желаний к делу.

Это дело — знание.

Не такой простой шаг. От первой задачки к сложной формуле путь тернист и потен. Просто пощупать камень, но не просто выяснить строение его атома. Легко взглянуть на звезды, но не просто усвоить звездную карту.

Легко сказать: «сделаю», — но нелегко сделать.

Шаг к знанию — это путь к осознанию себя.

Человек еще не знает, кем он будет на этой земле. Но он уже знает, каким будет.

Путь избрать достойно любой, а вот суть у всякого едина.

В мире сказок и героев, песен и былин, в мире мечты и слова, которое не бросают на ветер, рождается светлый человек, зрелеет, становится взрослей.

Взлетела его душа, опираясь на важные устои.

Не видна поддержка, но она есть. Без нее взлет невозможен.

НЕБО

К нему поднимаются глаза человека — любого и всякого.

Вот закрапал дождь, и, прежде чем раскрыть зонтик, человек мельком взглядывает в небо.

Вот, задумавшись, следит он, как парят в знойный день пушистые кружева облаков.

Вот разглядывает звездную кисею, отыскивая Млечный путь.

Вот испуганно разглядывает плотные тучи, которые рассекают острые лезвия молний.

Человек и небо, они так далеки друг от друга.

Человек и небо, они так близки: ведь небо, если поразмыслить, начинается прямо у ваших ног.

Вот этот воздух сразу над травой, вот это пространство над асфальтом, вот эта пустота над кустом — это все небо, точно такое же, как там, на высоте.

Мы трогаем небо каждый час. Размахиваем в нем руками, торопясь на работу, дышим им, нашим небом. Но редко думаем об этом.

И только немногие думают о небе всегда.

Не так-то просто это — думать о небе.

Еще трудней — мечтать.

Но есть, есть люди, думающие о небе, мечтающие о нем.

Их не узнать, встретив на улице. Нет, не узнать.

Они, как и мы, мельком взглядывают вверх, прежде чем раскрыть зонтик, всматриваются в звезды, пугаются, глядя на молнии, и задумчиво разглядывают пушистые облака.

Они такие же, как все.

И не такие.

ЕГО СЕРДЦЕ

КНЯЗЬ

Душа сродни сосуду, наполненному чувством, мыслью, верой, образами.

Сердцу этого мало. Мужая, сердце жаждет гордости, которая опирается и на сказку, и на легенду, но и на точный исторический факт.

Сердце жаждет гордости, опирающейся на великое прошлое, ибо без минувшего нет настоящего и будущего.

Без достойного прошлого нет достойной личности.

Не каждый день и не каждый час, но настает, настает в жизни народа мгновение, когда вся предыстория отзовется в сердце одного из миллионов и прошлое — славные ратники, великие ученые и поэты, битвы, муки, озарения — возникает за плечами у избранного судьбой.

У того, кто станет потом символом эпохи.

Вглядимся же пристальней, кто за плечом у него, вглядимся в даль времен — пусть золотая стрела неповторимой улыбки пробьет тучи давности и высветит далекое: блистающие шеломы, кауриых коней, строгие лица русских воинов — тех, что под рукой славного Игоря Святославича, князя Новагорода-Северского собрались единой стеной против восточных пришельцев.

Ах, русские имена! Они, как названия древних крепостей, говорят сердцу куда больше, чем означение человека. В них — гул колоколов, шум веча, шорох ветра, удар меча о щит ворога. Вслушайтесь: Всеволод из Трубечка, Святослав Ольгович из Рыльска, Владимир из

Путивля — сын Игоря. Вот гордые имена князей, что поднялись в поход за родную землю супротив половецких ханов и соединили малые пока кусочки русской земли в тяжком противостоянии.

День сеча шла. Другой день бились воины. Сражались и в третий день.

В первый день разбили князья половецкие отряды. Да устали, не погнались за врагом. И наутро половцы окружили русских, и сеча была кровавой — из последних сил. На третий день разбили враги русских, а князя полонили.

И вспомнил Игорь, как даже само небо указывало ему на беду, как закрылось солнце посреди дня великой тенью, и закрылись цветы, и тревожно заржали кони. Но даже само небо не право, пугая воина, коли идет он на сечу за родную землю.

Горька эта строчка русской истории, горька эта строчка русской поэзии. Горька, но не безнадежна, горька, но слово поэта вперед зовет, к воле, к битве — новой и новой.

И еще. Безвестный поэт, «Слово о полку Игореве» написавший, дух возвышает. Человеческий, национальный. Раны Игоревы и кровь ратников русских еще отомстятся восточным пришельцам. Но не только это. Великое хранит в себе урок для грядущих. А урок «Слова» очень важен и посейчас.

Умением мужественным быть, как Игорь. Умением верным быть, как Ярославна.

Не такое малое наследство — верность и мужество.

ПОЛЕ

Говорят, история не повторяется. Да, это так, и все-таки бывает похожее и в истории. Двести лет спустя после печального похода Игоря Святославича, на Дону, близ впадения в него речки Непрядвы, на поле, прозванном Куликовым, грянул бой между войсками Мамая и русскими ратниками князя Дмитрия. Сначала ударили русские, а потом одолевать стали враги.

Только не зря, нет, не зря прошли долгие годы.

Стали опытней ныне русские ратники, поднабрал сил русский народ.

И когда стали вороги одолевать левое войско Дмитрия Ивановича, двинул он вперед резервный отряд свежих ратников, а потом засадное войско двинул и разбил пришельцев.

Двести тысяч воинов полегло в той битве — русских и врагов. И урок тот вековой.

Как ни дорога цена за свободу — всегда платил ее народ, потому что нет ничего на свете дороже одного-единственного — независимости, гордости, права на собственную жизнь.

И напавший платил всегда полной мерой за свое посягательство. С востока ли шел этот враг или с запада. И тому быть вечно.

И еще один урок истории, преподанный всем и каждому в те стародавние годы.

Вот урок этот: через поражение — к победе. Нет, не должно героем зваться тому, кто, однажды отступив, не пошел в новый бой и не добился победы.

Нет тому чести — ни человеку, ни народу.

С далеко давней поры истина эта к нам тянется, освещая дела, порывы, цели такой простой и ясной мыслью. К победе! Только вперед! И если не удалось с первого замаха, руби снова и снова.

До желанного конца!

Урок этот выучен потомками россиян отлично.

ЛОМОНОСОВ

Ратная доблесть и доблесть научная сродни друг другу.

Там — сопротивление врага, которое надобно преодолеть.

Тут — сопротивление незнания, которое следует обернуть в знания.

И первый русский ратник в науке, глядящий из дали времен,— Михайло Ломоносов. Его ли жизнь — не пример, достойный почитания? Девятнадцатилетним — в те-то поры! — поняв, что должен сделать в жизни больше, пришел из северного села в Москву, учился в школе, рядом с малышами, снося и насмешки и голод. И только об одном мысль — о священном служении науке.

Жизнь Ломоносова можно означить одним словом — «прорыв».

Прорыв социальный — из крестьянства в академию. Прорыв из тьмы в знание. Прорыв сквозь онемеченную канцелярщину псевдонауки в чистый простор поиска.

Он был профессором химии, но занимался теорией и практикой стихосложения. Он слыл известным физиком, но много сделал для металлургии. Он занимался естествознанием, астрономией, географией — чем только не занимался Ломоносов — и все на высочайшем научном уровне!

Возможно ли такое многоцветие в одной жизни?

Подрастая, из дали нынешних времен обращая свой взгляд в прошлое, наш герой не раз восхитится великим примером Ломоносова.

Да, такое неповторимо!

И повторимо!

Ведь это он повторит множественность знаний великого своего предтечи, открыв своей судьбой профессию профессий.

Где надо быть и географом, и инженером, и астрономом, и физиком, и химиком, и естествоиспытателем, а потом — и металлургом!

Пока же — только восхищение.

Впрочем, почему — только.

Восхищаться — это почитать пример иных, восторгаться трудом другого, его способностью, его возможностью.

Восхищение примером — первый шаг к беспредельному самосовершенствованию.

ПУШКИН

Пушкин!

Сколько в имени этом озорного, веселого, крылатого счастья! Какой русский при имени этом не улыбнется? Не вспомнит дорогих строчек? Не ощутит прилива волнения и еще чего-то волнующего, нежного, грустного?

Пушкин — это первая книга, которую читает малышу бабушка.

Пушкин — это строки, врезавшиеся в тебя навеки одной, не выбранной тобой, но навеки памятной весной.

Пушкин — это имя-пароль, имя-девиз, имя-эпиграф.

Юной юностью, размышляя о великом своем долге, об отчем крае, о Родине, о народе, которому надобно служить, отдавая все свои силы, человек озаряет свои мысли вечным пушкинским:

Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

Пушкин и для нашего героя, как для всякого русского, был продолжением слова, продолжением песни, сказки, былины. Великий поэт был как бы внуком князя Игоря, Дмитрия Донского и Ломоносова.

Точно близкие родственники, стоят они рядом с тремя богатырями — сами богатыри. Богатыри ратные, богатыри науки и слова.

Но Пушкин все же — наособицу.

Пушкин собой, кажется, все вобрал — и слово, и историю, и мечту.

Вот война с ворогом, кого в ратные дружки позвать? Пушкина. А кто первым пойдет помочь русскому Икару? Тоже Пушкин!

И сам, будь он в те поры на свете, и стихом своим, коли стих этот жив.

И в прошлом он, до своего рождения, и в будущем, когда его нет, а словечко его волшебное — живо, неукротимо, весело, а еще и серьезно, раздумчиво, пламенно, трепетно, так что томик стихов пушкинских всегда у нас под рукой. И в дальнюю дорогу — первый спутник.

Пушкин!

При слове этом, как всякий и любой, улыбался своей неповторимой улыбкой наш герой.

А приведись случиться чуду — ах, как крепко обнял бы его Александр Сергеевич, как прижал бы к себе, одарив ответной лаской, искренним дружеством.

РЕВОЛЮЦИЯ

Все великое творимо народом.

Даже созданное одним — мыслителем, ученым, поэтом — в конце концов есть сотворенное народом. Пушкин — один. Был и будет. Но сам он — вершина народной духовности. Как Ломоносов. Как наш герой.

Народ творит людей.

Народ творит бури.

Сродни волне, сметающей на своем пути гниль, весенней грозе, омывающей раннюю зелень, молнии, разрывающей тьму,— пронеслась над Россией Октябрьская революция.

Сравнения эти неточны. Волна и гроза стихийны, революция Ленина ведома его гением и его партией. Подготовлена. Организована. Реализована. Буря народная направлена в точное русло, поток снес плотину.

Только у нашей революции — чудесная особинка. Сметая, она созидала. Разрушая, строила.

Широки крылья мечты. А еще шире — крылья революции. То там, то тут, то в одном, то в другом, мечта даже для глаза невидимо становилась жизнью, правдой, делом.

Сын крестьян, поколениями неграмотных, стал инженером. Дочь рабочих, племени униженных и оскорбленных при старом порядке, стала летчицей. Бывшее чьим-то, стало общим. Как удивительный цветок, расцветала, сияла ярким светом народная сила, народная воля, народный почин, народный энтузиазм.

Являлось доселе невиданное, слыхом не слыханное: государством правил народ, исчезала бедность, каждый был равен другому и каждый отвечал за страну.

Время рождало новые понятия: «коммунист», «комсомолец».

Время рождало новых людей, новую мораль, новое сознание.

Революция, сотворенная народом, стала его достоянием, его честью, его совестью.

Сутью новой общественной системы — социализма.

СТАРЕЦ

Мир мечтаний дарит человечеству гениев. Их не узнать. Они рядятся в другие одежды.

Их считают сумасшедшими.

Их признают чудаками.

И упорно не хотят наречь великими. Великое кажется чем-то значительным. Особым. Необыкновенным. Живущим вдали от этих мест.

Но где же живет великое, коли мы отказываем ему в соседстве рядом с нами? Не в небе же оно витает? Тут.

В Калуге жил учитель. Вечерами разглядывал небо в особую трубу. И хотя только в этом еще нет ничего странного, его считали странным. Чудаком. И признали бы сумасшедшим, если бы он рассказал соседям о своих великих вычислениях, о своих расчетах.

А расчеты были: как запустить искусственный спутник Земли, как полететь на Луну, как преодолеть земное притяжение.

Он печатал свои работы, не имевшие большого успеха. В своем сегодняшнем он жил будущим, а это не всегда понятно.

Но судьбу Циолковского как бы надвое рассекла революция. Калужский чудак стал интересен стране. Нужен людям.

Их было сперва не так много — любопытных, любознательных, беспокойных. Но — чудо! — их становилось все больше и больше. Полет на Луну волновал пионеров, машинистов паровозов, свинарок, планеристов.

На закате жизни Циолковский почувствовал, что не зря слыл чудаком много долгих лет. Чудачество пригодилось.

Стало серьезным. Важным. Великим. Звездный старец оставил тетрадки с расчетами тем, кто шел за ним,— молодым, белозубым, отчаянным.

Тем, кто чтил его великим учителем, веруя в силу человеческой мысли, духа, решимости.

Но как далеко пока это — дело, задуманное старцем!

ЧКАЛОВ

Он возник и стал символом своих десятилетий — высокий, красивый, отчаянно-смелый. Человек, который овладевал любой техникой, запущенной в небо. Человек, который вызвался перелететь через полюс на соседний континент. Человек, которому выпала совершенно новая доля — вынести небывало тяжкий груз славы, подаренный ему целым народом, от мала до велика.

Все было новым в его судьбе.

Новые рекорды. Новые трассы. Новые проявления духа. Испытания на нравственную прочность.

И весь мир увидел: поддержанный страной, воспетый ею, доверенный ее славы, человек способен на чудеса, на подвиг, совершенный при жизни и повторенный столько раз, сколько потребуется стране.

Славу Чкалов понимал как доверие, как не свою собственность, а принадлежность народа. Награды понимал как данное наперед, которое следует отработать. Почет понимал как уважение к достигнутому авиацией.

Все это предстоит и нашему герою, но пока он лишь улыбается, увидев фотографию Валерия Чкалова, как улыбается всякий, глядя на славу и гордость Отечества.

Приняв честь князя Дмитрия Донского, труды Ломоносова, песни Пушкина, расчеты Циолковского — приняв это как силу русского ума и духа, дарованного историей,— советские люди торопились делать собственную историю, и каждая строка ее очень нужна была новому Отечеству.

Сливаясь с прошлым, новая героика рождала новые представления — советский героизм, советский патриотизм, советский интернационализм.

Новое время рождало новые слова.
Высокие слова.
И новых героев рождало новое время.
Героев, достойных прошлого.
Героев, достойных будущего.

СИЛА

Наш герой силен духом. Славен предтечами.

Но чтобы совершить подвиг, мало самого сильного духа. Нужна основа. Нужен фундамент. Нужен тот самый сплав достижений, рождаемых духом народа, который зовется материальной основой.

Сила слова сильна лишь тогда, когда она крепится силой дела.

Жаль мужества солдата, который лишен оружия, достойного его мужества. Страна сродни такому солдату. Страну надо одеть. Обуть. Накормить. А для этого построить фабрики и заводы. Вырастить хлеб.

Открываются месторождения. По трубам течет нефть — кровь индустрии. По проводам льется ток — энергия рождения.

И все это — руками рабочих, потом крестьян. Чтобы жить, мало работать. Чтобы жить, надо думать. Наука, соединясь с трудом рабочих и крестьян, рождает новые идеи. Страна крепчает.

От лопат на Волховстрое — к экскаваторам у Магнитки. От станка — к десяткам для одной ткачихи в Иванове. От нескольких тонн в шахте Стаханова — к стахановскому движению.

«Норма — не предел!», «План — перевыполнить!», «Даешь рекорд!»

Лозунги рождала душа, а выплескивались они делом, создавшим фундамент страны, ее экономику.

Революция в энергетике. Прорыв в металлургии. Завоевания в машиностроении. Рывок на транспорте.

Один за одним росли гиганты-домны, гиганты-заводы, гиганты-электростанции.

Теперь, как говорится, задним числом, мы можем сказать, что страна жила в огромном напряжении.

Но напряжение было обоснованным.

Без напряжения первых пятилеток не было бы того, что зовется материальной базой социализма.

Не было бы силы, которая пригодится так скоро...

Страна писала своими мозолями строчку в истории, которая войдет в сердце нашего героя мажорной нотой великого шага.

ЕГО СУДЬБА

МАТЬ

А наш герой?

Он уже родился, он уже растет, известный пока только своим родителям, матери и отцу, и они тетешкаются с ним, как возятся со всеми детьми все родители.

Мать! Сколько добрых, неистраченных слов задолжало тебе человечество! И сказано немало, а все — мало, потому как никакими, самыми светлыми и святыми словами не отдарится тебе род людской — начало всех начал, суть человечья, продолжительница всего сущего!

Вот склонилась ты к своему младенцу, кормишь самым чистым молоком, какое только бывает, улыбка блуждает по лицу — счастливая, самозабвенная улыбка, песенку поешь — без слов, из одних только звуков нежности и любви, и в миг этот таинственный передаешь ребенку не плоть свою, нет, а сердце.

Это ты, мать, поддерживая чадо свое за руки, точно за неокрепшие крылья, делаешь вместе с ним первый его шаг по земле.

Это ты говоришь ему сказку, учишь слову — непременно доброму,— это ты поешь с ним первую в жизни его песню.

Говорят, есть и злые матери, случаются, но сознание наше решительно выметает такое из возможного, соединяя со святым именем мать только доброе, чистое, ласковое, бесконечно прощающее, предельно возвышенное, благородно надежное.

Не зря же у слова «мать» всего лишь один синоним — Родина.

Мать нашего героя зовут Анной Тимофеевной.

Девятого марта тридцать четвертого года в городе Гжатске родила она сына. Назвали его Юрой.

Вшагивая в мир, он любил слушать птиц, разглядывал, как весной распускаются почки, слушал сказки про былинных героев и однажды, как все добрые люди, пожалел живое.

В мире грез и правды, восходов и снов рождался один из многих и единственный, как каждый из нас.

ВОЙНА

Скажи тогда, в лихой час, солдатам со Смоленского направления, что деревню Клушино под Гжатском никак сдать нельзя: там мальчонка растет, слава и гордость России, Отечества, Земли. Верю, легли бы, а не сдали деревню. Все бы превозмогли, все бы отдали, а не отступили.

Но кто же знал это? Какой таинственный кудесник мог предсказать?

И еще. Думая о войне, о беспощадной ее жестокости, о неизбывном горе, которые принес нам фашизм, нельзя не поставить ему в вину: могла бы, могла несметная эта беда унести из жизни белобрысого парнишку, будущую славу мира. Как унесла, конечно же, унесла многих и многих — безвинных, безгрешных, едва начинавших любить жизнь — возможных героев, талантов, гениев.

Пресекая жизнь людскую, фашизм никого не щадил. И вечная ему за то ненависть, беспредельное непрощение.

Да, война могла унести Юру, и леденеет сердце при мысли о такой возможности. Но судьба хранит своих избранников.

Вместе с братьями и сестрами щипал мальчуган в оборванной одежке, похожий на нищего, первые травинки по весне, чтобы суп сварить. Плакал бессильно и в ненависти сжимал кулаки, когда фашисты угоняли в неволю брата и сестру, и казалось в отчаянии, они никогда не вернутся, Зоя и Валентин, шагающие по улице под прицелом беспощадных винтовочных дул. Жил в землянке во дворе собственного же дома, а в доме гоготали враги.

Нет ничего печальней, когда страдают дети. Но когда дети страдают вместе со всей страной — печаль эта рождает великую силу.

Ненависть, гнев и воля взрослых пускают корни в детях, рождая надежное продолжение непокоренности.

И в давние века, отступая, ратники готовились к новым боям. Честь Отечества неуступаема, какой бы ценой ни пришлось платить.

Вернулась свобода в Клушино. Среди тех, кто встречал солдат, белобрысый мальчишка. Он ликовал, как все, и вовсе не думал, что эта победа усталых, небритых солдат отзовется в его сердце спустя годы великой победой страны.

Которую принесет он.

ЖИЗНЬ

Просты факты его юности.

Но не прост их смысл.

Стоит в очереди за хлебом для всей семьи — в тяжкие годы после войны. Колет дрова на зиму. Вскапывает огород под картошку. И не забавы ради делается все это, а по житейской нужде.

Не страшится работы, самых простых дел и трудится не с натугой, а весело, в охотку. Он просто не знает, что можно жить без этого. Прекрасное незнание... И знает, что без этого нельзя. Прекрасное знание!

Это оно привело к раннему мужанию, к недетской зрелости. После шестого класса — как ни уговаривали учиться дальше — уехал в ремесленное училище, далеко от дома и профессию избрал мужскую — литейщик.

Точно играет судьба с нашим героем. Точно нарочно сбивает его с прямой тропы.

Только так ли? А может, ведет она его по самой короткой и самой верной дороге.

Дорога эта не усеяна обещаниями, она как будто ведет в другую сторону, и все же — все же ничего не случается неспроста, когда речь идет о пути героя.

Ремесленное окончил отлично, послали в Саратов, в индустриальный техникум — все по той же литейной специальности. Записался в аэроклуб.

В детстве выпал такой случай. Прямо над Клушином немцы сбили наш самолет. Летчик успел выброситься. И тогда рядом с ним сел другой наш летчик. Забрал друга в кабину, они улетели.

Как взрыв, как самое яркое впечатление, снова и снова выбрасывала память эту картину. Он видел ее во сне. Закрыв глаза, видел, восхищаясь опять и опять мужеством и силой дружбы.

Может, от той истории берет начало Юрина тяга в небо? А может, от облаков, которые влекут неведомой силой, как влекут они в свои объятия птиц, привольно размахнувших крылья?

Помните? Среди людей есть племя тех, кого не отличишь от остальных. Эти люди думают о небе всегда. Они такие же, как мы. Но другие.

АВИАТОР

Что он чувствовал там, в небе?

Радость? Восторг? Упоение?

Пожалуй. Только в нашем герое удивительно сплелось это — земное и небесное. Жил небом, но ради неба не бросил техникум: получил специальность, диплом. И даже уже не для дела,— окончательно выбрал небо,— а для товарищей, для друзей: неловко их бросать.

Аэроклуб — хорошо, хотя все-таки и любительство.

Профессия — авиационное училище. Тут небо — не только страсть, не только любовь, но еще и работа, еще и умение, еще и тяжкий пот, еще и ответственность.

Реактивные самолеты. Высокие скорости. Готовность в любую минуту не просто лететь, но вступить в воздушный бой.

Военный летчик — не просто пилот.

Это боец. А оружие у него крылатое. Умение летать для него не только мастерство. Выигрывает тот, кто лучше летает. Пехотинец не бывает один. Рядом всегда товарищи. Военный летчик тоже не один, он летит в

См. стр. 24.

НАД НИКАРАГУА РАЗВЕЯЛАСЬ НОЧЬ

Страницы биографии Эрнесто Карденаля так же ярки, как и страницы его книг. Поэт родился в 1925 году. Выходец из богатой буржуазной семьи, воспитанник католического колледжа, продолживший затем образование в университетах Мексики и США, он с молодых лет посвящает себя революционной борьбе. В 1954 году организует покушение на диктатора Анастасио Сомосу-старшего, после неудачи этого покушения вынужден скрываться от охранки... Впоследствии, получив сан священника, создает общину на одном из островов озера Никарагуа, ведет среди крестьян революционную пропаганду. В 1977 году члены общины вместе с партизанами идут на штурм казарм национальной гвардии в Сан-Карлосе. Это была одна из первых крупных акций Сандинистского фронта национального освобождения...

После победы революции Эрнесто Карденаля назначают министром культуры страны. Он ведет большую работу по преодолению культурной отсталости — тяжкого наследия, доставшегося новой Никарагуа от диктаторского режима.

Поэзия Эрнесто Карденаля, исполненная гражданственности и гуманизма, созвучна тем идеалам, служению которым он посвящает свою жизнь. Сегодня мы публикуем переводы новых его стихотворений.

Эрнесто **КАРДЕНАЛЬ**

ФОТОГРАФИИ ИЗ ГАЗЕТЫ «ЛА ПРЕНСА»

Каждый день в газете «Ла пренса» печатались
фотографии:
парни и девушки, снятые лежа,
веки полуопущены, губы полуоткрыты —
будто они смеялись, радуясь жизни.
Парни и девушки из страшного списка...
Иногда у них лица были серьезными
(на фотографиях, снятых для паспорта).
Лица, серьезные не по годам.
Парни и девушки, каждый день пополнявшие
список смерти...
Один из них пошел прогуляться по улице —
потом его тело нашли в зарослях на пустыре.
Другой, выйдя из дома в квартале
«Сан-Худас», спешил на работу —
больше он домой не вернулся.
Третий отправился в лавочку на углу
за кока-колой.
Четвертый шел на свиданье к подружке.
Пятого выволокли из дома
и посадили в армейский «джип»,
который бесследно растаял в ночи...
Трупы их потом находили в морге,
или в кювете шоссе — в горах, близ
Куэста-дель-Пломо,
или на свалке.
Трупы с переломанными руками,
выколотыми глазами, вырванным языком...
Некоторых не обнаружили до сих пор —
тех, кто был схвачен патрулями Черного Зверя
и Львиной Пасти,
тех, чьи тела бросали в кучу у озера,
на задворках театра «Дарио».
Единственное, что осталось у матерей,—
плоские, глянцевые улыбки, черно-белые лица.
Образ, запечатленный в сердце
и на фотобумаге,
воспроизведенный в газете «Ла пренса».
...Мы боялись, что страна останется без
молодежи.
Позже, уже после победы, порою я вздрагивал,
когда на каком-нибудь митинге со мной
здоровался юноша или подросток:
«Неужели ему удалось спастись?»
Как мы боялись за наших ребят!

Знали ли вы, павшие от рук палачей,
что древние греки
считали умерших в юности возлюбленными
богов —
потому что они навсегда оставались
молодыми —
такими, какими были в час своей смерти,
с гладкой кожей и пышной прической —
в памяти тех, кто, старея, прожил долгую
жизнь?
(Римлянка, умершая светловолосой,
светловолосой будет навеки...)
Вы, убитые, тоже останетесь юными,
но не потому, что юными вы сохранитесь
в недолговечной памяти тех, кто вскоре тоже
умрет.

Нет, вы навеки останетесь молодыми,
потому что в стране моей будет всегда
молодежь,
потому что, помня о вашей ужасной смерти,
молодежь Никарагуа будет вечно верна
революции.
Вы возродитесь в юных сердцах, обретая
новую жизнь,
словно новые зори, встающие каждое
утро.

ВАСЛАЛА

Сегодня Васлала полна веселья.
Васлала... Какое красивое имя!
(А прежде оно внушало ужас.)
Теперь сюда не приводят крестьян
со связанными руками.
В сумерках, на закате, не слышно
душераздирающих стонов,
а слышатся только нежные переборы гитары.
И никто истерически не кричит:
«Долой народ! Да здравствует
национальная гвардия!»
Приходят девушки из Куа, улыбаются,
прикрепляют цветы к волосам...
Кошмар под названьем «Васлала» кончился.
Васлала полна веселья.
Васлала — та самая, которую жители севера
считали столицей террора и смерти.
Васлала — главный плацдарм «общего плана
противоповстанческих действий»,
центр операций по окружению партизанских
отрядов,
Васлала — мрачнейшая из «стратегических
деревень»,
в которых усмиряли крестьянство...
Теперь здесь не встретишь немецких овчарок,
выслеживающих революционеров.
Над Никарагуа развеялась ночь: Васлала
сделалась вновь цветущим горным селеньем.
...На этой ферме расстреливали и сжигали
живьем.
Маисовые поля стали кладбищами —
здесь зарывали целые семьи...
И вот уже Панчо с мачете в руке пропалывает
кукурузу.
В школу прислали учителей (а не полицейских
агентов, как прежде).
Чтобы выкупаться в реке, не нужно идти
за разрешеньем в казарму.
Солдаты в оливковой форме возятся
с ребятишками.
Нет больше минных полей среди мирных
полей.
Не ревет над холмами
вертолет, увозивший куда-то крестьян и через
десять минут
возвращавшийся только с одним
экипажем.
...Сюда пригоняли крестьян из Дуду́,
Кубали,
Кускаваса,
Ванаваса,
Суники,
Сапоте.
Здесь были карцеры, там — подземные
казематы,
рядом — рвы, в них закапывали мужчин
и женщин, стариков и детей.
...Больше по горам не рыщут звери, одетые
в шкуру маскировочных комбинезонов.
И теперь крестьяне с другого берега
останавливаются на ночевку в казармах.
Ночь тянулась целых пять лет...
Как прекрасны горы нынешним утром,
горы, в которых жили партизаны!
Перед зданием штаба, будто колибри,
порхают детишки.
Женщины, как туканы среди цветов,
щебечут возле бывшей тюрьмы.
Красно-черные флаги тоже кажутся птицами.
Как прекрасны весенняя зелень, веселье
моих друзей!
Как красиво и плавно течет река!
День настает.
Кофе в этом году должен уродиться на славу.
Радость пришла в Васлалу.

НА МОГИЛЕ ПАРТИЗАНА

Думаю о теле твоем, которое постепенно
растворяется в мягкой и влажной земле,
становится перегноем,
перемешиваясь с прахом других умерших —
всех, кто жил на этой планете, всех,
кто когда-нибудь будет жить;
каждый человек, желая того или нет,
способствует плодородию почвы.
И когда космонавты смотрят сквозь
черную ночь на этот шар,
окрашенный голубым и розовым цветом,
то, что видят они,— это твоя могила,
излучающая свеченье,
это братская наша могила.
Инопланетянам из далекого далека
наша Земля представляется маленькой
сверкающей точкой.
То, что видят они,— это твоя могила.
Впрочем, все, что есть, когда-нибудь
станет могилой, безмолвной могилой,
на Земле не останется ничего живого.
Что же будет потом? Вот что будет потом:
мы растворимся во мраке, рассыпавшись
атомами по Вселенной...
Брат мой, по всей вероятности, материя
вечна —
нет у нее ни конца, ни начала,
если же наступает конец,
то каждый раз все начинается снова.
А у любви твоей было начало. Но конца
у ней нет.
Атомы жизни твоей, смерть принявшие
во имя любви,
плоти твоей частицы, сросшиеся с землей
Никарагуа,
засияют снопами искр,
разворачиваясь в мирозданье,
как плакаты, как транспаранты,
возвещающие любовь.
Может быть, я выражаюсь неясно.
Попросту говоря, я хотел сказать,
что твое имя не будет забыто.
Когда его назовут на перекличке
будущих поколений,
строй громогласным хором ответит: «Я!»

Перевел с испанского
Владимир **РЕЗНИЧЕНКО.**

ИГОЛКА, НАПЕРСТОК И КАЛЕНДАРЬ

Н. КРЫЛОВА,
специальный корреспондент «Огонька»

«За годы социалистического строительства братские страны накопили многообразный положительный опыт организации производства, управления, решения народнохозяйственных проблем...

Давайте, товарищи, внимательнее изучать и шире использовать опыт братских стран»,— сказал в своем докладе на XXVI съезде КПСС Леонид Ильич Брежнев.

Сегодня мы рассказываем об опыте швейников Чехословакии. Сколько нужно времени, чтобы сшить модную вещь? Водолазку, например, шьют за 20 минут. Костюм или пальто, разумеется, дольше. Но все равно это несоизмеримо с тем сроком, который нужен, чтобы платье с листа художника-модельера проделало путь до прилавка. Что греха таить, случается, «новинка» устаревает к моменту рождения. Как сократить губительный для вещи и огорчительный для покупателя разрыв во времени, шить качественно, быстро и в большом количестве модные вещи?

Чехословацкие портные одевают не только своих соотечественников. Большие партии одежды идут на экспорт в социалистические страны. Есть среди покупателей и западные торговые фирмы. Чехословацкие платья, костюмы носят жители Лондона, Осло, Гааги. Даже такой законодатель мод, как Франция, покупает дамские плащи с маркой «Сделано в Праге».

Значит, не отстают здесь от календаря моды иголка и наперсток. Сегодня это уже скорее символы портняжного дела, ставшего современной индустрией с автоматическими линиями, с использованием новейших материалов и методов производства.

ВСЕ ЗОЛОТО «МОДЕТЫ»

За окном серебрились свежим снегом крыши Йиглавы, небольшого старинного городка посреди Чешско-Моравской возвышенности, а на рабочем столе у модельера Алены Морозковой — изящный черный купальник.

— Для будущего лета,— говорит Милан Свобода, инженер, сопровождающий нас на трикотажной фабрике в Йиглаве. Фабрика эта входит в крупное объединение «Модета», выпускающее шесть с половиной миллионов трикотажных изделий в год. Очень практичные, современные вещи — джемперы, кофточки, костюмы, платья.

На «Модете» уже третий год проводится эксперимент — непрерывное обновление ассортимента. В прошлом году планом было предусмотрено обновить 80 процентов выпускаемой продукции. Обновили 92. Шутка сказать, почти полностью!

— Иначе нельзя,— продолжает Милан Свобода.— Надо держать марку. Покупатель ждет от «Модеты» не просто хороших изделий, а новых. Покупатель — вот кто диктует.

— А выгодно ли предприятию угождать покупателю?

— Да. Вот пример.— Мой собеседник показывает мне мужской пуловер.— Классическая вещь, не правда ли? Так сказать, неувядаемая часть нашего гардероба. Их носили и двадцать лет назад и будут носить еще не меньше. Обратите внимание на цвет, фактуру материала, отделку. Все новое, современное. Это изделие отнесено к категории «модная новинка». Кстати, треть всей нашей продукции, выпущенной в прошлом году, зачислена в эту категорию.

Инженер Милан Свобода: «За год обновляем почти весь ассортимент».

И Милан Свобода объясняет, что это значит. На такие изделия государственная комиссия разрешает повышать цену до тридцати процентов. Покупатель охотно заплатит дороже за модную, добротную вещь. Половину надбавки получает комбинат и использует эти средства для покупки новейшего оборудования, разработки модных образцов. Получается цепная реакция, когда появление одной новинки — уже как бы ступенька для следующей.

Ну, хорошо, скажет иной читатель. А если я предпочитаю пусть не самое модное, но зато не самое дорогое? И для таких покупателей появление модной новинки выгодно: вторую половину надбавки получает торговля. На те вещи, которые не пользуются спросом, цены снижают. Вот на покрытие этих издержек и идет прибыль от модных новинок.

А теперь вернемся к нашему черному купальнику и попробуем проследить его дальнейший путь.

Первый экзамен предстоит в следующий понедельник: комиссия «Модеты», куда входят технологи, экономисты, модельеры, будет просматривать коллекцию на вторую половину 1981 года. Каждая кофточка, платье, костюм имеет как бы свой паспорт. Его разрабатывает модельер. Указаны вид и расход материала, тип машины, сколько будет обрезков при крое, затраты труда и т. д.

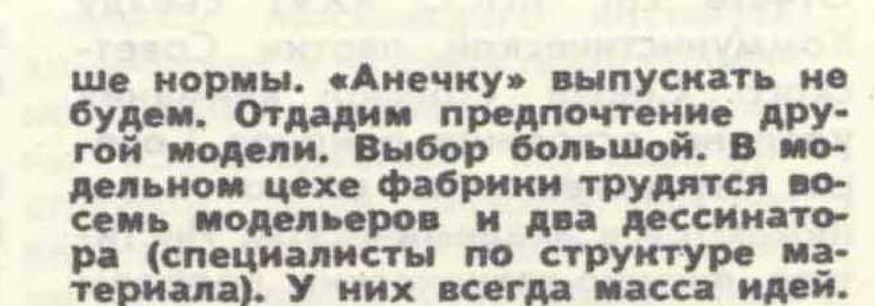
Я листаю папку, где подшиты эти скучные, как бухгалтерская ведомость, документы, и ясно вижу, что модельеры мыслят очень конкретными категориями.

— Смотрите. — Мне показывают «паспорт» детской куртки под названием «Анечка» (здесь все модели имеют собственные имена).— Фасон привлекательный, хорошо смотрится, а при раскрое очень много отходов и затраты труда выше нормы. «Анечку» выпускать не будем. Отдадим предпочтение другой модели. Выбор большой. В модельном цехе фабрики трудятся восемь модельеров и два дессинатора (специалисты по структуре материала). У них всегда масса идей.

В одном из цехов «Модеты».

Фото А. Штястного

Подсчитав все плюсы и минусы каждого изделия, комиссия цен «Модеты» определяет цену. Коллекцию моделей показывают торгующим организациям, с которыми подписываются контракты. На это уходит в общей сложности полгода.

— Нравится вам эта кофточка? — Милан Свобода показывает оливковый длинный жакет с поясом, очень простой и благородный.— Наша медалистка,— с гордостью поясняет он.

Кофточка эта прошлым летом получила золотую медаль на Либерецкой ярмарке. Два раза в год в Чехословакии в городах Либерец и Тренчин проводятся крупные ярмарки одежды. Лучшим изделиям присуждают медали и дипломы. Немало их получили постоянную прописку на «Модете».

Золотая медаль — это не только почет, это и обязанность: предприятие, получившее за свое изделие высокую награду, должно в течение года освоить его выпуск. Если не освоит или если торговля не возьмет, медаль отбирают.

— Но с нами такого не происходит,— улыбается Милан Свобода.— Эта кофточка скоро появится в магазинах. Торговля уже заказала нам пятнадцать тысяч.

А потом мы прошли в цех, и я видела, как эти кофточки шьют.

Показали мне и коллекцию, предназначенную для Советского Союза на 1982 год. Накануне нашего визита на «Модету» ее демонстрировали представителям наших внешнеторговых организаций. Из 152 образцов были отобраны сто, которые поедут в Москву, и в мае будет подписан контракт на их поставку. В будущем году «Модета» отправит в Советский Союз миллион двести тысяч изделий.

В ПРОДАЖЕ — ВДОХНОВЕНИЕ

Итак, от рождения модели до выпуска — полгода. Значит, нужно смотреть вперед. Такую роль — впередсмотрящего — выполняет Пражский институт культуры жилища и одежды. Какими будут новые сервиз и ковер, шторы и сковородка, мебель и платье — все должен знать институт на год-два вперед. Причем не просто знать, что будет модно в мире, но и как наладить выпуск этого у себя дома. Поэтому он имеет очень тесные контакты с предприятиями. Заметим, кстати, что законодатель моды — учреждение министерства промышленности ЧССР.

Знать, создавать, реализовать — в этом суть деятельности УБОК (так сокращенно называется институт).

Сотрудники его регулярно знакомятся с новинками мировой моды, ездят за рубеж, участвуют в работе ярмарок, просмотров, встреч специалистов. Какие намечаются новые линии в одежде, какие материалы появляются на мировом рынке, какие рисунки и расцветки — вся эта информация собирается в УБОК. На ее основе художники-модельеры создают инспиративные коллекции (от французского «инспире» — «вдохновлять»), которые показывают швейным предприятиям и торговле, чтобы подготовить ее к восприятию нового, модного. Институт не диктатор. Он предлагает швейным предприятиям (а также мебельщикам и тем, кто делает посуду, ковры): смотрите, вот что будет модно, выбирайте, прикидывайте свои возможности.

Допустим, УБОК создаст отличные фасоны, а швейники упростят, и что получится? Такого не происходит. Институт — хозрасчетное предприятие. Свои модели он продает (вместе с чертежами, выкройками) швейным предприятиям и практически помогает поставить новинку на конвейер. Поэтому модельеры института творят с конкретным прицелом на то, чтобы созданный образец был принят производством. А производство примет то, что у него возьмет торговля.

Такая вот получается цепочка. И потому модель, родившаяся в институте, не просто выставочный экземпляр, а первое звено этой цепочки. Экстравагантность, вычурность не свойственны нашему стилю жизни. Главный критерий — качество, соответствие мировым образцам.

УБОК постоянно проводит семинары, показы для работников швейной промышленности. Модельеры уже знакомой нам «Модеты» говорили, что обязательно три-четыре раза в год ездят в Прагу, в этот институт, знакомиться с развитием мировой моды.

В контакте с ним работает и другое крупное предприятие, где я побывала,— «Прагодев».

ДАМСКИЙ УГОДНИК

Самый популярный дамский портной в столице Чехословакии — это комбинат «Прагодев», где шьют женские платья, плащи, блузки, юбки, одежду для девочек. Одиннадцать швейных фабрик, более четырех тысяч работающих, четыре с половиной миллиона изделий в год. Добавим еще одну цифру: в Чехословакии семнадцать миллионов жителей. Не получится ли, что женщины будут ходить в одинаковых платьях?

— Нет, конечно,— отвечает заместитель директора «Прагодева» Иво Черны.— Каждая вещь, которую мы шьем, имеет «тираж» не более двух-трех тысяч.

— Даже если есть спрос?

Товарищ Черны утвердительно кивает:

— Да. И выпускаем серию только три месяца. Потом начинаем производство новой.

Наш разговор происходил в начале января, и я поинтересовалась, чем сейчас заняты модельеры «Прагодева».

— Разрабатывают коллекцию, которую покупатель получит в третьем квартале этого года.

— Кто ее утверждает и когда?

— Две комиссии «Прагодева»: одна рассматривает эскизы на бумаге — это происходит в начале февраля, вторая через три недели утверждает уже образцы в натуре. Какие-то вещи отклоняются, и модельеры без промедления заполняют образовавшуюся брешь новыми образцами.

В июне «Прагодев» представит торговым организациям свои модели, будут оформлены конкретные заказы — этого столько-то возьмем, этого столько,— и швейные фабрики приступят к выпуску одежды. Но прежде должны дать добро еще две инстанции: государственный испытательный центр, который решает, в частности, соответствует ли определенный процент изделий категории «люкс», и Государственный комитет цен. На это уходит всего несколько дней. Таким образом, весь путь от рождения модели до начала производства занимает шесть месяцев.

Хочу отметить еще вот что. Модная вещь — это не только новый фасон, а часто и новая ткань. К тому моменту, когда модельеры скажут свое слово, предприятие должно уже иметь ее. Так оно и происходит, сказали мне на «Прагодеве». Комбинат с участием модельного цеха заключает договоры с текстильными фабриками о выпуске новых материалов в соответствии с рекомендациями уже знакомого нам Института культуры жилища и одежды, координирующего работу художников, текстильщиков и швейников.

Четыре раза в год «Прагодев» запускает в производство новые коллекции. В каждой из них около трехсот образцов. Так что, покупая платье с маркой «Прагодева», можно не опасаться, что встретишь двойника. Разве только в зеркале.

Прага — Москва.

ИССЛЕДОВАНО — В ПРАКТИКУ

Сергей МАРКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Районы Севера — это большая часть территории нашей страны. Это сотни миллиардов тонн угля. Это нефть, газ, золото, алмазы, пушнина, лес... Недаром в Отчете ЦК КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза столько внимания уделено освоению районов Севера. Изучением этих вопросов занимаются в академическом Институте физико-технических проблем Севера в Якутске.

«ПРОВЕРЕНО В ЯКУТИИ»

«Стальная деталь, которая годами великолепно работает в условиях Украины или Кубани, становится хрупкой, как стекло, в Якутии или на Таймыре. В итоге мы наносим себе серьезный ущерб, ибо машины живут в несколько раз меньше, чем могли, если бы ответственные детали делались из специального хладоустойчивого металла. Истратив дополнительные тысячи, мы сберегли бы миллионы...» Эти слова принадлежат академику М. А. Лаврентьеву, одному из инициаторов создания в Якутске Института физико-технических проблем Севера. И еще. «...По подсчетам специалистов, количество поломок и аварий, износ деталей стандартной техники на Севере в 3—5 (а иногда в 8—10) раз больше, чем в условиях средней полосы страны. Из-за несоответствия применяемой техники требованиям северных условий, из-за транспортной неосвоенности территории и других причин общая сумма годовых народнохозяйственных потерь достигает огромной суммы...»

— Началась наша работа с поездок по предприятиям,— рассказывает заведующий отделом хладостойкости машин и конструкций Руслан Спиридонович Григорьев.— Мы исследовали работу автомобилей по всему северу Сибири, собирали так называемую достоверную информацию. Потом, уже в институтских лабораториях, ее продумывали, прорабатывали.

Возьмем самый, пожалуй, распространенный у нас автомобиль ЗИЛ-130. Машина послужила и послужит еще людям. Но на Севере при температуре ниже сорока градусов возникают непредвиденные поломки. Часто отказывают детали ходовой части — рессоры, амортизаторы, выходит из строя тормозная система. Надо сказать, что зиловцы думали и думают над созданием машин для Севера. Сейчас на филиале Автозавода имени Лихачева — Читинском автосборочном заводе — выпускается северный вариант машины, так и называемый ЗИЛ-130 С. Но, к сожалению, все усовершенствования сводятся пока к лебедке, установленной на переднем буфере, двойным стеклам на кабине и небольшим утеплителям — то есть в основном внимание уделено удобству водителя. А конструктивные детали — рама, рессоры, диски, коробки передач — остались пока неизменными. Машина стала после этих модификаций дороже, тяжелей, и, как показали исследования, в некоторых случаях даже снизилась эффективность ее использования в условиях Севера.

Или КрАЗ-255, КрАЗ-256. На морозе отказывает гидроусилитель рулевого управления, появляются трещины на раме, не справляется часто с холодами ходовая часть и система электрооборудования.

Первым предложением ученых было увеличить расход запасных частей на Севере в полтора-два раза. Заметно бы повысился коэффициент использования парка, то есть уменьшилось бы количество простоев в ожидании запчастей: несмотря на дополнительные расходы, эффективность работы автомобилей увеличилась бы и общая по Северу экономия превысила бы четыреста миллионов рублей. Но выяснилось, что заводы, производящие запасные части, даже со своим нынешним планом справляются далеко не всегда.

Второй путь — совершенствовать технологию производства машин в северном варианте. В конструкциях тракторов, грузоподъемных кранов и другой строительно-дорожной и транспортной техники, работающей на морозе, есть существенные недостатки. На стреле экскаватора Э-1252 БС, предназначенного для эксплуатации при температуре ниже сорока градусов мороза, часто появляются трещины, иногда даже она попросту ломается пополам. Почему? Потому что сварка стрелы была проведена неверно: так называемые непровары, пересечения швов во многих местах, которые при низких температурах вообще недопустимы...

— Может быть, одна из причин такого положения — в плохо налаженном учете отказов техники?.. А если создать нечто вроде справочно-информационного фонда, где собирались бы сведения от всех организаций, эксплуатирующих технику в условиях низких температур? — спрашиваю я.

— Вот именно! — соглашается Р. С. Григорьев.— Это могло бы стать своеобразным мостом, связующим науку с производством, польза от такого фонда стала бы заметна сразу.

Вот еще одна беседа — на этот раз с производственником, начальником сварочной лаборатории треста «Северовостокхиммонтаж» Эдуардом Николаевичем Рыжковым.

— Мы занимаемся монтажом металлоконструкций и труб по всей Якутии и в Норильске. Сейчас трудно даже представить, что делали бы мы без рекомендаций ученых, хотя бы по режимам сварки... Могу привести пример: раньше мы не представляли себе сварку без предварительного подогрева, который сам по себе требует дополнительного источника тока, вообще очень дорог. Ученые посоветовали нам обходиться без подогрева, за счет подбора определенных сварочных материалов, силы тока, скорости сварки. Короче, на километр трубопровода мы экономим 2 тысячи 649 рублей...

Что касается автомобилей, то, вероятно, наиболее радикальный путь — принципиальное улучшение конструкции в расчете на работу в Якутии и на Севере вообще. Руслан Спиридонович Григорьев говорил мне, что два года назад мы закупили партию мощнейших автосамосвалов М-200 американо-канадской фирмы. После сравнительно небольших пробегов, примерно в 25—30 тысяч километров, начались разрушения кожухов мотор-колес и передних осей — колеса попросту отваливались на ходу. А ущерб от одной такой поломки (не считая простоя, ремонта и так далее) около ста двадцати тысяч рублей.

Когда ученые разобрались в причинах этих поломок, то выяснилось, что для изготовления кожухов и передних осей использовался недостаточно хладостойкий материал — сталь с большими неметаллическими включениями — и имелись конструктивные недоработки, связанные с повышенным напряжением на определенные места. Фирма согласилась, что сталь и некоторые конструкции машин недостаточно надежны для Севера, и сейчас ею поставляются новые кожухи мотор-колеса, передние оси, сделанные по рекомендациям института. Этим сэкономлено несколько миллионов рублей.

А вот что считает по этому поводу основатель института Герой Социалистического Труда, член-корреспондент АН СССР Николай Васильевич Черский:

— Ученые уже довольно давно пришли к выводу, что в ряде случаев гораздо выгодней новые, совершенные виды высокопроизводительной техники и материалов, средств транспорта внедрять в первую очередь на Севере, задолго до того, как они станут рентабельными в освоенных районах. Здесь отдача внедрения гораздо выше, есть возможность вести испытательные работы круглый год. Марка «Проверено в Якутии» дает гарантию надежной работы во всех районах нашей страны и за рубежом.

УСЛОВИЯ СТ

ЭКОНОМИТЬ ДРАГОЦЕННОЕ ТЕПЛО

Всем известно, что одна из причин текучести кадров в Сибири и особенно на Севере, в так называемых «пионерских» поселках,— недостаточно хорошие условия жилья. Собственную строительную базу чаще всего не имеет смысла развивать в тех местах, гораздо выгоднее и легче привозить готовые панели или даже целые жилые блоки, чтобы на месте собирать из них дома. Так застраивается, например, канадский Север — буквально за год вырастает удобный во всех отношениях поселок с магазинами, барами, небольшими кинотеатрами...

Занимаются ли этой проблемой в Якутске?

— Конечно,— отвечает на мой вопрос директор института, доктор технических наук Юрий Степанович Уржумцев.— Панели, из которых строят канадцы, настолько легки, что их доставляют самолетами. И у нас в стране начали производство подобных, но пока их недостаточно. Однако, кроме этой проблемы, в наших условиях существует еще по крайней мере две, решение которых определяет условия жизни в небольших домах.

...Я перехожу из лаборатории в лабораторию и начинаю понимать, что проблемы, о которых говорил Юрий Степанович, в свою очередь, можно разъединить на многие и многие, каждая из которых — часы, недели, годы напряженного труда в научном институте и непосредственно на стройках.

Ограждающие конструкции, проще говоря, стены зданий, должны хорошо сохранять тепло и в то же время не пропускать особых температурных волн, которые создаются колебаниями наружной температуры. Ведь в Якутии, например, бывает и минус шестьдесят и плюс сорок. Меняется температура и в течение суток — весной днем поверхность стены нагревается до плюс сорока градусов, а ночью на этой же поверхности — минус двадцать. Это происходит за счет высокой солнечной радиации и прозрачности атмосферы.

Топливо на Севере очень дорого — прежде всего потому, что его привозят издалека. Расходуется же оно гораздо менее рационально, чем в средней полосе. Ученые подсчитали, что целесообразно немного увеличить толщину стен, улучшив тем теплозащиту, но строительные организации в этом не заинтересованы. Пять лет работали специалисты разных профессий и пришли к выводу, что стены, которые строятся сейчас с одним утеплителем из минеральной ваты, не отвечают требованиям Севера. Они рекомендовали строить с двумя утеплителями из различных полимерных материалов — ведь универсального, который держал бы тепло и не пропускал температурных волн, пока нигде в мире не найдено. На практике этого тоже нет.

Однако меня порадовало, что по рекомендациям института скоро будет создан проект и построен экспериментальный жилой дом, теплый и экономичный. Положено начало осуществлению той целевой программы по развитию различных отраслей народного хозяйства Якутской АССР, в разработке которой институт принимает непосредственное участие.

ТВЕРДЫЙ ГАЗ

— ...Секунду подождите,— просит Владимир Петрович Царев, заведующий лабораторией отдела газовых гидратов, доктор геолого-минералогических наук, и высыпает из стакана на ладонь мне несколько неровных кусочков льда. Я недоуменно поднимаю глаза.— Сейчас теплой воды принесут...

На стол ставят чашку с водой.

— Теперь попробуйте бросить сюда кусочек «льда».

Бросаю — и тут же отдергиваю руку от неожиданности. Кусочек льда моментально растворяется, громко шипя. Кладу в чашку второй, крупный — вся вода превращается в свежую газировку.

— Вот это и есть надежда человечества,— бросает в чашку следующий кусочек Царев.— Не будь открыты газовые гидраты, уже сейчас на земле родилось бы кое у кого отчаяние... Ведь по прогнозам зарубежных специалистов после двухтысячного года запасы нефти и месторождения обычного газа практически истощатся. Потребности в энергии будут удовлетворяться углем, которого, учитывая возрастающие темпы использования, хватит еще лет на шестьдесят—семьдесят; после этого наступит эра газовых гидратов. Кубический сантиметр такого гидрата выделяет до ста пятидесяти кубических сантиметров обычного газа.

...Открыты были твердые соединения газов с водой группой ученых, которой руководили академик А. А. Трофимук и член-корреспондент Академии наук СССР Н. В. Черский. Область распространения газовых гидратов на земле чрезвычайно велика. Она охватывает две трети территории нашей страны, большую часть Северной Америки, всю площадь Гренландии и Антарктики, девять десятых Мирового океана.

В северных широтах, где низки температуры и высоко давление и где только и возможно существование газовых гидратов, они находятся на глубине от 250 до 2000 метров — в виде твердого газа. В Мировом океане, на глубине которого в 600—700 метров постоянная температура от плюс двух до минус одного градуса, газовые гидраты держатся в морских осадках практически на всех широтах.

Нельзя сказать, что вопрос разработки залежей твердого газа остается чисто теоретическим — на чертежах и в расчетах. Добыча его в сравнении с обычным газом пока слишком дорога и энергоемка, но возможность эксплуатации уже доказана на практике, и ученые Института физико-технических проблем Севера имели к этому прямое отношение.

В 1969 году для обеспечения газом крупнейшего на Севере Норильского горно-металлургического комбината был построен газопровод Мессояха — Норильск. Газ, по идее, должен был подаваться из Мессояхского месторождения, но уже в начале разработки оказалось, что месторождение это газогидратное. Были предложения вообще прекратить добычу, потому что газа получали в четыре раза меньше, чем ожидали. Трубопровод практически почти бездействовал. Вместе с учеными Московского института химической и газовой промышленности имени Губкина и управлением «Заполярьегаз» якутским институтом была разработана совершенно новая технология добычи газа — после разрушения гидратов метиловым спиртом. Экономический эффект от внедрения этой технологии — больше пятидесяти миллионов рублей в год. Крупнейший промышленный комплекс обеспечивался газом до 1978 года, пока Мессояхское месторождение не было полностью выработано.

— К сожалению,— продолжает В. П. Царев,— у нас еще очень мало внимания уделяется исследованию Мирового океана с этой точки зрения. Не хватает судов для научной работы, оборудования, лабораторий. А ведь за Мировым океаном, его богатствами, и прежде всего источниками энергии и тепла,— будущее.

...Уже больше часа лечу я на ТУ-154 над территорией Якутии. Внизу — тайга, тысячи километров тайги, расчерченной белыми линиями заснеженных рек. Богатства, практически пока не тронутые. В Институте физико-технических проблем Севера, где я побывал, занимаются проблемами, от решения которых зависит, быть человеку полновластным хозяином северных районов, земли и океана или не быть, сумеем ли мы освоить огромнейшие запасы топлива и энергии и на неопределенный срок остановим надвигающийся энергетический кризис, или не сумеем, сможем ли быть хозяевами рачительными, постоянно думающими о тех, кто придет после нас, о лесах и реках, которые мы обязаны сохранить. Да-да, о последнем никак нельзя забывать, решая проблемы освоения Сибири, Севера, говоря о внедрении нового... Ведь природа может быть неисчерпаемой только в том случае, если люди, используя ее, относятся к ней бережно, познают глубоко ее законы и продуманно их применяют.

Якутск — Москва.

АВИТ СЕВЕР

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО?

ЕЩЕ РАЗ О БРИКЕТАХ

Согласен с автором статьи «Энергия в брикете» («Огонек» № 44 за 1980 г.): брикеты, эти энергетические концентраты, должны получить, как говорится, «зеленую улицу». Возьмите угольную пыль. Часть ее идет на коксование, однако все еще много — в отходы, так что у нас, в Донбассе, пылью покрыты все железнодорожные пути. А сколько сгнивает древесных опилок — горы! Чтобы избавиться от этих гор, опилки сжигают... под открытым небом. Так не лучше ли сжигать их в топках, предварительно прессуя в брикеты? Ясно, лучше. А у нас откосы терриконов, как снегом, завалены «ненужными» опилками...

Горловка — город промышленный, а вот нет здесь брикетной фабрики — была, а сейчас нет, по недомыслию ликвидировали. Так же, как и электростанцию местного значения, которая работала на бросовых газах коксовых печей. Сейчас коксовый газ «пополняет» атмосферу или его сжигают — далеко видны факелы бесхозности. А ведь есть у нас опыт по использованию этого газа для отопления жилых домов. Опыт хороший, поучительный, а положение с отоплением шахтерских поселков трудное: у огня, а не погреешься. Более тысячи человек на очереди за углем только у нас в поселке шахты имени Ленина в Горловке. Очередь продвинулась... на треть: многие еще за первое полугодие прошлого года не получили угля. Его подвозят нерегулярно, а наш уголь, местный, идет только на коксование. Вот тут бы и выручили брикеты!

В. ПЕНЬКОВСКИЙ,
пенсионер

Горловка.

ХОРОШО ЛИ «ЖИГУЛЕВСКОЕ»?

Репортаж К. Барыкина («Огонек» № 35 за 1980 год) «Хорошо ли «Жигулевское»?» привлек читательское внимание. Одно из полученных писем редакция передала в Министерство пищевой промышленности Узбекской ССР. Заместитель министра Х. Холходжаев сообщает нам: «Письмо читателя «Огонька» С. А. Поздоровкина обсуждено в коллективе Минпищепрома Узбекской ССР. Отмечено, что на страницах журнала «Огонек» поднят серьезный и актуальный вопрос о качестве пивоваренной продукции.

Минпищепром Узбекской ССР и коллективы предприятий республики проводят определенную работу по улучшению качества продукции. Пиво хорошего качества вырабатывают производственные объединения «Ташкентпиво», «Ферганапиво», Алмалыкский пивзавод. Улучшилось качество пива на Андижанском пивзаводе и Наманганском пивобезалкогольном комбинате...». Далее тов. Холходжаев сообщает, что на ряде пивзаводов устарелая техника планомерно заменяется новой, что «вопросы качества выпускаемой продукции находятся под постоянным контролем Минпищепрома Узбекской ССР».

Публикация «Огонька» и письма читателей рассмотрены также в других организациях. В частности, главный инженер «Укрпивопрома» И. Вийтык сообщил, что в прошлом году производственным объединением и предприятиями осуществлен ряд организационно-технических мероприятий, направленных на повышение качества продукции, совершенствование технологии производства, внедрение последних достижений науки и техники. Большая работа по техническому перевооружению проводится в нынешнем году.

ОТ МАДРИДА ДО ГРАНАДЫ

Юрий ПОПОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора

Мне давно хотелось побывать в этой стране. Звон мечей, серенады, кастаньеты, мантильи, сегедильи и прочие романтические аксессуары испанского оперного быта известны с детства. Писатели, поэты и композиторы создали много незабываемых, прекрасных произведений об Испании, но в иных правды подчас не многим больше, чем в сказке. Какие же они, испанцы, какая это страна в действительности?

И вот поезд, пронзив Пиренейские горы, пропетляв по долинам и промчавшись сквозь многочисленные туннели, вырывается на слегка холмистую равнину. После хмурой, дождливой и холодной континентальной Европы — голубой солнечный свет Пиренейского полуострова с зеленью лугов, оливковых рощ, игрушечные деревеньки и чистенькие города. Из окна вагона создается впечатление о каком-то неторопливом, спокойном укладе жизни и общей умиротворенности.

Мой сосед по купе Володя, с которым мы ехали вместе от самой Москвы, молчалив и задумчив. Он испанец. Точнее, он сам не знает, кто он. Мать и отец испанцы. Он едет к ним. Они жили в СССР. С тех самых пор, когда была война в Испании. Володя родился в Советском Союзе и, как я выяснил на границе Франции с Испанией, где мы пересаживались с поезда на поезд и проходили какие-то таможенные формальности, испанского языка он не осилил. И жена у него русская и дети тоже. И никто испанского не знает.

— Мой отец, кстати, русский язык как следует не выучил, несмотря на то, что жил в Союзе долго. К языкам мы оба неспособны. Но отец все время хотел вернуться на родину, и когда представилась возможность после смерти Франко, они с мамой поселились в Мадриде. Я — нет, я не собираюсь. Там ведь все не так, как у нас. И я, и жена, и дети — мы все привыкли к совсем другому. Погостить немного, посмотреть, а там и домой.

Володя — это как бы связь с моей юностью. Я помню эти дни тридцатых годов, когда газеты печатали сводки с фронтов Испании, где шла битва не на жизнь, а на смерть между коричневой чумой и новой, молодой Испанией, боровшейся за лучшее будущее. Этого будущего, которое отстаивали и Хемингуэй, и Мате Залка, и бойцы интернациональных бригад, и советские летчики, посланные на помощь республике, Испания в то время не обрела. Но именно в те времена не оперная, а живая Испания стала советским людям близкой и дорогой — та республиканская Испания.

На мадридском вокзале мы расстались с Володей. Он протянул шоферу такси бумажку, на которой по-испански был написан адрес, и уехал, обещав позвонить в Москве. Меня же отвез в гостиницу мой старый коллега и друг по «Известиям» Леонид Камынин, немного опоздавший, как все занятые люди, но неизменно бодрый и оптимистичный.

И вот я наедине с Испанией. Брожу по Мадриду, верчу во все стороны головой. Меня почти никто не понимает. Английский мало кто знает, хотя каждый год сюда приезжают десятки миллионов туристов, и в большинстве из англоязычных стран. Русский и подавно. И с немецким плохо. Улица Генералиссимуса (того самого), на которой расположен наш отель «Атами», прямая, как стрела, ведет туда, к центру Мадрида, где бьет ключом жизнь и днем и ночью.

Книг о современной Испании, о том, что представляют собою ее народ, ее культура, жизнь, обычаи, немного. А ведь Испания вписала не одну страницу в мировую историю и внесла большой вклад в общечеловеческую сокровищницу культуры. На протяжении многих столетий она играла одну из главных ролей в европейской и мировой политике. С этой страной связана эпоха великих географических открытий. Богатейшая литература, волшебная музыка, темпераментные танцы и, наконец, изобразительное искусство. Сервантес, Лопе де Вега, Магеллан, Христофор Колумб, Альбенис, Веласкес, Мурильо, Гойя и множество других великих имен дала Испания. Правда, здесь также полыхали костры святой инквизиции. Здесь королевская власть правила железной десницей. Отсюда, из Испании, отправлялись полчища завоевателей, уничтоживших культуру таких древних народов Латинской Америки, как инки, майя, ацтеки, и других. Но это уже другая страница истории.

Итак, Мадрид, Пуэрто дель Соль. Отсюда начинается исчисление всех расстояний в Испании — от Мадрида до любого города, и в асфальт тротуара здесь вмонтирован металлический диск, на котором значится цифра 0. Пуэрто дель Соль элегантна, богата и шумлива, как и все втекающие в нее улицы. Богатые магазины, сверкающие витрины, полно товаров. Но цены заставляют почесать затылок. Мне раньше приходилось читать о том, что Испания — одна из самых дешевых стран не только Европы, но и мира. Для иностранных туристов, конечно. Американский писатель Митчинер, посвятивший Испании две объемистых книги — «Иберия» и «Плывущие по течению», утверждал несколько лет назад, что это именно так, и даже привел список цен на основные товары США и Испании. Теперь, увы, все уже не то. Испания из-за инфляции стала одной из самых дорогих стран, это сказалось и на доходах от туризма. Если в 1979 году в стране побывало около 39 миллионов туристов, то в 1980-м их число значительно снизилось.

Впрочем, простой люд в этих магазинах ничего не покупает. Для него существует пестрая и, пожалуй, еще более шумная барахолка, так называемый Растр.

Неподалеку от Пуэрто дель Соль находится еще одна знаменитая площадь Мадрида — Пласа Майор. Это даже не площадь, а внутренний двор постройки, сооруженной без малого четыреста лет назад. Именно здесь последний из Габсбургов, правивший Испанией в XVII веке слабоумный Карлос II, наблюдал сожжение девятнадцати еретиков, осужденных инквизицией.

Как-то утром, проходя по одной из улиц Мадрида близ отеля, я заметил над одним из банков надпись: «Банко эстериор де Эспанья». Зашел туда разменять французские франки и, получая взамен испанские песеты у кассира, на всякий случай поинтересовался — не тот ли это банк, который открыл не так давно свое представительство в Москве. Оказалось, тот самый. Я вспомнил, что на приеме в Москве по случаю открытия этого представительства глава банка Фермин Селада Морено обещал мне дать интервью, но как-то так-случилось, что оно не состоялось.

«Почему бы не взять это интервью сейчас?» — пришло мне в голову. Сразу же позвонил в центральное отделение банка и попросил аудиенции у президента. Президент извинился через секретаршу, что он очень занят, но его заместитель меня тотчас примет и расскажет все, что нужно.

И вот я в банке. Респектабельное, отделанное полированным гранитом старинное здание с широкими мраморными лестницами, устланными коврами, со старомодными лифтами вселяет уважение и какое-то чувство стабильности. Меня проводят в один из кабинетов на четвертом этаже. Еще молодой, с черными глазами, подвижный и улыбчивый дон Хоакин Касусо Посада, один из руководящих работников банка, предлагает кресло, и наша беседа начинается в присутствии еще одного сотрудника, кстати, тоже хорошо говорящего по-английски.

— Мне кажется, что экономические отношения между нашими двумя странами находятся в начальной стадии,— отвечает он на мой вопрос.— Но перспективы, безусловно, хорошие, ибо зачем было бы открывать нам свое представительство в Москве? Банк наш один из крупнейших, через него производится подавляющая часть внешнеторговых операций. Если говорить вообще об экономических отношениях между странами, то их развитие не только укрепляет дело мира, но и сближает страны, дает возможность узнать, понять лучше друг друга. Банк имеет 250 отделений в самой Испании и целый ряд представительств и отделений в других странах — в Европе, Америке, на Ближнем Востоке и в других районах мира. Правительству принадлежит 63 процента нашего основного капитала.

— Считаете ли вы, что экономические рычаги могут быть использованы для достижения политических целей в отношениях между различными странами?

— Я лично считаю, что этого не должно быть, но, к сожалению, это происходит в современном мире. И это осложняет проблему создания мирной обстановки на нашей планете.

— Как вы относитесь к тем переменам, которые произошли в Испании на протяжении последних лет?

— Целиком поддерживаю и одобряю. Процесс демократизации нашего общества, нашей жизни — это уже необратимый процесс, и старое, конечно, не вернется. У нас, безусловно, есть проблемы, и они характерны и для других стран: непрерывная инфляция, рост безработицы — все это затронуло и Испанию, все это отражение общего кризиса, охватившего и Европу и Америку.

— А в чем вы видите причины кризиса?

— Целый комплекс обстоятельств привел к этому. Здесь и рост цен на нефтепродукты, несбалансированность бюджетов. Думаю, что и рост военных расходов в мире оказывает на этот процесс влияние.

Потом мы говорим о моих впечатлениях от Испании, о том, где побывал и что видел. Г-н Касусо предлагает свою помощь, если нужно, ведь у них есть 250 отделений в Испании и они могут и встречи организовать, и вообще познакомить с жизнью людей. Я с радостью ухватился за эту возможность, и после недолгого обсуждения мне было предложено побывать на юге Испании — в Севилье,

Эти книги о нашей стране им дали в советском посольстве * Мадрид. Памятник Сервантесу на площади Испании.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Хосе Лисбана сражался за республику * Улочка в Толедо * Ее зовут Кармен. Она студентка * Когда-то здесь, на мадридской площади Майор, горели костры инквизиции * Сувениры для туристов * Фламенко танцуют куклы * Как не поглазеть на эти игрушки! * Дама с собачкой на Виа Кастильяно в столице.

ORIENT

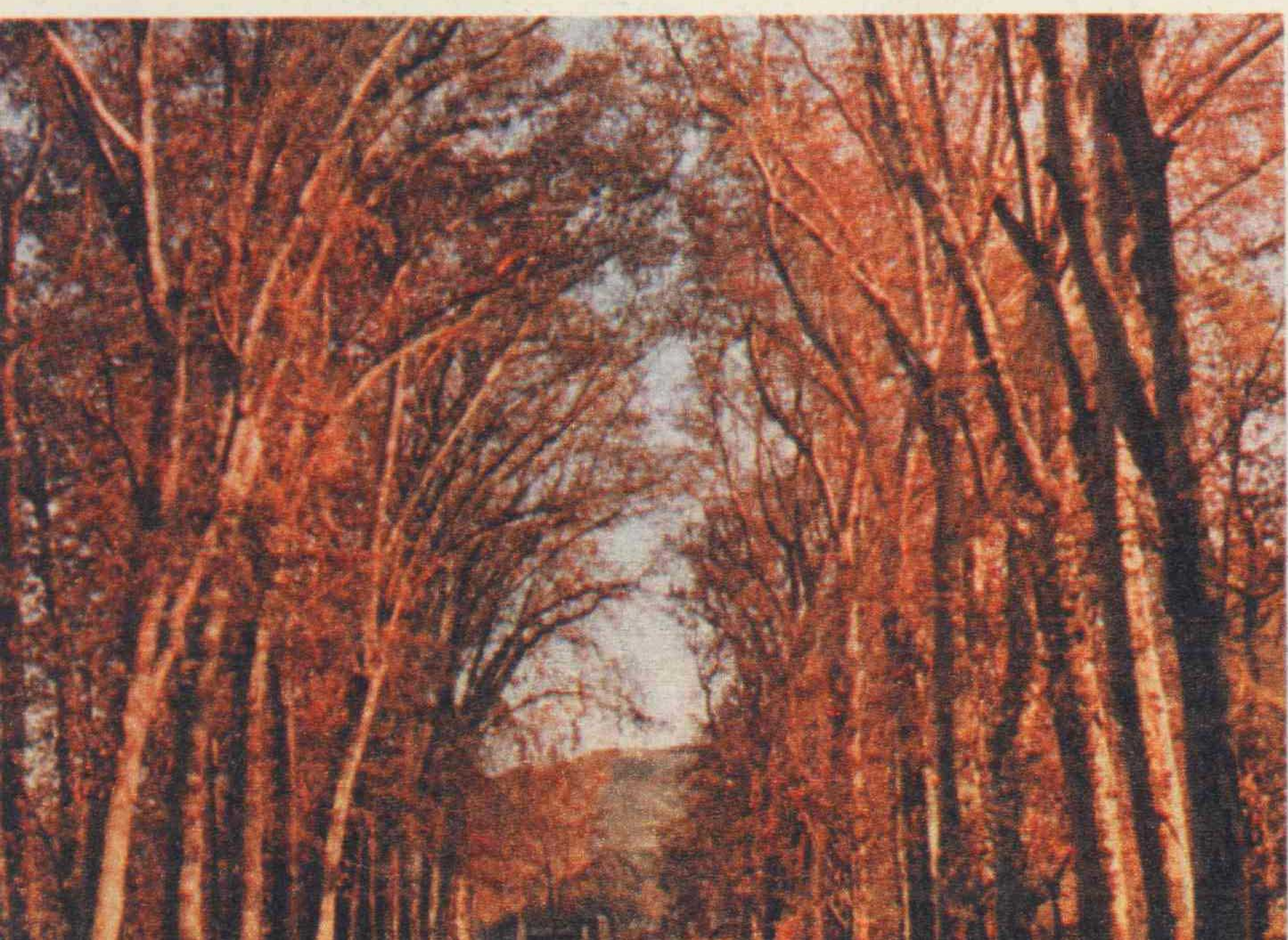

LOTERIA
HERMANA DE Dª MANOLITA

Гранаде или Кордове. Остановились на Гранаде.

Дни, проведенные в Гранаде, по части впечатлений и встреч были самыми насыщенными за все время пребывания в Испании. Это был какой-то калейдоскоп из лиц, имен, прелестных ландшафтов, чудесных мелодий, темпераментных танцев и интереснейших рассказов об истории, обычаях и нравах Гранады, и многом другом. Мой неизменный спутник, совсем юный Анхель Гальдо Фоэнтес, только что окончивший университет, вымотал из меня все силы, за что я ему безмерно благодарен.

В первый день мы бродили по улицам и площадям, и я слушал рассказы о том, что Гранада была одним из последних оплотов мусульманства на испанской земле. Мы беседовали с корреспондентом местной газеты, который первый раз встретил советского человека, мы пили пиво в какой-то полупещере-полубаре в районе, где живут цыгане. Анхель привел меня к себе домой и познакомил со всем своим семейством. Очень набожная мама сообщила, что ее зовут Конча и что это имя имеет прямое отношение к «непорочному зачатию».

— Вы, наверное, не знаете, что это такое. Ведь вы неверующие.

— Нет, почему же, знаю. У нас ведь тоже есть и церкви и религиозные люди.

— Неужели? Я не знала. А мы, испанцы, очень религиозные. Вот и сын у меня Анхель (Ангел).

Пришел папа, известный в Гранаде врач. Поздоровался, минут пять поговорил и ушел на сиесту. Пришел старший брат, похожий на Анхеля. Дружелюбно поздоровался, и я заметил в его глазах плохо скрываемое любопытство: человек оттуда, из Москвы. Раньше встречать не приходилось.

А вечером, вернее, уже ночью, мы отправились смотреть фламенко. «Самый настоящий фламенко,— говорил Анхель,— а не тот, что показывают туристам в дорогих ресторанах и отелях».

Куда меня везли — не знаю, но, судя по всему, мы оказались в квартале, где живет публика очень небогатая. По ступенькам спустились вниз в плохо освещенное помещение без окон, с портретами Гарсии Лорки на стенах и небольшой эстрадой, на которой лицом к зрителю в ряд у задней стены сидели несколько мужчин и женщин с гитарами, бубнами и кастаньетами.

По поводу происхождения фламенко существует много догадок. Танец известен со времен раннего Средневековья. Некоторые считают, что эта комбинация гитары с пением, танцем, иногда речитативом с отрывистым ритмичным похлопыванием ладонями осталась еще от мусульманских времен. Другие связывают его с появлением в Испании цыганских племен. Как бы то ни было, этот темпераментный, полный страсти и огня спектакль (пожалуй, так будет лучше его назвать) имеет около дюжины различных форм, как, например, малагуэнья, фанданго или петенера.

— Петенера как раз характерна для Андалузии,— поясняет высокий красивый, русоволосый, с серыми глазами хозяин этого ресторанчика.— Вот послушайте. Это Гарсиа Лорка.

И он поет под аккомпанемент гитары:

В башне спящей, в башне желтой
Громок колокола звон.
Ветер спящий, ветер желтый
Этим звоном потрясен.
Звуки сталью заостренной
На лету пространства рвут,
Грудью девушки влюбленной
И трепещут и поют...

Потом на авансцену врывается жгучая брюнетка с развевающимися волосами, и начинается этот вихрь длинных цыганских юбок, извивающихся рук и развевающихся волос. В общем, все очень профессионально, очень музыкально и красиво.

Дворец конгрессов — место проведения Мадридской встречи * Один из многих фонтанов столицы * Он тоже испанец * Вид на Гранаду из Альгамбры * Памятник Веласкесу у музея Прадо * Солнечная аллея * Очередь за лотерейными билетами на площади Пуэрто дель Соль.

Гранада в 1238—1492 годах была центром, столицей гранадского эмирата. От тех времен остались впечатляющие постройки мавританского дворцового комплекса Альгамбра с двориками, фонтанами, богато декорированными залами и стенами, испещренными затейливой арабской вязью. Это место паломничества туристов, отсюда открывается великолепный вид на весь город, на белые домики, взбирающиеся по холмам, на вырытые в горах пещеры, где все еще продолжают обитать бедняки, большей частью цыгане, на Сиерру Неваду, которая оделась не туманами, а белым, сверкающим на солнце снегом.

Район Альвайфин — тоже достопримечательность Гранады. Здесь старинные домишки, оставшиеся от давних времен, небольшие узкие улочки с крутыми подъемами и спусками, маленькие ресторанчики-бары. Познакомились с владельцем одного из них. Узнав, что я из Москвы, оживился. Он в свое время сражался за республику и после ранения был отправлен в Москву подлечиться. Вспоминает об этом с удовольствием, но, к сожалению, был в Советском Союзе недолго. При Франко в тюрьме сидел, но сейчас ничего, жить можно. «Пенсию даже получаю — правительство согласилось и республиканским солдатам пенсию платить». Хозяин угощает хамоном и кара коло. Хамон — это что-то вроде ветчины. Окорок, слегка провяленный на солнце, подвешивают на несколько лет на крючке, и потом мясо становится мягким и отличается нежным вкусом. Кара коло — это полосатые улитки, которых привозят с моря.

Из Альбаисина спускаемся вниз к кафедральному собору. В одном из близлежащих переулков в уголке устроил выставку своих картин уличный художник. Виды Гранады, портреты, изображения старинных зданий — сделано все неплохо.

— Синьор, давайте я мгновенно нарисую ваш карикатурный портрет.

Мне не нужен мой «карикатурный портрет», но пожилой художник не унимается.

— Вы только посмотрите, это быстро. А вы откуда к нам приехали? Из Москвы? Очень, очень рад вас встретить. Я ведь сам коммунист и считаю, что рабочие должны решительнее выступать за свои права.

Он все-таки нарисовал мой «карикатурный портрет». Но от денег решительно отказался. И даже подарил мне одну из своих сделанных пером картин, изображающих какое-то здание в Гранаде.

На пласа Брамбла образовалась своеобразная биржа труда. Здесь толпятся безработные. Негромко переговариваются между собой, и тема их разговоров, как правило, одна — где подработать. Иногда приезжает сюда агент какого-либо землевладельца из окрестностей Гранады и набирает для полевых работ поденщиков. Бывает это редко и не в это время года. Да и платят гроши.

Один из самых популярных поэтов в современной Испании — Гарсиа Лорка. Для Гранады его имя особенно дорого. Этот замечательный поэт родился в небольшом городке километрах в пятнадцати от Гранады — Фуэнтевакерасе. И расстрелян он был франкистскими убийцами тоже здесь, неподалеку на шоссе, и зарыт в братской могиле вместе с другими испанскими патриотами, павшими от руки фашистов в тот день в августе 1936 года.

Мы побывали в его родном городке, где почти все осталось, как прежде. Посмотрели домик, где он жил, постояли около памятника, поставленного ему местными жителями, побывали в кооперативе, созданном тут. Сюда со всех концов Испании и из многих других стран приходят письма с просьбой рассказать о жизни поэта, о днях его юности. При Франко пытались вытравить саму память о нем. Были запрещены его книги, и даже упоминать, говорить о нем было опасно. Испанский режиссер Карлос Саура, школьные годы которого начались уже после войны, вспоминает: «Нас лишили знания недавнего культурного прошлого нашей страны. Мы, конечно, слышали, что существовал великий поэт по имени Федерико Гарсиа Лорка, но читать его произведения, изучать их не могли».

Сейчас в Испании Лорка как бы открыт заново. Ставятся на сценах театров его драмы. Спектакль «Донья Росита» показывался в испанских провинциях, и его посмотрели десятки тысяч зрителей. А теперь он вышел и на сцену столичного Национального театра имени М. Герреро. Все больше появляется книг, статей и диссертаций о творчестве Лорки. И это не только из-за того, что он был действительно великим поэтом. Он олицетворял собой все, что связано с антифашизмом. «В этом мире я был и буду всегда на стороне бедных,— говорил он в 1934 году.— Я буду всегда на стороне тех, кто ничего не имеет и кому отказывают даже в безмятежном обладании этим ничем». И слова его песен, драм, поэм доходят до сердца каждого простого испанца. Перед моими глазами до сих пор стоят напряженно внимательные лица этих простых людей в той дешевой таверне, где великолепный баритон пел «Плач по Игнасьо Санчес Мехиас»— знаменитому испанскому тореро, погибшему на арене.

Гранда не было в Севилье,
Кто б сравнился с ним в отваге,
Не было такого сердца,
Нет другой подобной шпаги!
В нем текла рекою львиной
Чудодейственная сила
И его картинный облик
Торсом мраморным взносила.

Я лечу обратно в Мадрид. Подо мной земля Испании. Когда-то там, внизу, шли бои между христианами и мусульманами, бродили рыцари в латах, бушевали костры инквизиции и истошными голосами вопили сжигаемые на кострах еретики. Все ушло. Остались холмы, реки и вот эти лоскутные поля. Остались и замки, храмы, остались вместе с тем полотна великих художников, остались поэмы, романы, песни. Творения рук людских и гения человеческого не исчезают. Они живут вечно, доколе жив человек.

В столице, как, впрочем, и во многих других городах Испании, тоже есть что посмотреть. Здесь и музеи, и театры, и знаменитая коррида, которую не довелось увидеть ввиду того, что было межсезонье. Из музеев самый знаменитый, конечно, Прадо. Москвичи и ленинградцы имели возможность познакомиться с частью его сокровищ.

Все-таки, с одной стороны, хорошо, что нашему командировочному люду денег не хватает на такси — пешком больше увидишь. На Прадо я набрел, не спрашивая дороги, просто прогуливаясь пешком по Мадриду. В Прадо — Веласкес, Рубенс, Тициан, Мурильо, Эль Греко, Рибера и множество других художников. В Прадо собрана одна из величайших художественных коллекций мира. Здесь можно находиться неделями. Мне же пришлось ограничиться неполным днем. Времени было мало. В трех этажах здания — 111 залов. По ним ходят группами и в одиночку туристы. Можно увидеть молодых, только начинающих художников Испании, приткнувшихся где-нибудь в углу со своими мольбертами и копирующих выставленные здесь шедевры. Звучит речь на разных языках — здесь много посетителей из других стран. Прадо — это законная гордость испанцев, как у французов Лувр, у нас — Эрмитаж.

В один из дней решили воспользоваться услугами туристской фирмы, устраивающей поездки к испанским достопримечательностям. Я выбрал экскурсию в Толедо. Портье в гостинице куда-то позвонил и тут же выписал мне билет-квитанцию.

— Не забудьте, завтра в восемь.

Ровно в восемь мы отбыли с улицы, находящейся где-то неподалеку от площади Испании. Слева из-за серых зданий выползает заспанное желтое солнце. Минуем промышленный район Мадрида. Тянутся фабрики и заводы, кварталы обшарпанных жилых домов. Здесь люди победнее, одеты поплоше. Балконы завешаны стираным бельем. Там, в центре города, на стенах домов больше намалеванных свастик. Здесь серпов и молотов...

Пассажиры постепенно начинают клевать носами. Остановка около магазина сувениров по дороге в Толедо всех немного взбодрила. Рассматриваем ярко раскрашенные тарелки и кувшины, толедские сабли и кинжалы, деревянные фигурки святых, но покупать никто не спешит. В общем, все дороговато. Да и не всегда хорошо сделано. Индустрия сувениров, развращенная, как и в других местах, массовым туризмом, переживает не лучшие свои дни.

— Изготовить хорошую вещь стоит и большого труда и много времени,— объясняет мне наш гид.— А ничего не понимающие толстосумы, прикатившие из-за океана, и такое возьмут.

И, оказывается, правда, берут. Берут и эти несуразные мечи, и кувшины, и даже аляповатые тяжелые рыцарские латы, сотворенные в

конце двадцатого века местными жестянщиками. Поставит какой-нибудь новоиспеченный богач такого рыцаря у себя дома где-нибудь в Техасе или Джорджии и, глядишь, прослывет большим знатоком старины у своих, таких же, как он, «интеллектуалов».

В Испании великое множество замечательных памятников старины. Толедо, вобравший в себя прошлое страны, город, уникальный даже в Испании, где древностью не удивишь. Недаром его называют летописью в камне. Когда подъезжаешь к городу, создается впечатление крепости. Река Тахо опоясывает холм, на котором стоит город. Толедо на протяжении веков почти совсем не менялся. Не тронули столетия ни каменные булыжные мостовые, ни здания с метровыми стенами, ни крепостные сооружения, ни древние соборы. Это была столица Испании, и каждый дом здесь мог бы многое рассказать о своих обитателях — о гордых, властолюбивых вельможах, всесильных церковниках и деятелях святой инквизиции. Узенькие улочки, мосты, построенные чуть ли не во времена римлян, маленькие балкончики («сквозь чугунные перила ножку дивную продень»). Мы идем в кафедральный собор, построенный в очень далеком веке. В Толедо работал великий Эль Греко. Здесь сохранился в неизменном виде его дом. А в соборе — собрание его картин. Одно из крупнейших. И сам собор впечатляет своей грандиозностью. А уж эльгрековские полотна способны довести до экстаза.

Еще одно огромное полотно великого художника хранится в церкви Сан-Томе. Это «Погребение графа Оргаса», великого грешника, решившего, как нам объяснила наш гид сеньора Мария-Тереса, перед смертью стать праведником, что ему, в общем, и удалось, если судить по картине. Перед полотном установлен ряд скамеек. Так что можно посидеть, не спеша посмотреть и убедиться, что граф действительно попадает на небо, где его душу с тихой радостью встретят святые. Поражают великое мастерство художника, характеры выведенных им персонажей, одни из которых находятся на земле внизу картины, а другие уже на небесах, в верхней ее части.

Возвращаясь из Толедо, остановились около небольшого ресторанчика, пристроившегося у развилки двух дорог. Время обеденное, и ресторан полон. И машин вокруг полно. Наш гид Мария-Тереса, сморщив презрительно лицо и кивнув в сторону соседнего столика, за которым сидело несколько седеющих донов со своими хорошо одетыми дамами, вполголоса произносит:

— Понаехали! Терпеть их не могу. Они теперь все потянулись к Мадриду, даже из самых дальних городов.

— А кто это — они?

— По сути дела, те же фалангисты, охваченные ностальгией по старым временам. Исполняется пять лет со дня смерти Франко. Вот они и беснуются и устраивают демонстрации. Их еще много у нас.

О временах, когда правил каудильо, здесь помнят, конечно, все. Большинство людей вспоминают о них с содроганием. Но многие из числа аристократии и тех, кто побогаче, с сожалением, что они ушли. Мы еще раньше видели этих людей, во время поездки в так называемую Валье-де-Каидос, «Долину павших», затерявшуюся среди гор Гвадалахары, где находится массивная, вырубленная в скале по приказу Франко «Базилика», над которой возвышается огромный стопятидесятиметровый крест. Здесь сейчас находятся могилы двух основателей фашистской фаланги — генерала Примо де Риверы, на которой лежало пять роз — символ фаланги, и — напротив — самого генералиссимуса. Могила Франко, закрытая полированной плитой вровень с полом, засыпана цветами, а вокруг в траурных одеждах скорбели обломки его режима. Пожилой усатый господин распростерся на полу и чуть не взасос целовал угол могильной плиты с именем дорогого диктатора. И все эти сцены в мрачном подземелье походили на какой-то кошмарный спектакль. Но это был не спектакль.

Позднее, в Мадриде, мы видели гудящие и ревущие колонны автомашин, в которых сидели съехавшиеся в столицу молодчики, размахивавшие высунутыми из окон фалангистскими флагами. В обилии пестрели свастики на стенах домов, на скамейках и на асфальте. Нет, фашизм отнюдь не прячется. Больше того, при поддержке монополий новые штурмовики предпринимают непрекращающиеся атаки на возникшие в стране после смерти Франко демократические институты, прибегая к насилию и тактике террора. Мадридский журнал «Камбио-16» писал о слете, происходившем в расположенном неподалеку от столицы городе Сан-Лоренсо. В нем принимали участие 260 подростков из молодежного филиала неофашистской партии «Новая сила». На этот сбор были приглашены их сверстники из ультраправых организаций Италии, Франции и Португалии, что также весьма показательно.

Подобные «встречи» происходят и в других городах. Коричневая чума еще не исчезла с лица Испании, о чем свидетельствует волна терроризма, захлестнувшая страну. Кто же стоит за спиной этих неофашистских организаций в Испании, пытающихся затормозить процесс демократических преобразований, начавшийся после смерти Франко? Ведь ведение пропаганды, покупка оружия и боеприпасов и вообще вся их деятельность требует немало средств. На этот вопрос дала ответ газета «Мундо обреро» — орган коммунистической партии: «Фашизм на испанской земле, как и в других странах, является порождением крупного капитала. И сейчас определенная часть предпринимателей подкармливает фашистов, чтобы они оставались в состоянии постоянной боевой готовности на случай, если развитие демократии зайдет слишком далеко».

* * *

По дороге обратно в Москву, заняв свое место в купе экспресса, начал распутывать ворох информации и впечатлений, оставшихся от дней пребывания в Испании. Страна переживает сложный и противоречивый период. Процесс освобождения от фашизма далеко не закончился, хотя много уже сделано для демократизации всей обстановки. Но накал классовых битв высок. Митинги, демонстрации протеста, рабочие марши против нищеты и безработицы — такова сегодняшняя действительность страны. По правительственным подсчетам, здесь полтора миллиона безработных. По подсчетам профсоюзов — два.

Правые силы начинают оправляться от ударов, которые им были нанесены после смерти каудильо. Они переходят уже к прямым действиям, направленным на свержение нынешнего режима. Об этом свидетельствует и попытка вооруженного путча, предпринятая уже после моего возвращения из Испании, в конце февраля. Около 200 вооруженных гражданских гвардейцев ворвались в здание парламента в Мадриде и удерживали в качестве заложников около 350 депутатов. Путчистов возглавлял подполковник А. Техеро Молина, известный своими ультраправыми взглядами.

А в это время в портовом городе Валенсия, находящемся в 350 километрах от Мадрида, генерал-лейтенант Миланс дель Боск, командующий валенсийским военным округом, ввел в своем округе осадное положение и приказал танкам и бронетранспортерам патрулировать улицы города. Этот генерал в свое время добровольцем направился на гитлеровский восточный фронт и воевал в составе «голубой дивизии» и даже получил от фюрера «железный крест». Они надеялись на поддержку остальных военных округов. Но этого не произошло. Путч реакционеров провалился. Они были вынуждены сдаться. Их выступление показало, что реакция не оставила своих планов реставрации франкизма.

По стране прокатилась волна протестов против действий правых сил. С призывом к испанскому народу сохранять спокойствие и бдительность обратился глава государства король Хуан Карлос. Опасность угрожает Испании и с другой стороны. Американский империализм уже давно плетет сеть интриг вокруг Испании с целью втянуть ее в агрессивный военный блок НАТО. И ее настоятельно подталкивают к вступлению в «Общий рынок», несмотря на широкую оппозицию этим планам со стороны испанской общественности.

Идет борьба. Трудная, напряженная, непрекращающаяся.

Мадрид — Москва.

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СУЛЕЙМАНА РУСТАМА

●

Голос Сулеймана Рустама раздается с самых различных трибун — от поселкового Дома культуры до Колонного зала Дома союзов. Мы привыкли видеть его, Председателя Верховного Совета Азербайджанской ССР, Героя Социалистического Труда, народного поэта Азербайджана, открывающим и ведущим заседания республиканского парламента. Немало почетных званий и обязанностей у Сулеймана Рустама, но основное место его работы — домашний рабочий кабинет. Дом в Баку, на бывшей Большой Морской (ныне — проспект Кирова), похож на корабль, а кабинет — это ходовая рубка и капитанский мостик поэта. Отсюда как на ладони открывается площадь Двадцати шести бакинских комиссаров — наша революционная святыня, а за нею виднеется море. Каспийское, рабочее, нефтяное море.

Иные поэты с годами становятся похожими на утесы, от которых море отошло давным-давно и только время от времени — в пору особенно мощных прибоев — подступает снова, и тогда утесы опять ощущают себя морскими великанами. Таких больших и резких отливов и приливов не знает Сулейман Рустам. Он всегда в море народной жизни. Флагман новых сил в литературе, бессменный депутат — сначала ЗакЦИКа, а затем Верховного Совета Азербайджанской ССР, поэт-коммунист и общественный деятель. Однако и в таком относительном равновесии нет незыблемости, в нем свои внутренние всплески и раскаты бури. Мысленно листая его книги на азербайджанском и русском языках, невольно вновь и вновь возвращаешься к сборнику «Каспийские волны» и убеждаешься, что процесс труда поэта, по существу, родствен разведке и добыче морской нефти. И морские образы не случайны в творчестве певца города, овеянного романтикой Каспия.

Дальнозоркий капитан советской азербайджанской поэзии, Сулейман Рустам, можно сказать, в кругосветном плавании. Его имя, его стихи известны и на средиземноморских побережьях, и за Ла-Маншем, и за океаном.

Все есть у Сулеймана Рустама — и талант от рождения, и трудолюбие от родителей, и слава и награды — от народа, от Родины. Остается пожелать ему только одного: крепкого здоровья еще на многие и многие годы, пусть и в этом он будет подобен своим прадедам, азербайджанским долгожителям!

Владимир КАФАРОВ,
заслуженный работник культуры Азербайджанской ССР

КАМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ МОСКВЫ

«Главный герой этой книги — архитектурные памятники Москвы... И это не только прекрас-

Музыка в камне. Архитектурные сокровища Москвы. М., «Московский рабочий», 1981, 280 стр.

Сулейман **РУСТАМ**

КАПИТАНСКИЙ МОСТИК ПОЭТА

Я прямодушен, я — простой поэт,
Моя душа — открытая тетрадь,
А зеркало моих побед и бед —
Каспийская светящаяся гладь.

Оторван от народа своего,
Не значил бы я в мире ничего.
Ты жизнь вдохнула в сына своего
И эта жизнь — твоя, Отчизна-мать!

Стал отчий край подобен цветнику,
Стал наш огонь подобен маяку.
Не нам, кто приравнял перо к штыку,
Учителей бесстрашных забывать.

Меня сдружили годы с сединой,
Пусть знает тот, кто начал путь земной:
Расти деревьям, выхоженным мной,
Весной в саду народном расцветать.

Талышские леса мне всех милей,
В них — соловьи поэзии моей.
Железные деревья с давних дней
Неколебимы, как Бабека [1] рать.

Без поражений сто с избытком лет
Богатырем заправским слыл мой дед
И на горе Шахдаг оставил след,
Пройдя родимый край за пядью пядь.

Любуясь миром, до рассвета встав
(Видать, таков у всех поэтов нрав),
Следы джейранов, разноцветье трав —
Какой простор, какая благодать!

Не счесть в пути находок и потерь,
Но разве я состарился? Проверь!
Победный перстень Кёроглу [2] теперь
Для сына будет моего блистать.

Будь осторожен, друга не губи,
Врага под корень наотмашь руби,
Хаджар — подруге храброго Наби [3] —
Пусть вырастает дочь моя под стать.

Страны Огней орлиные края,
Не в силах не гордиться вами я.
Твердь Кобыстана — летопись моя,
Попробуй-ка ее перелистать!

Освящена поэзией страна,
У нас она, как вечная весна.
Взгляни — гробница Низами видна,
Недалеко она — рукой подать.

Мне дорог этот город искони.
Не знают мрака ночи, словно дни.
До самого утра горят огни,
И я вбираю их в глаза опять.

Все, чем я славен, все, чем я силен,
Все, что в народе свято испокон,
Объято сенью ленинских знамен —
Я это знаю, знал и буду знать!

[1] Бабек — герой многолетней борьбы азербайджанского народа против арабских поработителей.

[2] Кёроглу — один из вождей мощного антифеодального движения.

[3] Качак Наби — герой антицарской борьбы азербайджанского народа. Хаджар — его жена, участница боевых схваток.

ОСЕННЯЯ ВЕСНА

Тот вовек не оценит
эту землю и небо,
Кто не пробовал даже
апшеронского хлеба.
Я же снова любуюсь
красотой ненаглядной,
Восхищаюсь инжиром
и лозой виноградной.
Мне ль неведома прелесть
этих ягод медовых,
На губах человека
раствориться готовых.
И горжусь я цветами,
что посажены мною,—
Пахнут осенью поздней,
будто ранней весною.
И красавец-унаби,
это чудо природы,
Мне порой возвращает
мои прежние годы.
Плодоносные, дружат
с человеком деревья
И сторицею платят
за добро и доверье.
Вот они и сегодня,
так и кажется, сами
Наполняют корзины
золотыми плодами.
Капли мелкие землю
окропили несмело,
Это небо рубаху
постирать захотело.
С головой непокрытой,
босиком по-меджнунски,
Я брожу, забывая
городские нагрузки.
Сотня осеней сладить
не сумеет одною —
Той, что в сердце поэта,—
неизменной весною.

Перевел **В. КАФАРОВ**

ное «застывшее мгновенье», чарующая мелодия, дошедшая из глубины веков. Памятник — запечатленное в камне миропонимание эпохи, духовная эстафета одного поколения другому».

Так определяет Ю. Александров — автор историко-архитектурного очерка книги «Музыка в камне» основную ее мысль. Архитектурная история и современность Москвы, постройки XIV и конца XX века, заповедные зоны столицы и чудом сохранившиеся шедевры столичного зодчества предстают перед читателем этой увлекательной книги не только в слове, но и в интересных фотографиях. И мы, быть может, впервые получаем возможность внимательно, не торопясь, рассмотреть и декор Меншиковой башни, и построенный Д. Жилярди Музыкальный павильон Конного двора в Кузьминках, и изумительные фрагменты построек в Царицыне... Но, конечно, полностью понять и почувствовать характерные черты московской архитектуры помогает нам интересное исследование Юрия Александрова, который ведет читателя по Москве, подробно рассказывая об особенностях ее застройки, о великолепных мастерах, работавших в столице.

Глубоко неверно было бы думать, что перед нами обычный путеводитель, снабженный лишь квалифицированной искусствоведческой аннотацией. Страстная патриотическая публицистика Ю. Александрова своим пафосом будит в читателе, особенно молодом, чувство любви к прекрасному городу и чувство гордости за отечественную культуру, ибо «многие московские памятники приобрели значение художественного идеала, которому следовали русские зодчие».

Прошли века. И, идя по сегодняшней Москве, мы, видимо, более, чем наши предки, понимаем, какую духовность, какой талант вкладывали московские зодчие в свой труд. Действительно, все познается в сравнении. К сожалению, слишком часто современные архитекторы проигрывают заочное соревнование со своими предшественниками. Но, как писал академик Д. С. Лихачев, «нельзя любить безликий город. Как бы ни были правильны черты лица, чтобы полюбить его, в нем должна быть какая-то характерность — неповторимость, необщее выраженье». Увы, не всегда с должным вниманием относились мы к архитектурным памятникам прошлого. Уходили в небытие дома, не только сами по себе интересные в архитектурном отношении, но и связанные с тем либо иным значительным событием в истории России. А на их месте вырастали безликие, эклектичные административные и жилые здания, чье функциональное назначение не оплодотворялось духом создавшего художника. И хочется здесь напомнить, что в тяжелейшее время войны и разрухи в первые годы Советской власти Владимир Ильич Ленин лично принимал участие в спасении сокровищ отечественной архитектуры. В. Д. Бонч-Бруевич вспоминал: «Владимир Ильич прочитал в книге С. П. Бартенева, что одно крыло собора, находящегося близ Ивана Великого, заложено кирпичом во времена Николая I и превращено в сарай для фуража. Владимир Ильич с негодованием сказал:

— Ведь вот была эпоха — настоящая аракчеевщина... Все обращали в сараи и казармы: им совершенно была безразлична история нашей страны. Надо сейчас же, немедленно это крыло открыть...

Владимир Ильич, гуляя, не раз останавливался около места работ и смотрел, как постепенно открываются старые очертания древнего собора.

— Совсем иной вид,— говорил Владимир Ильич,— тут виден художник-архитектор, а раньше было удивительно смотреть,— так не гармонировала эта пристройка со всем собором. Оказывается, тут не в соборе дело и не в архитектуре, а в Николае I, в аракчеевщине!»

Ю. Александров отмечает, что теперь, после принятия закона «Об охране и использовании памятников истории и культуры», предусмотрен еще целый ряд мер по реставрации и сохранению памятников Москвы — истинных народных драгоценностей.

Насыщенный информацией, живой очерк Ю. Александрова чрезвычайно удачно дополняется в этой книге «Путеводителем по фондам архивов, библиотек и музеев, содержащим материалы по градостроительству и архитектуре Москвы», составленным Э. Кашкиной, О. Кузовлевой, Г. Чеховой, Т. Шеломенцевой. Этот раздел книги войдет в международный путеводитель «Столицы Европы».

Большая библиотека «московианы» пополнилась еще одним незаурядным, прекрасно изданным трудом о столице.

В. ЕНИШЕРЛОВ

ЧЕРНЫЕ ПТИЦЫ

Петр ПРОСКУРИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Посвящается Лиле

1

Тревожный знакомый свет прорезался неровным, дрожащим бликом и исчез, чтобы снова появиться через мгновение, и она даже во сне потянулась на этот свет; это было предупреждение, предчувствие счастья, одного из тех немногих мгновений, таких редких в ее предыдущей жизни; где-то в самых отдаленных глубинах ее существа уже копилась таинственная, как подземная река, музыка, и, как всегда, она начиналась с одной и той же мучительно рвущейся ноты. Было такое чувство, словно боль сердца, не высказанная за всю ее трудную и уже долгую жизнь, высвобождалась, делалась открытой для всех, и все удивлялись и жалели ее; но и это тоже было не главное — это тоже мимолетно и бесследно исчезало. Оставалась иная боль, боль освобождения — тихая, щемящая, что-то вроде неслышного, скользящего полета над ночной землей, с редкими вкраплинами огней внизу. И вот уже музыка заполнила все вокруг: и звезды в черном бархатном небе, и редкие огни внизу, и сама она, и ее неслышный полет были музыкой. Она еще сдерживала себя, еще боялась вдохнуть всей грудью резкий ночной воздух, но подземная река в ней все ширилась и рвалась наружу, она узнала свой голос, он лился свободно и широко, легко перекрывая пространство и все посторонние звуки; ничего больше не оставалось в мире, кроме этого мучительного и победно-торжествующего голоса; в небе ответно разгоралась все та же болезненно яркая звезда; синевато-лучащаяся, огромная, она появлялась всякий раз, как только начинал звучать во сне ее голос; так было всегда. Вот и теперь, разрастаясь, сиреневая звезда неостановимо неслась ей в зрачки, слепила, было невыносимо переносить ее нестерпимый, все обострявшийся свет; и мир вот-вот готов был рухнуть; она изнемогала... И было еще одно очень странное чувство — она всегда знала, что поет во сне, что слышит себя, свой голос в далекой молодости, но остановиться не могла,— границы времени смещались; только каждый раз она открывала глаза, чувствуя себя окончательно разбитой, измученной, еще большей старой развалиной, чем до сих пор.

Все обрывалось неожиданно, оставалась лишь тупая боль в сердце, и каждый раз Тамара Иннокентьевна боялась конца, каждый раз она обессиленно долго лежала, боясь шевельнуться, и широко открытыми глазами невидяще глядела в темноту, мучаясь желанием остановиться на чем-нибудь привычном, хотя бы на старом резном шкафу черного дерева; это приходило всегда ближе к рассвету и поэтому особенно обессиливало; сегодня же к опустошенности присоединилось еще и чувство незавершенности, на этот раз недоставало чего-то главного.

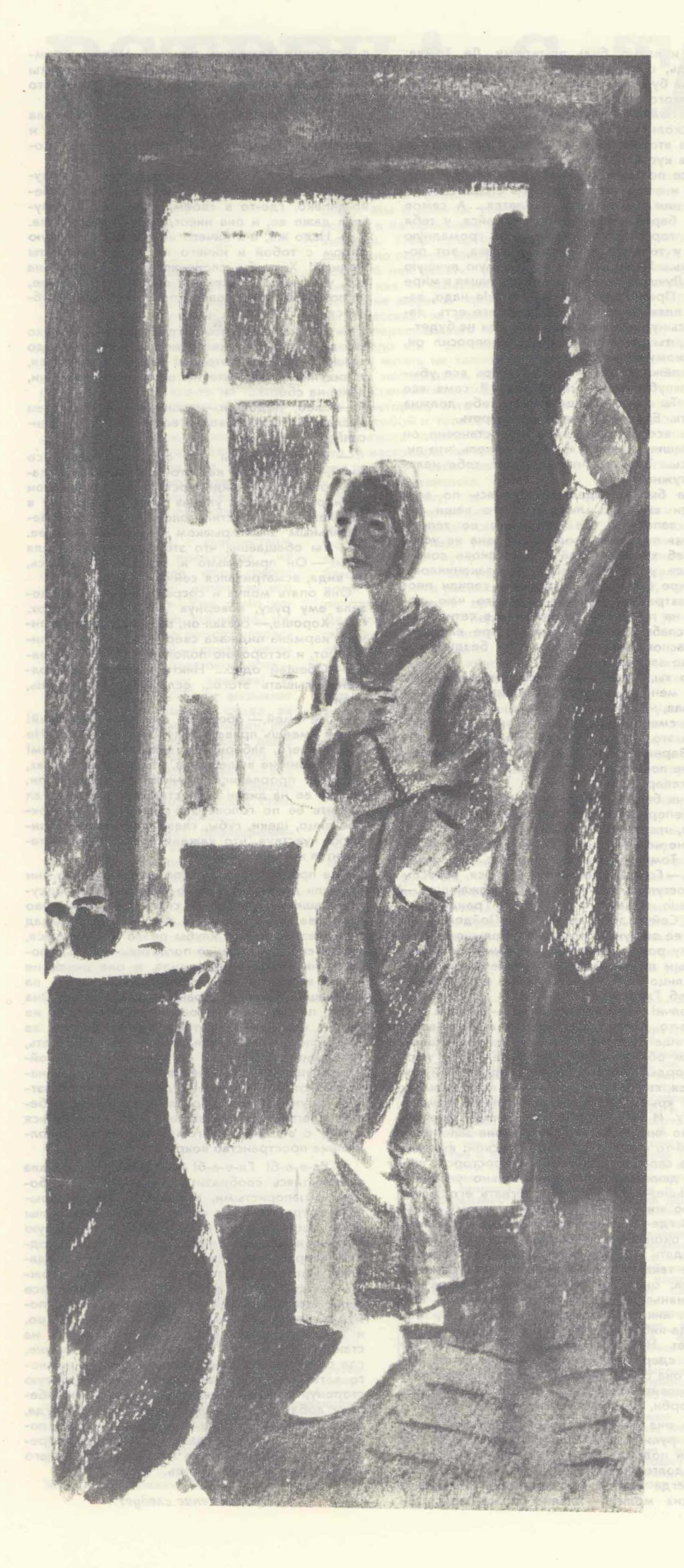
До сознания Тамары Иннокентьевны вдруг явственно донесся совершенно посторонний, не имеющий к ней и ее сну никакого отношения, просторный вольный шум; она удивилась, что в этом убогом и тесном мире есть что-то еще постороннее. Она заставила себя приподняться и прислушаться и с облегчением опустилась на подушку. Ничего таинственного и загадочного, всего лишь сильный ветер, и как раз со стороны окна; теперь она почувствовала, что в комнате очень свежо; как хорошо, подумала она, впереди еще полностью месяц зимы (она любила зиму), и улицы завалены снегом, февраль нынче выдался снежным, вьюжным, как в добрые, старые времена, когда много снегу и морозно, и на воздух выйти приятно, и сразу улучшается настроение, до оттепелей еще далеко.

Заставив себя встать, Тамара Иннокентьевна забралась в теплый халат и, плотно запахнувшись, зябко придерживая ворот у горла, подошла к окну, раздвинула шторы. Тотчас в комнату потек неверный, все время меняющийся свет фонаря, раскачивающегося во дворе напротив, и от окна ощутимо потянуло зимой, холодом. Тамара Иннокентьевна тихо улыбнулась; она угадала, так и есть, на улице был сильный ветер, вернее, вьюга, в свете фонаря непрерывно и густо несло массы снега, а высокие старые тополя, сейчас метавшиеся от ветра, росшие во дворе с тех самых пор, как Тамара Иннокентьевна помнила себя, казались живыми существами, обреченными на гибель; они-то и производили тот непрерывный, стонущий звук, заставивший ее подняться с постели и подойти к окну. Стоя у настывшего окна, Тамара Иннокентьевна почувствовала себя как-то бодрее и крепче; ей давно не приходилось видеть такой злой и беспощадной метели, и она, забыв о холоде, идущем от окна, никак не могла заставить себя оторваться от сплошных ливневых потоков снега и беспомощно раскачивающихся верхушек тополей. Ей представилось, что это по всей земле метет вьюга, и никакого города нет, а есть только бешено и неостановимо льющиеся с неба потоки снега, дремучие, стонущие леса (когда-то, много-много лет тому назад, еще до войны, Глеб взял ее в гастрольную поездку в Архангельск и дальше на север, она видела такие леса), дикие звери, застывшие реки с синим льдом, и вся земля — в потоках лохматого снега, вся — от края до края. Она улыбнулась своим детским мыслям, но тотчас досада на себя взяла верх. Все было иначе, значительнее и таинственнее, и много проще; вслушиваясь в кипящую душу вьюги, она подумала, что сегодня, когда она пела, ни в начале, ни в конце Глеб не позвал ее, как всегда, не остановил... За что-то он на нее сердится сегодня, а ведь она ничего плохого за собой не знает... Во всяком случае, за последние годы... Что же она проглядела? И потом, Глеб никогда не таил зла, Глеб не мог быть жестоким к ней, он вообще не мог быть жестоким.

Теперь за окном в самом характере вьюги что-то неумолимо переменилось; впрочем, все это она уже когда-то чувствовала, видела, переживала, и вот такой же тихой, щемящей болью болела у нее душа; все это было, было! Что же изменилось в несущихся за окном потоках снега за последние несколько минут? Ветер усилился, еще усилился, и свет фонаря стал беспокойнее, резче, летит, рассекает тьму...

Тамара Иннокентьевна зябко поежилась: все эти выдуманные страхи — от одиночества, от долгой, несостоявшейся жизни. Фонарь по-прежнему раскачивался, все так же весело и бешено неслись слепые снежные потоки. Тамара Иннокентьевна прошла на кухню, на ходу прикоснувшись ладонью к двери в другую комнату, хранившую все самое дорогое в ее жизни. На какую-то долю минуты она задержалась возле этой двери, преодолевая острое желание толкнуть ее, войти, погладить крышку старого, верного рояля, самую дорогую память о Глебе, бросить взгляд на знакомые корешки книг; но в последнюю минуту передумала. После неожиданного пробуждения что-то необратимо стронулось с привычных мест, изменилось, словно в ней поселилось два непохожих, не очень умеющих поладить друг с другом человека. «Ах, да, да, опять эти страхи,— Тамара Иннокентьевна расстроенно потерла себе виски,— а причина-то пустяковая, вполне объяснимая, обыкновенная, мороз вчера очень сильный был, а я ходила в магазин, а можно было обойтись и без простокваши один день. Очевидно, простудилась, так — легкое недомогание. День-другой хорошенько прогреться, лечь в постель. Девочки придут, извиниться перед ними. Лучше позвонить им домой, зачем им зря в такую погоду ехать. Они очень симпатичные, девчушки десяти и двенадцати лет, и, кажется, не без способностей, особенно младшая, Наташа, удивительно восприимчивая, и руки хорошие, особенно правая...»

Тамара Иннокентьевна медленно, ощупью прошла темным неосвещенным коридором на кухню и тут сразу же опять услышала, как неистово рвется в окно ветер; за стеклами металась белесая, мутная, беспросветная тьма. Перевалило всего лишь за полночь, и все было еще во власти глухой вьюжной бесконечной ночи; Тамара Иннокентьевна все время ощущала на себе чей-то цепкий, осторожный, испытующий взгляд, взгляд был враждебный, неотпускающий и непрощающий. Тамара Иннокентьевна нетвердой рукой нащупала выключатель, щелкнула им; яркий свет ударил в глаза, и привычные вещи обозначились на своих местах. Все так же с легким ознобом и неприятным ощущением ломоты, особенно в суставах ног, Тамара Иннокентьевна зажгла горелку на плите, с удовольствием подержала руки у веселого напористого огня, поставила на огонь чайник. Вскоре чайник энергично запел, готовясь вскипеть, и сразу стало теплее; Тамара Иннокентьевна приготовила заварку (она любила смешивать разные, хорошие сорта чая), а когда чайник на плите забулькал, резво подбрасывая крышку, щедро заварила чай, достала из шкафчика, встроенного в выемку стены рядом с подоконником, банку с малиновым вареньем. Сомнения и страхи кончились; с удовольствием отпивая горячий, душистый чай, она даже слегка улыбалась своей минутной слабости, кожа лица потеплела и порозовела, спать совсем не хотелось, и тем не менее, угревшись и откинувшись на высокую гнутую спинку старого любимого кресла у стола, она незаметно задремала. Ей даже что-то приснилось, что-то далекое, неясное, размытое и, несомненно, приятное; но, едва погрузившись в сон, она тотчас испуганно вскинулась. Сердце глухо и часто колотилось. Тамара Иннокентьевна торопливо осмотрелась. Все оставалось словно бы и на своих местах, ничего не изменилось, только яркий свет лампочки в стареньком ситцевом абажурчике приобрел какой-то мглистый оттенок, и от этого и стены, и полки, и посудный шкафчик, и стол, и полотенце над мойкой — все как-то разом потускнело; Тамара Иннокентьевна поднесла ладонь к глазам, рассматривая. Кожа на руке тоже была серой, словно бы густо припорошенной сухой дорожной пылью; Тамара Иннокентьевна даже попыталась стряхнуть ее. Да, да, что-то случилось не то со светом, не то с глазами. Она не успела удивиться, в коридоре послышались возбужденные

знакомые голоса, и на кухню первым ворвался Глеб, за ним Саня, очень стройный, как всегда, элегантный; в глаза метнулось расстроенное, вконец потерянное лицо Сани, хотя он изо всех сил старался принять непринужденный вид, но задержаться на этом не было времени. Ее подхватил, закружил по комнате Глеб; много крепче тонкого в кости Сани, слегка сутуловатый, он был очень сильным.

— Томка! Томка! Наконец-то! Наконец! — кричал он, обдавая ее жарким, прерывистым, знакомым дыханием.— Наконец... есть разрешение! А Димке Горскому отказали наотрез... Так ему и надо, а то он даже в этом не захотел уступить! Я заявление в военкомат, и он следом! А? Представляешь, с его хроническим бронхитом... Каков, а?

— Не смей! Не смей! — попросила Тамара пропадающим шепотом и сильно бледнея.— В такой момент нельзя кощунствовать над самым святым... что ты, Глеб? Дима ведь прекрасный человек, очень талантливый... нельзя! Он сам по себе — он ведь очень честный и совестливый...

— Томка, ты что? — шумно запротестовал Глеб.— Неужели ты подумала, что я всерьез? Я сам Димку во как люблю... ты же знаешь. Только ведь не с его же здоровьем на фронт... Зато Солоницыну разрешили, мы с ним просились в одну часть...

Почувствовав внезапное головокружение, она обмякла, ноги подломились, и вместе с распространяющейся в груди пустотой комната поплыла у нее перед глазами — стены, потолок, блестящие глаза Глеба. Из последних сил она отчаянно попыталась справиться с собой, но тяжело повисла на руках Глеба. Он удивленно и бережно усадил ее, сам опустился перед ней на колени и, взяв ее враз похолодевшие руки в свои, стал часто целовать их, стараясь согреть, то и дело тревожно взглядывая ей в лицо; от немой, невыразимой любви, от какого-то почти животного, непереносимого страха за него она не могла заставить произнести себя ни слова; если бы она разжала губы, у нее вырвался бы один непрерывный, нескончаемый безобразный стон.

— Томка, Томка,— пробился к ней наконец откуда-то очень издалека до обморочного состояния знакомый, родной и в то же время опять куда-то ускользающий голос.— Ты же все знала, Томка... Ну что ты так? Что в этом для нас с тобой нового? А, Томка!

Замолчав, Глеб оборвал на полуслове; их глаза встретились. Впервые после женитьбы да и за всю свою прежнюю жизнь они поняли, почувствовали, ощутили с такой убивающей силой, как они любят и как они необходимы друг другу; они смотрели, смотрели в глаза друг другу, и уже не было ни его, ни ее отдельно, уже было одно существо, одно чувство, одна боль и одна надежда, но слабая-слабая, как еле теплящийся огонек, еле ощутимый за тем, беспощадным, огромным, безжалостным, все сметающим на своем пути, что надвигалось на них. И Тамара увидела мелькнувшее у него в глазах смятение; оно мелькнуло и исчезло, но одного этого мгновения было достаточно. Он не мог больше смотреть ей в глаза и опустил тяжелую лобастую голову ей в колени, словно прося помощи и защиты. «Конечно, милый, я знала, я давно ждала этой минуты,— сказала она где-то глубоко в себе, в только-только начинавшей устанавливаться тишине,— только ты никогда не узнаешь, как я этого ждала. С таким ужасом и своей смерти не ждут, как я ждала этого дня... Ну, что теперь? Должно же было так быть, кем-то так назначено... Я все вынесу, лишь бы ты вернулся».

«У нас почти не осталось времени,— словно растворяясь в теплой темноте, идущей от ее коленей, с неожиданной силой сказал Глеб; по крайней мере, хотя он не произнес ни звука, она ясно услышала неожиданно гулко, пустынно прозвучавшие в ней эти его мысли. Несколько часов наши, еще вся ночь наша! Наша, слышишь?»

«Слышу, слышу!» — беззвучно отозвалась она, боль и обреченность в ее глазах погасли, сменившись горячим, живым блеском; Глеб всегда поражался мгновенности этих переходов.— Да, Глеб, эта ночь наша Наша... Пусть всего одна, но наша...»

«Не имеет значения! — Она почувствовала,

что от него исходит незнакомая властная сила.— И потом — что значит одна? Жизнь тоже одна, она может свершиться и в один день и в тысячу дней, а может не уместиться и в сто лет, неожиданно оборвется, останется только чувство незавершенности, тоски, оборванности в самом начале».

«Да, Глеб, да»,— торопливо согласилась она, не думая уже ни о чем другом, кроме того, что надвигается какая-то душная, все поглощающая тьма; разбирая пальцами его густые пшеничные волосы, она подумала, что эти живые, упругие волосы завтра будут выброшены куда-нибудь на помойку, как ненужный мусор; почему-то именно это потрясло ее больше всего, хотя она отлично знала и раньше, что всех новобранцев стригут. Почувствовав на себе что-то мешающее, постороннее, она подняла глаза и увидела стоявшего в дверях кухни Саню, неотрывно глядевшего на нее, в его глазах и в полуулыбке застрял какой-то мучительный вопрос. Подчиняясь еле заметному движению ее напрягшихся рук, Глеб встал и шагнул к Сане.

— Давай попрощаемся, Саня.

— Понимаю, понимаю,— заторопился Саня, опуская глаза и заметно бледнея, щеки и шея у него сделались мучнистыми и неприятными. Глеб и Саня молча попрощались, стиснув друг друга в объятиях, но она уже забыла о Сане; она вспомнила, что Глеба весь день не было дома и его надо накормить, что он, конечно же, голоден; надо отойти, отвлечься от своего панического настроения. Надо успеть собрать его, две пары нижнего белья надо, носовых платков не забыть положить, теплые носки,— до замужества она жила в старинной артистической семье, хорошо обеспеченной, никогда раньше не сталкивалась с подобными заботами, и теперь ее мысли растерянно заметались; она не знала, что еще требуется мужчине, если он идет на войну.

— Томка, наконец-то! Мы одни! — отвлек ее от неспокойных мыслей голос Глеба; он подошел к ней, тяжело обнял, прижал к себе; и в ее сознании возникло ощущение острой, нестерпимо яркой вспышки света; она крепко зажмурилась и обессиленно припала к нему; дрожа от нетерпения, от избытка переполнявшей его силы и боли, Глеб взял ее на руки и осторожно опустил на широкую, еще дедовскую кровать из резного черного дерева, в отрочестве вселявшую в него непонятный ужас и даже отвращение своей сопричастностью с каким-то глухим, душным, губительным мраком. Он стал медленно раздевать ее, и она впервые совершенно не стыдилась...

И потом была какая-то первобытная, свирепая по мучительно яркому, то и дело повторявшемуся наслаждению ночь. Ближе к утру от усталости и изнеможения она провалилась в стремительно навалившийся сон; она не знала, час она спала или всего лишь несколько минут, она лишь все время хотела проснуться и помнила, что ей необходимо проснуться, и не могла. Потом к ней прорвался знакомый, родной голос, заставивший даже во сне сжаться и замереть сердце.

— Томка, Томка... Слышишь? Часы бьют... Пора. Не спи. Слышишь? Нельзя больше спать.

Она рывком села в кровати и сразу попала в тесное кольцо родных сильных рук, они окружали ее со всех сторон, и не было ничего мучительнее и надежнее этого плена. Время исчезло, а когда они опомнились, из кухни в приоткрытые двери доносились позывные радио и голос Левитана читал последние сообщения с фронта.

Опять в висках настойчиво застучало: «Уедет, уедет, уедет! — Она вжалась в подушку.— И ничем нельзя остановить, задержать, заслонить!»

— У нас обязательно будет мальчик, маленький Глеб,— не терпящим возражения голосом убежденно сообщила она, пересиливая тяжесть в сердце, отбрасывая со лба его пшеничные спутанные волосы и разглаживая кончиком пальцев его брови.

— Маленький Глеб — это хорошо... Представляешь, вырастет, и станут его называть Глеб Глебович, Глеб в квадрате, хороший подарочек мы ему приготовим, ты не думаешь?

— Все равно он будет Глеб,— повторяла и повторяла она, все время ощущая его большое, разгоряченное тело, разметавшееся рядом.

— Ну и ладно, будь по-твоему. Да, Томка, не забудь, собери и спрячь куда-нибудь в ящик мои бумаги,— негромко сказал Глеб после недолгого молчания,— возможно, еще пригодится... жаль, у меня так мало законченного... Несколько вальсов, квартет... одна симфония, а вторая так и осталась в основном в голове, в кусках. Вот война пройдет, потом закончу все по-другому... Рояль береги, он уникальный и очень старый, таких в стране только два. За ним так хорошо думается... А самое главное, береги себя, не простужайся, у тебя золотое горло. Ты вырастешь в громадную певицу, у тебя будет мировая слава, вот посмотришь... Я напишу для тебя самую лучшую оперу... Лучшая в мире опера и лучшая в мире певица... Представляешь? Ты что? Не надо, зачем же плакать? У нас ведь уже все есть, даже имя сыну, даже то, чего никогда не будет... Не надо, ты же сильная, Том,— попросил он, по-прежнему не шевелясь.

— Ты лежи, Глеб.— Время теперь все убыстряло и убыстряло свой бег.— Я сама все сделаю. Ты лежи. Я еще платки тебе должна выгладить. Еда есть, только разогреть.

— Мы все сделаем вместе,— остановил он ее.— Слышишь, кажется, ветер, метель, что ли, усилилась... Ты меня не провожай, тебе нельзя простуживаться...

Тамара быстро оделась, стараясь по возможности выбирать любимые его вещи (он должен запомнить ее красивой); ее теперь все время подгоняла мысль, что она не успевает; Глеб ходил за ней и бестолково совался во все углы; наконец и это закончилось. В квартире было очень холодно, топили плохо; позавтракали, выпили горячего чаю, согретого на примусе. Напряжение в сети было совсем слабым, лампочки в люстре еле светили красноватыми нитями. Глеб бездумно и счастливо засмеялся.

— Что ты, Глеб? — опешила Тамара.

— Ты меня никогда не забудешь, вот о чем я подумал, мне стало хорошо...

— Ты смешной, Глеб, ни на кого не похожий. Ты это знаешь? Откуда ты такой, я тебя боюсь. Вернее, раньше, до этой ночи, боялась. Я тебя не понимала раньше...

— А теперь?

— Ночь была... Такие ночи делают человека зорче. Теперь не боюсь, я поняла сегодня что-то такое, что не умею назвать...

— И не называй, не надо называть, не надо, Томка... Томка, у нас остался час, нет, даже меньше.— Голос у него переменился, во всем лице проступило что-то резкое, угрожающее.— Я недавно записал одну тему. Грандиозная мысль... Сейчас тебе проиграю... Пойдем.— Он схватил ее за руку и потащил к большому концертному роялю, покрытому каким-то особым старинным лаком, черным, с пепельной изморозью; лицо Глеба горело, точно в лихорадке.

— Глеб, Глебушка...

— Молчи! — остановил он ее.— Слушай...

Какую-то долю секунды он еще медлил, словно еще боролся с собой, и, решившись, властным обнимающим движением взял первые аккорды. Она отпрянула в кресле, ей послышался свист крыльев, точно два сильных шумных крыла развернулись и легко взмыли в воздух. И уже следующие долгие, уже откровенно ликующие всполохи звона заполнили ее какой-то светлой щемящей тоской: вырвавшись на свободу, опьяненный простором, радостью движения, он стремительно уносился все дальше,— где ей было догнать его, боже мой, всю жизнь только тянуться к нему, только быть где-то рядом уже награда и счастье; сердце окончательно оборвалось и стало падать, падать в мучительно желанную пропасть. У нее текли по щекам слезы, но она их не замечала; она уже почти не чувствовала себя — «сиянье мрака погасит рассветы», нет, никогда, никогда! Этого не может быть, чтобы когда-нибудь ее не было, что ее никогда не будет. Не в силах больше выносить эту музыку, сдерживая дыхание, чтобы не разрыдаться, она стиснула грудь руками, чтобы как-то остановить, задержать рушащийся на нее мир скорби, обновления и солнца...

Когда она очнулась, Глеб сидел, бессильно уронив руки на клавиши; почувствовав ее взгляд и подойдя ближе, он, ничего не спрашивая, долго смотрел ей в глаза.

— Всегда мечтал написать цикл славянских языческих молитв,— словно пожаловался он с потухшим тяжелым лицом.— Молитву земли, молитву воды, молитву леса... То, что ты сейчас слышала,— выделяя, сказал он,— это м о л и т в а с о л н ц а...

— А я думала, молитва любви,— сказала она, беря его тяжелую руку и целуя еще и еще раз.— Боже мой, откуда ты такой?.. Молитва любви...

— Солнце и любовь—одно и то же,—полуспросил он вслух, потому что еще был далеко-далеко, где-то в своем, куда он не допускал даже ее, и она никогда не протестовала.

— Надо же, а я ничего не знаю. Существую рядом с тобой и ничего не знаю. Какой ты жадный! Хоть бы словечко! — упрекнула она его, уже чисто по-женски; он взглянул на нее, не понимая, затем совсем по-домашнему улыбнулся.

— Да, кажется, что-то получилось... Только это ведь так, первая запись... Будет гораздо лучше... Вот посмотришь! — Он спохватился, у них ни на что уже не оставалось времени, даже на сборы...

— Глеб, подожди,— решилась она наконец высказать беспокоившую ее мысль.— Ты записал?

— Я хочу, чтобы это осталось только со мной,— ответил он как-то решенное и даже с оттенком враждебности, освобождая свои руки от ее рук; и уловив боль и смятение в ее глазах, он опустил голову и тут же стремительным злым рывком резко вскинул ее.

— Ты обещаешь, что это будет только для тебя? — Он пристально и, как ей показалось, не видя, всматривался сейчас в ее лицо.

Она опять молча и сосредоточенно поцеловала ему руку, повернув ее ладонью вверх.

— Хорошо,— сказал он, вынимая из внутреннего кармана пиджака свернутые вчетверо листы нот, и осторожно положил на крышку рояля.— Обещай одно... Никто никогда не должен услышать этого... если... ты понимаешь, если....

— Не смей,— оборвала она его,— не смей! Ты не имеешь права так думать... Не смей! Не надо ничего, забери все, только вернись сам!

И тут она не выдержала, обвяла в его руках, рыдания прорвались помимо ее воли, и он, усадив ее на диван и опустившись рядом, стал гладить ее по голове, по плечам, целуя мокрое лицо, щеки, губы, глаза, лоб, почти физически чувствуя, что каждая новая минута становится короче и короче.

Она проводила его до подъезда и, едва они открыли дверь, им в лицо ударил веселый, сухой, бешено крутящийся снег; Глеб торопливо поцеловал ее последний раз, затолкал назад в подъезд и исчез; клубы резво крутящегося, сухого снега мгновенно поглотили его; быстрота случившегося ошеломила, и она никак не могла заставить себя сдвинуться с места, на нее нашло какое-то странное оцепенение. Она вдруг поняла, что никогда, никогда уже не увидит его и что поэтому нужно бежать за ним вслед, чтобы попытаться его задержать, остановить, физически не пустить на эту войну; задушенный крик вырвался у нее; с ненавистью отбросив от себя дверь, так что лязгнули пружины, она вырвалась на улицу, в белые, слепившие, валившие с ног, крутящиеся вихри, с веселым визгом и шелестом заполнявшие пространство вокруг.

— Гл-е-е-б! Гл-е-е-б! — отчаянно закричала она, пытаясь сообразить, куда бежать, и борясь с напористыми, валившими с ног порывами ветра; спасаясь от него, она вдоль стены дома, ощупью, кое-как выбралась в сплошную мутную круговерть, несущуюся куда-то в одном направлении. Вход в метро был неподалеку, метрах в двухстах, но в противоположном ветру направлении, и она, напрягая все силы, стала пробиваться навстречу ветру, подумав, что и Глеб мог пойти только к метро, и надеясь догнать его или еще захватить на станции. Скоро по знакомой угловой аптеке, где с неделю назад ей удалось достать немного ваты, она обнаружила, что идет в другую сторону, метнулась назад и попала в неразбериху арбатских переулков и тупиков. И тогда, смахивая с лица злые бессильные слезы, подумала, что все это давно кем-то предопределено и предназначено и что ей уже ничего не изменить и не исправить.

Продолжение следует.

ВСТРЕЧА С ТАЛАНТОМ

Сергей ВОРОНИН

Такая встреча всегда вызывает у меня изумленно-радостное чувство, будто со мной с самим произошло что-то хорошее, славное, светлое. Редко при чтении книг такое чувство посещает меня, и тем неожиданнее праздник, когда встречаешь истинно талантливое. Проходит время, что-то из прочитанного исчезает из памяти, забывается, а вот талантливое живет и не только помнится, а тревожит, не дает полного покоя. Даже нарушает его, и все для того, чтобы не забывать, ради чего должен жить человек. Талант—это всегда доброта. Оттого-то и радостна встреча с ним.

У меня встреча с творчеством Петра Краснова произошла на страницах журнала «Наш современник». Там был напечатан его рассказ «Шатохи». Уже само название привлекало внимание, ну, а содержание, оно просто потрясло. Бедные собаки — друзья человека, как с ними жестоко расправились бывшие их хозяева! И сколько горечи и боли вызывает этот рассказ, сколько стыда за людей! И как жаль мальчонку, который все простил шатохам, даже то, что они искусали его, что он был до ужаса напуган ими,— все простил, только чтобы не убивали красивого, сильного вожака стаи. Умолял. Но люди убили...

Увидав в списках проходившего в Пскове Всесоюзного совещания рассказчиков имя Петра Краснова, я тут же отыскал его. Не по годам серьезный — ему тридцать лет, — большелобый, с широким переносьем, с сильными окулярами, с горестными складками по краям рта, образованный, мыслящий, он произвел на меня самое сильное впечатление. Таким я его и представлял по рассказу. Мы о многом успели поговорить и на прощание обменялись книгами. Петр Краснов подарил мне свою первую книгу, «Сашкино поле». В ней девять рассказов, и среди них — «Шатохи». Я совершенно не задаюсь целью разбирать рассказ за рассказом. Что проку пересказывать их содержание. Надо эти рассказы читать, причем читать не залпом, а не торопясь, наслаждаясь каждой строкой. Остановиться, подумать вместе с автором, а то и наедине с самим собой и только после этого продолжать чтение. Потому что это та настоящая литература, которая требует к себе максимального внимания и уважения.

Честно скажу, за последнее время мало приходится мне читать такой умной, своеобразной прозы. А это ведь только начало литературного пути. И что особенно важно — это не роман, не повесть, а книга рассказов. То есть не одно, а девять произведений. Для определения перспективной творческой силы молодого писателя это немаловажно.

Прочтя первую книгу П. Краснова, можно определенно сказать: в нашу литературу пришел не только писатель, пришел большой художник, наблюдательный, умеющий словом передать не только картину природы, но и ее состояние, что под силу лишь немногим.

«Стремительно разомкнулось и сомкнулось в молнии темное небо, на миг, на мгновение показав свои огненные запредельные сады, и пушечно грохнул, угрожая увидевшему, гром, покатился по всему шаткому небесному строению, рассыпаясь на десятки гремящих обломков». Здесь в описании грозы все по-своему. Ни у кого я не читал о «запредельных огненных садах», ни у кого не видел в книгах «шаткого небесного строения», как не видел и «десятки гремящих обломков». А уж о грозе-то писано-переписано. И еще, заметьте: небо показало свои сады и тут же грохнуло, «угрожая увидевшему». Дескать, не лезь куда не следует.

Петр Краснов очень хорошо чувствует слово. К тому же у него есть вкус, хорошо развито чувство меры. Только этим можно объяснить ту смелость, с какой он берет слова из совершенно другого ряда и ставит в ряд художественного слова.

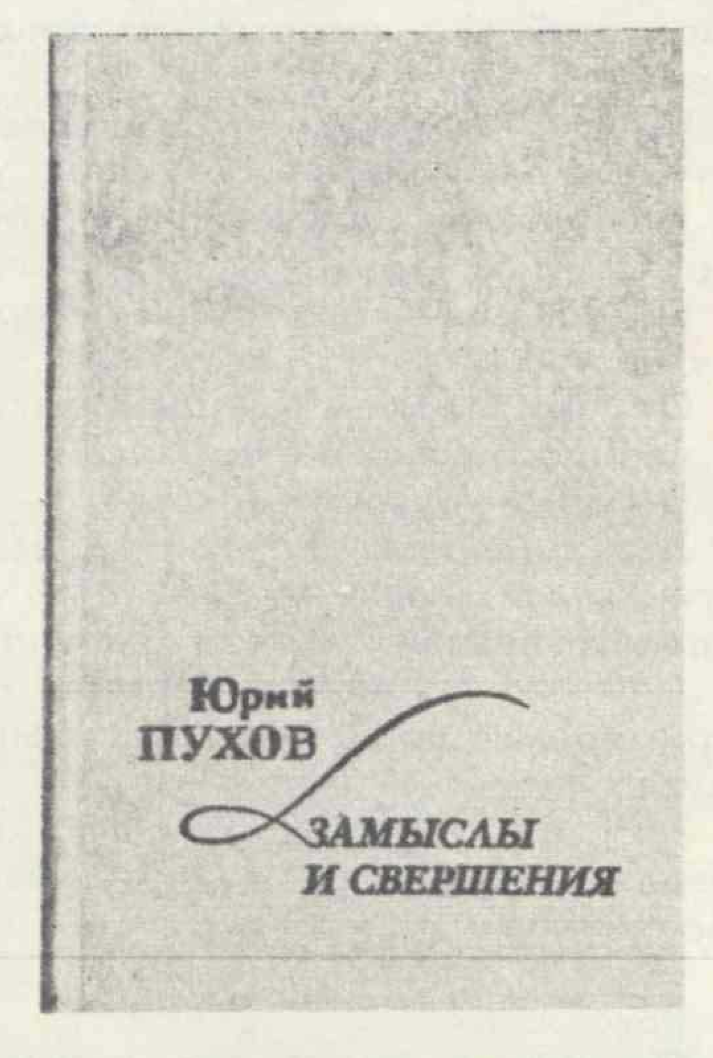
«Солнце уже почти село за увалы, только в растянутой по всему горизонту тонкой воздушной мгле виднелся его негреющий малиновый **сегмент**». (Подчеркнуто мною.— **С. В.**) Так же прочно и хорошо встает на свое место слово «грунт». Как и другие техницизмы. И в итоге они обогащают наш литературный язык, не засоряют, а именно обогащают, давая им особый окрас и новое звучание. И ничего не будет удивительного, если они станут такими же привычными, как «серп луны», «диск солнца»,— когда-то эти затасканные ныне штампы звучали новаторски.

Тут уместно сказать, что Петр Краснов не только работает над словом, но видно, как словом он, словно ваятель резцом, создает искусство. И это очень отрадно. Это говорит о том, что в нашу литературу идет особая молодежь, для которой звук родной речи дорог и ответствен. И как тут не пожалеть, что наши многие критики мало обращают внимания на то, как написано то или иное произведение. Их больше занимает проблемность, актуальность. Это важно, но ведь давно известно, что в литературе останутся только хорошо написанные произведения. Проблемы, «больные вопросы», злободневность — как они мощно звучат, если выражены полновесным словом, и какими выглядят бесцветными, нудными, когда слово мертво.

У Петра Краснова в рассказах работает все. Природа не просто природа, она живая. Ветерок у него разговаривает, солнышко смеется от утренника, огонек встает на цыпочки, что-то свое приговаривает морозец. Все действует, все живет, и небо угрожает увидевшему (помните?), и человек у него живет в природе, как она в нем. Так же точно, как передает Петр Краснов состояние природы, так же он показывает и состояние человека. А отсюда создается впечатление, что ему посильно все, за что бы он ни взялся, и решить это по-своему. Он может взять любой сюжет, даже известный нам, но решить так, создать такое настроение, что забудешь все ранее читанное о том же и станешь волноваться, переживать. Как это и случилось со мной, когда я читал рассказ «Буран». Семен Дерябин не замерз, хотя это кажется главным в рассказе; вдруг в самом конце выясняется — главное-то совсем в другом, в том, что отторгнутый от общества человек, так думал о себе Дерябин, оказывается нужен людям. Поэтому-то он и упал на колени и протянул к ним руки.

Эмоциональная сила рассказов Петра Краснова не только обнадеживает, что он будет работать и дальше — это и так ясно,— она убеждает нас в том, что перед нами интереснейший писатель. И наша общая задача не в том, чтобы помогать ему,— он в этом не нуждается, он знает, что делает и что ему нужно делать, а в том, чтобы не мешать ему, то есть доверять его таланту и ждать его новых книг.

ГЕРОИ КНИГИ — ПИСАТЕЛИ

Целая галерея литературных портретов русских советских писателей, как завершивших свой жизненный и творческий путь, так и ныне здравствующих и продолжающих плодотворно трудиться, проходит перед нами на страницах книги Юрия Пухова «Замыслы и свершения», изданной «Современником». Тут и имена, без которых невозможно представить отечественную литературу, — Ф. Гладков, А. Серафимович, Н. Островский, А. Фадеев... Достойное место отведено в книге и тем, кто менее известен, но чей подвижнический труд вызывает неподдельное уважение и непреходящий интерес. Таким, как, к примеру, А. Патреев (сорок лет непрерывного труда над романом!) и А. Туницкий, чья преждевременная смерть вызвала скорбный душевный отклик Л. Леонова... Тут же и множество других имен, кратко, точно и емко охарактеризованных критиком. Со многими из них автор знаком лично, что создает атмосферу доверительности рассказа, привносит новые нюансы и штрихи в общеизвестные биографические данные. Пухов широко использует в создании портрета писателя и такие испытанные средства, как письма и воспоминания, впечатления от личных бесед. Благодаря этому зарисовки получаются объемными, живыми, а очерки воспринимаются как главы единой книги.

Но не только это придает книге Пухова цельность. Как подчеркивает сам автор, сближает героев его очерков главное — «любовь к рабочему классу, в жизни которого они и черпают вдохновение, и находят своих героев, оптимистическая концепция человека и будущего человечества, которая воплощена в характерах и судьбах их главных действующих лиц, высокие патриотические чувства, верность принципам народности, классовости и коммунистической партийности творчества...»

И тут нельзя не сказать еще об одном «действующем лице», писателе, которому в книге, не отведено отдельной главы, но чей образ присутствует буквально на каждой странице. Это Алексей Максимович Горький, сыгравший исключительную роль в судьбах не одного поколения советских писателей. «Горький один из первых увидел... Фадеева-художника»,— читаем в очерке «Человек из легенды». «Горький стал для Павленко на всю жизнь живым примером писателя-борца»,— говорит Пухов в другом месте. «Со словами великого писателя в сердце, как с путевкой в жизнь», вступил в литературу М. Бубеннов («Во власти современности»).

Традициям Горького следует в своей работе и Юрий Пухов. Отнюдь не бесстрастный исследователь, он, находясь на переднем крае идеологической борьбы, чередует задушевный разговор с читателем полемикой с коллегами по тем или иным принципиальным вопросам. Тема современного рабочего класса путем тонких наблюдений и сопоставлений прослеживается им в произведениях Первенцева, Блинова, Сартакова. Вместе с последним он резко выступает против тех, кто пытается «механически перенести на нашу родную почву художественные искания» западных писателей. Заботит Пухова и такая проблема, как нивелировка языка иных писателей.

С улыбкой повествуя о превратностях судьбы очеркиста-портретиста, Пухов вспоминает: «Портрет писателя был написан и сдан в срок в редакцию газеты. Там он пролежал, дожидаясь своей очереди, до конца лета, и в гранках пришлось заменить цветы на яблоньках зрелыми плодами. А когда он наконец появился на газетной полосе, то и яблок там не оказалось. Кто-то из редакторов «снял урожай», оставив голыми «тонкоствольные березы и яблони».

Думается, очеркам Пухова сезонные изменения в природе не грозят: они полезны и интересны всем, прежде всего изучающим современную отечественную литературу.

Иван ИСАЕВ

Юрий Пухов. Замыслы и свершения. М., «Современник», 304 с.

См. стр. 8.

звене, в эскадрилье. Но должен уметь воевать и один. Сразу против многих.

Судьба путает дорожки, но неожиданно поражаешься ее последовательной точности: еще одну меру счастья подарило ему училище.

Авиация крылата не зря. Она крылата, как счастье.

Люди встречают друг друга. Они расходятся, ни разу не вспомнив друг о друге. Иные точно видятся после долгой разлуки. Надо верить этим узнаваниям. Верить сердцу, его подсказке.

К крылатой профессии прибавилось счастье. Такое же солнечное. Такое же ясное. Ведь самолет, прорываясь сквозь облака, всегда выходит к солнцу. Всегда. Жизнь другая штука, но она похожа на авиацию. И тогда сквозь любые тучи проглянет солнце. Главное — набрать высоту. В небе. В сердце.

Ее звали Валентиной.

ПОДСТУП

Военная судьба не выбирает места жительства.

Назначение на Север. Аэродром вдали от больших городов. Морозы и метели. Полеты в любую погоду. То, что называется набором жизненной высоты.

А сердце, сердце рвалось дальше.

Над землей летали спутники. В космос их выбросили ракеты. Подобные тем, что придумывал Циолковский. В спутниках летят собаки. Значит...

Какая такая власть заставила его взять лист бумаги и ручку, сесть за стол, написать рапорт? Кому — понятно, но о чем?..

Можно догадываться, предполагать — да, можно. Но точно никто ни о чем не знает. И в это незнаемое — рапорт. С просьбой конкретной и четкой. Ведь это армия, а не фантастический роман.

Его вела власть души и сердца, помноженная на желание и молодость.

Пока он только рвался в новое дело. Полет на ракете отличался от авиации. Но туда, в это волшебно-странное дело, должны прийти летчики.

Он послал рапорт, его вызвали на новую работу.

Несколько молодых пилотов, ошарашенных возможностью небывалой новизны. Начало иной жизни.

Испытания на невиданных тренажерах. Освоение новых разделов наук. Медицинские исследования. Прыжки с парашютом.

Судьба точно провела жирную линию.

То, что было раньше,— важные, но только лишь предпосылки к будущему. А будущее требует сверхсерьезного отношения, учебы, поиска.

Все начиналось в ту пору. Первые ученики и первые учителя. Новые курсы лекций. Новые способы испытаний.

Они жили, работали, тренировались, вовсе не думая об истории.

А она неслышным шагом входила в их жизнь.

В жизнь страны.

И мира.

ГЛАВНЫЙ

Это походило на два рукава одной реки. Они двигались навстречу друг другу, зная о том, что надо слиться.

Отряд летчиков готовился к неожиданному. К неожиданному готовился отряд конструкторов. А еще инженеры, рабочие. Не один инженер и не один рабочий. У них уже был опыт. Мощные ракеты навешивали над планетой яркие звездочки спутников. Но одно дело спутники, даже самые надежные и совершенные. Другое дело — человек.

Отлаживались, становясь все лучше, ракеты. Готовились люди. Две реки стремились друг к другу, чтобы соединиться. А сдвигал реки человек.

У него были помощники и друзья, много помощников и друзей. Но был еще он сам. Человек мощного ума, великой воли, огромного интеллекта, колоссальных знаний. Но прежде всего — громадного таланта.

При жизни его имя берегла тайна, немногие знали, кто есть кто в деле, которое затевалось. Человек по имени Главный Конструктор сдвигал две реки, чтобы слить их в одно целое, в один избранный день, который назвали потом великим.

Где-то там, на стапелях, рос корабль, приготовленный в небывалое. Где-то тут работали и смеялись летчики, готовые выполнить нужное.

Настал день выбора.

Комиссия во главе с Главным собиралась не раз и не два. Каждый достоин, каждый готов. А когда все равны среди равных, решает как будто бы несущественное. Одна деталь. Подробность, которой суждено облечься песнями.

Припомнив все мыслимые достоинства, Главный увидел улыбку нашего героя. Открытую, как душа народа, добрую, как его слава, мягкую, как его песни. Этот летчик улыбался так, как никто не мог. Никто не умел.

Эта улыбка сулила удачу.

Точно утверждая улыбку героя, Главный поставил подпись: Королев.

КОСМОНАВТ

Никто этого не знает. Могут предполагать, предсказывать. Но точно не знает никто — сколько кружит Земля? Медленно и стремительно плывет она вокруг Солнца, вращаясь сама. И никто никогда не видел ее сверху. Безмолвная чернота — и хрустальная поступь горного ручья. Безжизненный холод — и зелень травы, сугробы цветущих садов. Тепло человеческой ладони и бессмысленность пустоты...

Бессмысленность? Нужен ли тут приговор? Человек торопится обозначить словесной формулой свое незнание, и это одна из его старинных несправедливостей. Космос нужен разуму, которым обладаем мы. Космос важен разуму, значит, нам. Разуму должно вырваться за пределы Земли.

Тише, тише, люди, вот она, поступь истории. Затаите дыхание. И запомните день.

Двенадцатое апреля.

Шестьдесят первый год.

Двадцатый век.

Он проснулся. Надел скафандр. Сел в автобус вместе с дублером. Сошел с него и двинулся к Главному, не справившись лишь с одним — с улыбкой.

Он крикнул товарищам: «Один за всех и все за одного!» А когда двадцать миллионов лошадиных сил тронули его корабль, воскликнул: «Поехали!»

Человек преступил таинственное. Прорвал оболочку стратосферы, вырвался в космос.

Затаите дыхание, люди. Мир ловит голос Москвы. Ее особо важное сообщение.

Человек в космосе. И не просто человек. Гражданин СССР. Его имя—Юрий. Фамилия—Гагарин.

Тише, люди, тише. Вслушайтесь в рокочущий голос минувших эпох. Вглядитесь в патину прошлого мира.

Смотрите! За плечом нашего героя скорбь князя Игоря, мужество ратников Дмитрия Донского, задумчивый лик Михайлы Ломоносова и смеющиеся глаза нетленного Пушкина. За его плечом — Ленин, революция, Циолковский, Чкалов, тронутые голодом лица ленинградцев, выстоявших блокаду, и славная гвардия героев труда.

История вступила в свои права, отливая каждый шаг и каждое мгновение, каждое слово и каждый поступок в вечный материал бессмертия.

Время прошло, отмерив годы шумом весенних ручьев и шорохом падающих листьев, а мы все помним и вечно оставим в памяти его слова, его улыбку, ликующие толпы на Красной площади и в малой деревеньке, храним в сердце трепетное волнение, неизбывную гордость, слезы восторга.

За героя по имени Юра.

За Россию.

За Советскую власть.

УЛЫБКА

А улыбка — она бессмертна.

И стала символом.

Доброта человека, вспоенного Родиной, отчим домом, Россией.

Ее словом, ее песней, ее сказкой, былиной, правдой.

У страдавшей Земли лицо всегда доброе. Всегда жаждущее счастья. И себе, и другим.

Добрая земля, как добрый человек — улыбчива и покладиста. Но улыбчива и покладиста, пока речь о добрых делах. В памяти настрадавшихся людей, как и в горькой памяти земли, крепко хранится зло, нанесенное им. Так что память земли — скорей неулыбчива, а улыбка героя — гордость за честную правду страны.

Он улыбался миру. Он улыбался народам.

Он улыбался здесь, на Земле, возвратившись домой.

Он улыбался там, в космической черноте, в мире немерцающих звезд, и улыбка его обращалась туда, в неведомое, незнаемое, отрешенное, точно искала, искала тех, кто может увидеть и понять добрую улыбку земли.

Он улыбался голубой планете, которая кружилась под ногами, радовался восходу и закату, зеленым лесам, голубым жилкам рек, белесым пятнам облаков под собою.

И первым из землян сказал: «Люди, а земля-то совсем маленькая!»

А еще сказал: «Она — прекрасна!»

И ничего вроде бы особого в этом нет, все это знали и так, но он сказал это, увидев Землю со стороны, и его слова прозвучали по-новому, заставив задуматься над таким простым и очевидным: да, маленькая, да, прекрасная!

А маленькую и прекрасную планету, единственную, где есть цветы, ручьи, березы, прекрасные женщины и наивные дети, где есть смех, улыбки, любовь, надо беречь, беречь!

Он сказал об этом не так — гораздо проще. А вложил в слово свое именно это — весь мир! Весь — от начала до конца!

«Берегите Землю, она прекрасная и маленькая!»

СЫН РОССИИ

Его нет с нами.

Но он с нами.

Незабываемым днем. Улыбкой. Своими детьми. Деревьями, которые он посадил на маленькой и прекрасной земле. Делом, которое продолжают товарищи.

А самое главное — великое не исчезает. Как не могут истаять, раствориться в беспамятстве герои давних столетий. Герои, которыми силен народ.

Будущее немыслимо без настоящего.

Настоящее немыслимо без прошлого.

А прошлого не бывает без будущего.

Он продолжил великую историю Отечества. Своей жизнью, делом, подвигом. Он лишь продолжил. Но в этом «лишь» заключена высшая совестливость наследства.

Ведь деяния наши озирают века минувшей истории и тысячелетия будущего, на беспристрастный суд которых мы восходим каждый день и каждый час.

На деяния наши — из прошлого и будущего — взирают герои и гении, уже ушедшие и еще не рожденные, и под этими взглядами должно нам поверять свое сегодня.

Он совершил достойное истории, сам вшагнул в нее.

Он был первым сыном Земли, вступившим в черное безмолвие космоса.

Но он был сыном России.

Это она, Родина, вспоила его душу таким простым и нужным, без коего нет человека: словом, песней, сказкой, былиной.

Это она укрепила сердце его славными примерами прошлого, дав крыльям его силу духа.

Это она взрастила ученых, построила корабль, подняла его судьбу, назвав своим избранником.

Все она, Родина.

Россия.

Он сказал ей немало ласковых слов.

Он ощущал себя ее кровинкой, ее капелькой.

Рожденный, взлелеянный, вознесенный Россией, он улыбается ей.

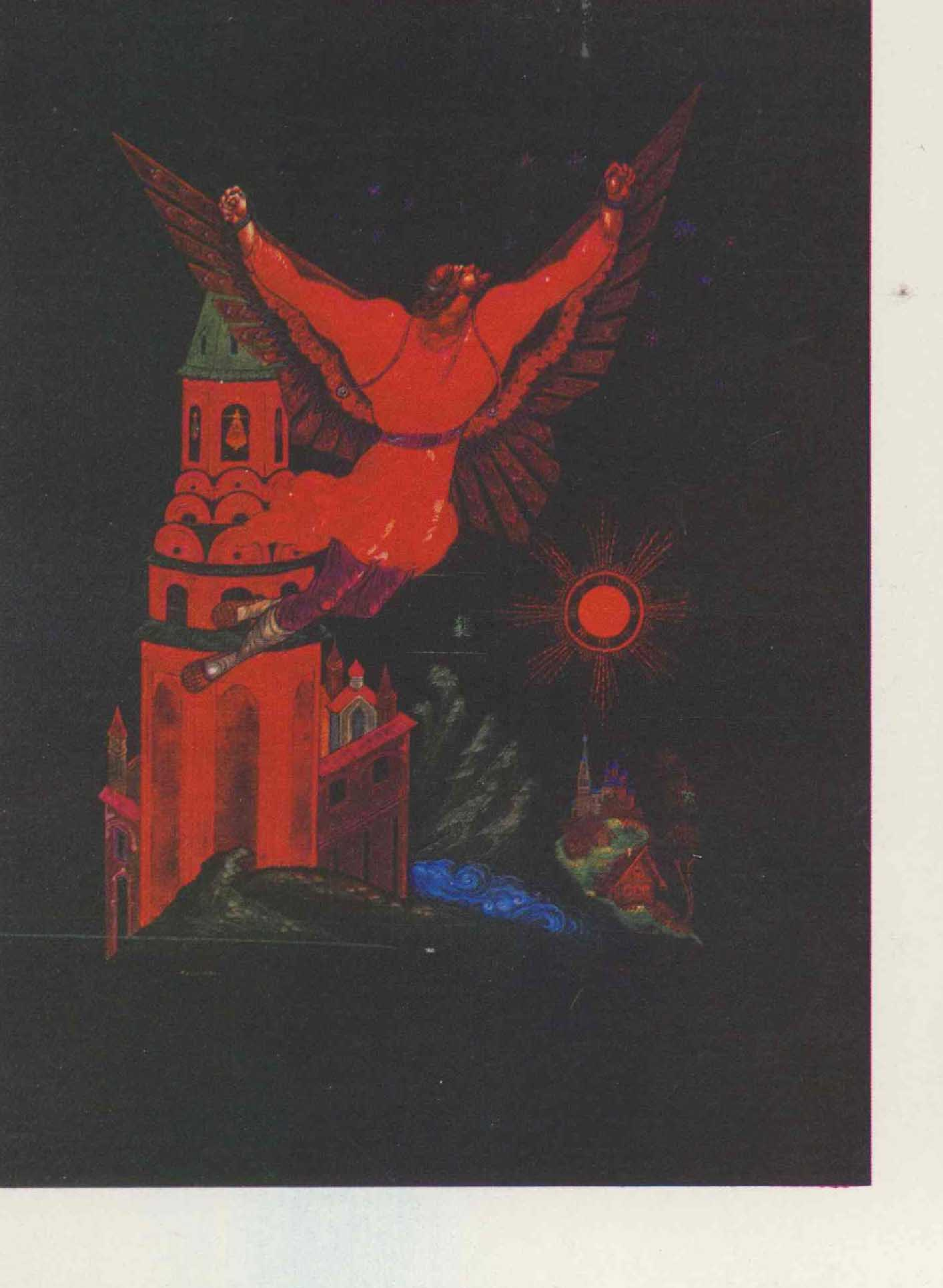
Ее минувшему.

Ее настоящему.

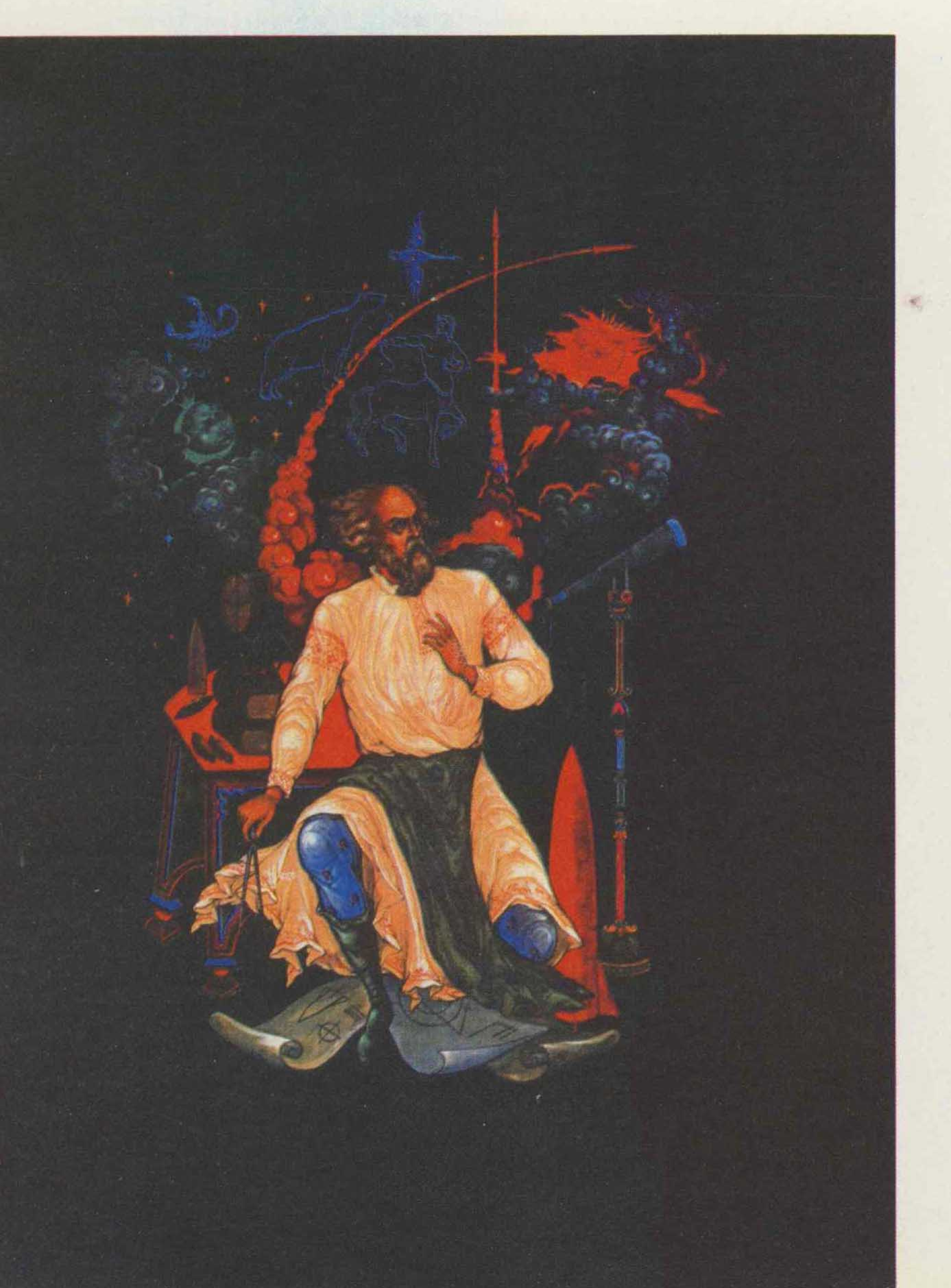
Ее будущему.

Юрий Алексеевич Гагарин.

СССР
ВОСТОК

Н. ТОЛЧЕНОВА

ПЕРЕЖИВАЯ «ГОДЫ БЕЗ ВОЙНЫ»

Думаю, что не ко мне одной придет желание перечитать первую и вторую книги романа-тетралогии Анатолия Ананьева «Годы без войны» сразу же после того, как закрыта последняя страница третьей книги, опубликованной журналом «Новый мир» (№ № 1, 2, 1981 год).

Почему же возникает такая потребность?.. Уж, конечно, не потому, что тебе, читателю, надобно вспомнить предыдущие события, оживить облик героев. Взятые из жизни Советской страны, всесторонне осмысленные писателем, они являются частью нашего собственного духовного существования. Вернуться к ним, наверное, захочется более всего потому, что теперь, когда А. Ананьеву предстоит в будущей, четвертой книге романа завершить эпопею, подвести так или иначе итоги каждой судьбы (а их великое множество), читатель пробует еще и сам не то что предугадать события, которые произойдут в финале (вряд ли у нас это получится в силу внутренней подвижности, разноликости действующих лиц да и общей непростоты замысла, развития сюжета),— скорее всего нам интересно и важно пройти вместе с героями романа еще раз по их жизненным дорогам. Пройти для того, чтобы более отчетливо обозначить для себя причины выбора этих дорог. Прояснить себе — при широте и доступности общего, очень хорошо видимого магистрального пути — кажущуюся неожиданность иных, запутанных перекрестков жизни, трагическую безысходность встречающихся тупиков.

Кажущуюся?.. Разве?

Мы настойчиво переспрашиваем об этом и писателя и самих себя. Для того-то и возвращаемся опять к первым двум книгам вслед за третьей, сызнова всматриваясь в знакомые лица. И опять убеждаемся (как то было и при начальном знакомстве с героями) в несомненной социальной, нравственной, психологической обусловленности (как и художественной обоснованности) их поступков, их поведения. Их способа идти по жизни, где то или иное конечное бездорожье, трагический тупик оказываются закономерным, логическим результатом внутренней, душевной слепоты, мещанской ограниченности, себялюбия, присущих тому или иному персонажу. Они-то и вносят разлад, моральные диссонансы в окружающую их среду, мешая жизни на нашей родной земле, мешая многим людям жить под счастливым невоенным, мирным небом...

Мы снова видим в романе, какой все более масштабной, просторной, уверенной становится дорога в будущее, прокладываемая усилиями народа, и, конечно, мы видим у Ананьева его настоящих героев — писатель заставляет нас полюбить их, они не жалеют ради этого будущего своих сил, здоровья, энергии... Впрочем, они-то сами даже и не думают об этом, потому что им присуща сложная, подлинная, убедительно выписанная внутренняя чистота; присуще умение отдавать себя избранному делу, сохранять поглощенность этим делом.

Так живут полковник в отставке Сергей Иванович Коростелев; работник партии; «районщик», бывший секретарь райкома Аким Сухогрудов; хлебороб, колхозный механизатор, многодетный «простой» человек Павел Лукьянов, родственник Коростелева; молодой художник Митя Гаврилов, одержимый страстным стремлением проклясть навеки и тем самым сделать невозможной новую войну, написав задуманную им картину — огромное полотно о погибших людях...

Не перечислишь всех, кого мы запомнили и полюбили, да в этом и нет необходимости. Хочется лишь сказать, что эти образы «держат» роман, являются его опорой.

Осуществляя сложнейшую конструкцию своего замысла, Анатолий Ананьев мудро закладывает в основу его именно то, что в народе прежде называлось краеугольными камнями. Они необходимы были всякой постройке... Следуя законам народной жизни, Ананьев и делает своей опорой характеры прочнейшие, хотя при этом вовсе не простые, человечески правдивые. Героям ведь свойственны и многие житейские просчеты, и внезапные порывы сердца, и многое другое, что человека делает человеком, а не той благополучной схемой, которую иной раз представляют нам как «героя положительного».

Впрочем, и отрицательные персонажи Анатолия Ананьева столь же не просты. Они тоже наделены полнотой внутренних переживаний, острой способностью чувствовать жизнь. Достаточно назвать, например, блистательно воплощенные, живущие прямо-таки видимой, слышимой, осязаемой — как на сцене театра или экране кино — жизнью женские образы: Ольги, любовницы Тимонина; Галины, падчерицы Сухогрудова; молоденькой Наташи — родной дочери Сергея Ивановича Коростелева и жены Арсения.

И вот думаешь: ну ладно, судьба Галины с самого начала не состоялась; быть может, отсюда и дальше идет ее жесточайшее безмыслие, ее тупая ограниченность, эгоистичная поглощенность собою, приведшая к гибели ее сына, подростка Юрия. Быть может, отсюда — еще более трагическая судьба ученого-историка Арсения (одного из бывших мужей Галины), от руки которого Юрий и погиб (а потрясенный Арсений очутился в тюрьме; вряд ли уж выйдет он оттуда нормальным человеком)...

Не будем пересказывать судьбы. Достаточно упомянуть о том уверенном писательском мастерстве, с которым Анатолий Ананьев безошибочно находит убедительнейшие внутренние причины всегда доказуемых им сцеплений-связей множества образов романа — тех сцеплений, которые являются, как известно, непременным условием успеха литературного произведения.

У Анатолия Ананьева все герои так или иначе взаимодействуют. Они либо конфликтуют, отталкиваются один от другого,— иногда это случается к счастью человека, как, например, для молодого секретаря райкома Лукина, ушедшего в конце концов от Галины (хотя неизвестно еще, чем кончится для него «роман» с ней, о котором сразу узнали в райкоме, когда Лукин пришел на место Акима Сухогрудова). Или мерзейшая личность, Тимонин, — сущий подонок в обличье столичного журналиста, который «перекидывается» от Ольги, которая ему если и была нужна, то только в Пензе, а в Москве он, конечно, окажет предпочтение молоденькой, хорошенькой и достаточно легкомысленной Наташе Коростелевой...

И ведь у них у всех есть еще друзья и недруги; есть близкие; есть многие другие люди вокруг... И все эти связи обнаруживаются как бы вовсе не предумышленно, как бы сами собой. В сюжете они жизненны, а значит, естественны, их так и воспринимаешь.

Разветвляясь все шире, захватывая все большее пространство, вбирая все более важные события в жизни страны, роман становится повествованием об эпохе... Люди живут, радуясь и горюя, теряя свое счастье и снова бросаясь на его поиски, находя и снова утрачивая, ссорясь и примиряясь... Но при всем том ни один из них не только не похож на другого, но и не имеет узнаваемых предшественников (как это порой в литературе случается).

Все они самобытны. И каждый человек, плохой или хороший, увиден писателем, а потом рассмотрен и нами именно как человек, а не приблизительно очерченная схема.

Борьба в жизни, показывает художник, идет повседневно. Но это борьба совсем иного свойства, чем в годы войны. Часто скрытая, ненужная, мешающая в мирные годы, когда государство и его люди решают многие новые проблемы — большие и важные равно для всех,— проблемы мира, общечеловеческой безопасности, народного благосостояния. Именно с этих позиций сталкивает писатель нравственное с безнравственным в личной, частной, казалось бы, человеческой жизни; находит и тщательно разрабатывает все ту же,— близкую ему и главную для него — тему нравственного бытия человека, и прежде всего нравственной общности людей послевоенной эпохи. В ней писатель справедливо усматривает свет, необходимый жизни, миру, а значит, и человеческой душе. Необходимый вообще всему нашему существованию.

Именно этой высокой мыслью, вложенной А. Ананьевым во внутренний мир его, быть может, самого любимого героя, Сергея Ивановича Коростелева, заканчивается третья книга тетралогии.

Перечитаем же эти строки. Здесь говорится, как находит Сергей Иванович чувство успокоения, столь для него желанное, когда он, бывший воин, вернулся домой после торжественной церемонии захоронения в Москве, в Александровском саду возле Кремля, останков Неизвестного солдата.

«Для Сергея Ивановича, уже далеко за полдень вернувшегося домой, все это увиденное и пережитое было как во сне: и минуты захоронения, и торжественные минуты парада, когда перед свежею еще могилой, перед горою венков и трибуной, на которой стояли руководители партии, члены правительства, прославленные полководцы Великой Отечественной войны, проходили маршем слушатели военных академий, моряки, пограничники, суворовцы. Метавшийся в поисках того, что он потерял и что надо было найти ему (как он говорил об этом шурину в деревне), **он чувствовал, что он знал теперь, что ему делать в жизни; знал не в том конкретном значении этого слова, но в ином — что впереди был свет и что он уже не потеряет из виду этот свет и будет идти и идти к нему, сколько бы трудностей ни пришлось вновь испытать ему».**

Впереди — свет. Вот то главное, что герой понимает и принимает для себя как главный импульс продолжения жизни... Думается, они многое обещают, эти заключительные строки третьей книги романа Анатолия Ананьева.

Сергей ЛОСЕВ,
Виталий ПЕТРУСЕНКО

●

Первую стычку между Гувером и Робертом Кеннеди выиграл директор ФБР. Он пригрозил уйти в отставку, если министр попробует осуществить свою идею о создании национальной комиссии по борьбе с преступностью. Но несколько следующих раундов остались уже за Робертом, что в совокупности с другими трениями и разногласиями между ними превращало среднего Кеннеди во «врага номер один» Гувера, каковым он и значился в знаменитом списке самых ненавистных людей, который вел директор охранки.

Так, Р. Кеннеди настоял на проведении координационных совещаний для обмена информацией об организованной преступности более чем двадцати федеральных органов, в юрисдикцию которых входили, в частности, и эти вопросы. Он явно обходил Гувера с фланга: чтобы не показаться белой вороной, директору ФБР, ходившему на эти совещания, нужна была информация, и тот нехотя был вынужден отдать приказ о ее сборе. Гуверу не повезло и в другом: координатором было назначено не ФБР, а отдел по борьбе с организованной преступностью министерства юстиции, увеличенный Робертом Кеннеди в четыре раза и получивший от него беспрецедентные полномочия. Чтобы покончить с сомнениями относительно законности борьбы с преступностью и лишить Гувера последнего козыря, Роберт Кеннеди через три месяца после занятия кресла министра направил в Капитолий законопроект, основные положения которого были утверждены в сентябре 1961 года.

Но даже меры министра и конгресса и, наконец, его собственные шаги по включению ФБР в поход против национального синдиката преступности не означали, что Гувер смирился. «Чушь, глупости» — с этими словами он похоронил доклад об организованной преступности, который он же поручил подготовить лучшему специалисту ФБР по этой проблеме Ч. Пеку.

ФБР продолжало, как и в 30-е годы, сражаться с отдельными бандитами, налетчиками на банки, организаторами краж автомобилей. Пропагандистские службы ФБР не жалели красок, чтобы представить Гувера как «национального героя», «грозу гангстеров». Но все это, по выражению Д. П. Мойнихэна, будущего сенатора от штата Нью-Йорк, не имело ни малейшего отношения к организованной преступности, превратившейся в «большой, богатый класс, глубоко пустивший корни в различные пласты состоятельного общества».

Оскорблением для Гувера послужило также создание внутри отдела по организованной преступности подразделения по борьбе с профсоюзным рэкетом. Во главе его был поставлен У. Шеридан, что само по себе было вызовом Гуверу. Шеридан ранее по своей воле покинул ФБР, что в глазах «национального героя» было хуже всякого преступления Хоффы. Подразделение Шеридана окрестили «командой по ловле Хоффы».

Вокруг этой «команды» ходило и ходит по сей день немало легенд. Ей удалось ненадолго упрятать за решетку нашего знакомого Барни Бейкера и правую руку Хоффы Энтони Провенцано, которого он сделал вице-президентом профсоюза водителей грузовых машин и складских рабочих. Провенцано одновременно занимал видное место в мафии штата Нью-Джерси, руководимой знаменитым гангстером Вито Дженовезе. Джимми Хоффа продолжал ускользать из рук Р. Кеннеди. В один из моментов свидетели готовы были показать под присягой на суде, что Хоффа предлагал деньги тому, кто подсунет Роберту Кеннеди пластиковую бомбу. Но министр юстиции счел невыгодным для администрации Кеннеди такой сенсационный процесс и велел готовить суд, на котором можно было бы предъявить Хоффе более ординарные обвинения.

Обвинители от министерства юстиции добились вынесения несколькими большими жюри сразу в различных штатах вердиктов о виновности Хоффы. Некоторые из вердиктов попадали потом в суды. На одном из процессов, шедших вначале в Нэшвилле, а затем переведенных по требованию адвокатов Хоффы в Чаттанугу, было доказано, что с помощью подставной компании семейство Хоффы прикарманивало огромные средства. Миллионы долларов из фондов профсоюзов перешли в карман благочестивого семейства — это неопровержимо доказал и суд в Чикаго.

Хоффу защищали не только на суде, но и в печати. Одним из самых рьяных адвокатов такого рода стал крупнейший газетный издатель штата Нью-Гэмпшир ультрареакционер Уильям Лоэб. «Борьба Джеймса Хоффы против клана Кеннеди,— писал он на страницах собственной газеты «Манчестер Юнион-лидер»,— против преследования ими этого профсоюзного деятеля должна стать борьбой всех американцев, которые хотят остаться свободными мужчинами и женщинами».

Родство душ Лоэба и Хоффы объяснялось не только сходством у них взглядов на «вредность» братьев Кеннеди, но и тем, что нью-гэмпширский издатель не счел для себя зазорным взять в тот момент заем из пенсионных фондов профсоюза Хоффы на сумму в 500 тысяч долларов.

Или взять другого защитника — Сантоса Траффиканте, который, делая вид, что он добропорядочный бизнесмен, являлся на самом деле «крестным отцом» мафии штата Флорида. Они были большие друзья — Траффиканте и Хоффа. Беседуя в 1962 году во время процесса над Хоффой с кубинским контрреволюционером Алеманом и явно настраивая его в пользу Хоффы и против братьев Кеннеди, Траффиканте, как писала газета «Вашингтон пост» в номере за 16 мая 1976 года, говорил: «Ты видишь, как его брат лупцует Хоффу, человека-рабочего, который не является миллионером?.. Запомни мои слова, этот человек, Джон Кеннеди, попал в беду, и он получит по заслугам... Он будет убит».

Траффиканте был заговорщиком за кулисами и демагогом на публике. Он поносил за преследование Хоффы Роберта Кеннеди как «общественного врага номер один».

Но и в период преследований подпольная империя Хоффы не прекращала функционировать и расширяться. В калифорнийском местечке Сан-Клементе на пенсионные фонды водителей грузовиков за 27 миллионов долларов был выстроен роскошный клуб «Ранчо ла коста». Здесь Хоффа играл в гольф с заправилами гангстерского мира, распивал с ними виски. Управляющим клуба он сделал Мориса Б. Далитца, детройтского и лас-вегасского гангстера, лишившегося многомиллионных барышей с потерей казино на Кубе. «Тут, в «Ранчо ла коста», они, безусловно, размышляли вслух над тем, что, пока Джон Кеннеди оставался президентом, Роберт Кеннеди был неприступен»,— пишет Артур Шлезингер в книге «Роберт Кеннеди и его эпоха».

И показательно, что когда был убит Джон Кеннеди, то на вопрос, что он думает по этому поводу, Джимми Хоффа, все еще разгуливавший на свободе, воскликнул: «Теперь Бобби Кеннеди — не более чем еще один юрист».

После долгих проволочек Хоффа лишь весной 1967 года начал отбывать восьмилетнее тюремное заключение. Согласно биографам, Роберт Кеннеди встретил эту весть весьма странно. Если меня изберут президентом, я его помилую, сказал он своим близким друзьям.

Стоило ли тратить столько времени — 11 лет, столько энергии, чтобы обмякнуть таким непонятным образом? Объяснения загадке никто не дает. Но, возможно, разгадка проста: может быть, Роберт Кеннеди пожалел, что он воевал с Хоффой, мафией, с их невидимыми союзниками и друзьями? Может быть, он считал, что своей борьбой с преступностью накликал беду на старшего брата и что накликает ее на себя и других членов клана?

Конечно, в лице организованной преступности Роберт Кеннеди столкнулся с мощным соперником. И, конечно же, он разъярил ее своими действиями. В 1961 году министерство юстиции добилось признания виновности гангстеров (под разными соусами) в 96 судебных процессах, в 1962 году—в 101, в 1963-м—в 373 и в 1964-м — на 677 процессах. В годы руководства министерством юстиции Робертом Кеннеди постоянно росли вверх кривые показателей числа осужденных гангстеров; числа федеральных прокуроров, занятых борьбой с организованной преступностью; количества дней, посвященных федеральными судами разбирательству дел организованной преступности, и т. п. Лидеры мафии, получающей ежегодно десятки миллиардов долларов чистой прибыли, почувствовали, что приближается конец их эры, что колоссальная финансовая империя может дать серьезную течь. Ряд членов синдиката в Нью-Йорке были упрятаны за решетку. Банды Патриарка в Роуд-Айленде и де Кавалканте в Нью-Джерси были разбиты наголову.

Выступая на слушаниях в специальной комиссии по расследованию убийств в конце 70-х годов, бывший начальник нью-йоркского центрального бюро расследований и один из крупнейших американских экспертов по борьбе с организованной преступностью, Ральф Салерно, вспоминая борьбу Роберта Кеннеди с организованной преступностью, подчеркнул, что для понимания всей ее значимости следовало бы иметь в виду следующее:

«Мафия заключает незаконные сделки с бизнесом, профсоюзными лидерами. Она имеет разведывательную сеть, а также контрразведку.

Она широко вмешивается в политическую деятельность. Делает прямые политические пожертвования. Она собирает средства для кандидатов на выборные должности, выколачивает пожертвования для других политических целей.

Лидеры мафии поддерживают контролируемых или дружественных им кандидатов. Они не выпускают из поля зрения контроль за назначением на должности в правительстве. Они захватывают выборные и чиновничьи посты на всех уровнях правительства. Они пытаются влиять на решения правительства. Они лоббируют в пользу законопроектов, которые они считают для себя выгодными. Они будут топить законопроекты, которые не отвечают их интересам.

Они участвуют в политическом патронаже— распределении правительственных должностей. Они дискредитируют кандидатов, которые им не подходят. Они уничтожат, убьют политических лидеров, чтобы заменить их другими».

На закрытом заседании той же специальной комиссии по расследованию убийств (СКРУ) давал показания глава новоорлеанской мафии Карлос Марчелло. Составители заключительного доклада специальной комиссии, видимо, сочли целесообразным для истории сообщить на странице 169, что «по ходу своих показа-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 9, 10.

ний Марчелло проявил жгучую неприязнь к Роберту Кеннеди». Она имела под собой основу. В 1961 году по приказу министра юстиции этот гангстер, на которого, как ни странно, у Гувера не было ни одной странички досье, хотя даже в прессе о нем писали как о лидере крупнейшей и старейшей в стране мафии, был депортирован из США. В ходе следствия в Новом Орлеане, проводившемся в 1967—1969 годах окружным прокурором Гаррисоном, выявилось, что один из подозреваемых в заговоре против Джона Кеннеди, Ферри, тайно привез на самолете Марчелло назад в США. Сообщники Ферри также работали на Марчелло. Люди Марчелло помогли освободить Ли Харви Освальда после его ареста в Новом Орлеане. Согласно данным специальной комиссии по расследованию убийств, один из помощников Марчелло — Нофио Пекора имел контакт с Джеком Руби незадолго перед покушением на президента.

На ферме Марчелло, носившей по странной прихоти название «Черчилль», он в узком кругу выступал с открытыми угрозами в адрес Джона и Роберта Кеннеди, приговаривая по-итальянски сицилийское изречение — «выньте камень из моего башмака».

Марчелло — один из главных подозреваемых в убийстве братьев Кеннеди. При этом подозрение должно было закрасться задолго до того, как прозвучали выстрелы в Далласе. Ведь осведомитель ФБР находился на ферме «Черчилль» в тот вечер, когда Марчелло, рассвирепевший, повторял, что президент будет уничтожен. Но ФБР не потрудилось расследовать эту угрозу или доложить о ней министру юстиции. Да, Роберту Кеннеди, как видно, приходилось сражаться на два фронта...

И один из них проходил у него под боком, если учесть, что в административном отношении ФБР входило в министерство юстиции. Поразительные факты приводятся в докладе СКРУ. Мало того, что Карлосу Марчелло удалось дискредитировать в глазах ФБР осведомителей, засланных в его мафию, он добился (СКРУ только не поясняет, каким образом) того, что донесение об угрозах братьям Кеннеди исчезло из документации ФБР. Создается впечатление, что кто-то искусно насадил легенду, будто мафия Марчелло не поддается слежке, раскрытию, обычному изучению. И уже затем в атмосфере легенды, когда никто не ждал о ней никаких сведений (ведь она непроницаема!), всякая информация, в том числе касающаяся безопасности президента США и министра юстиции, «растворялась» в кабинетах ФБР. Ведь о том же свидании мафиози на ферме «Черчилль» было доложено Гуверу, но об этом, как подчеркивает доклад СКРУ (стр. 171), не стало известно никому, кого это касалось. «Марчелло сделал также все, чтобы этот инцидент исчез из досье и архивов ФБР»,— добавляют составители доклада.

С учетом этой и других таинственных историй, в которых пути мафии и братьев Кеннеди перекрещивались то прямо, то косвенно, СКРУ подвергла критике Комиссию Уоррена за то, что она не изучила в достаточной мере «злобное, граничившее с угрозами физических расправ отношение могущественных деятелей из организованной преступности к президенту и министру юстиции Роберту Кеннеди, их возможности совершить убийство (мердер), включая политическое убийство (ассэсинейшн), их вероятную связь с Освальдом через общих знакомых или его родственников»[1].

Это один из аспектов подозреваемого участия мафии в убийстве братьев Кеннеди. Другой аспект, которого мы подробнее коснемся ниже, связан с сотрудничеством мафии с ЦРУ в борьбе против революционной Кубы. Здесь выделялась уже не столько личная неприязнь вроде той жгучей ненависти, которую испытывал к братьям Марчелло. В этом парадоксальном взаимодействии переплетались расчеты на осуществление определенной корректировки курса государственного корабля и планы преступников отбить атаки на мафию.

[1] Имеется в виду дядя Освальда по линии матери Чарльз «Датц» Мюррет, который жил в Новом Орлеане и был связан с мафией Марчелло.

САМЫЙ НЕНАВИСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

В предыдущей главе уже затрагивались отношения между Гувером и его непосредственным начальником — Робертом Кеннеди. Они, отношения, никогда не были хорошими, и оба даже не пытались скрывать это.

Гувер невзлюбил Бобби еще в годы слушаний в сенатской комиссии по рэкету. Он не отвечал на запросы молодого советника и ничем не помог ему в борьбе против мафии на том этапе. На посту министра Роберт попытался умиротворить Гувера. И не только умиротворить, но и подключить его к своим планам борьбы против организованной преступности и некоторых наиболее позорных форм расовой дискриминации и нарушения гражданских прав американских негров. Уже уйдя в отставку, Роберт Кеннеди вспоминал: «Оказавшись в министерском кресле, я решился воспользоваться его опытом. Я был молод и многого не знал в этом деле. Я понастоящему прилагал усилия не только в вопросе об организованной преступности, но и о гражданских правах... Я устроил так, что мой брат звонил ему (Гуверу) раз в два-три месяца и приглашал его на ленч тет-а-тет... В общем, это поддерживало все три года настроение Гуверу, поскольку у него было такое чувство, что он сохраняет прямые контакты с президентом. Он мне каждый месяц говорил, что Франклин Делано Рузвельт также приглашал его на ленч».

Но руководство ФБР испытывало ностальгию по старым добрым временам, когда в Белом доме был Эйзенхауэр, и не могло смириться с мыслью: ни с избранием Джона Кеннеди, ни с назначением Роберта министром юстиции. Правая рука Гувера, заместитель директора ФБР Клайд Толсон, который всегда выражал мысли своего босса, с горечью говорил: «Клан Кеннеди будет держать нас за глотку до 2000 года».

Гувер привык править своим бюро единолично, без какого-либо вмешательства со стороны. Ни один министр юстиции до Р. Кеннеди не требовал от него никакой отчетности, кроме формальных сводок по заведенному образцу, не давал ему никаких поручений, ибо Гувер принимал таковые, если ему они нравились, только от президентов.

Роберт Кеннеди был человеком деятельным, властным администратором с репутацией «инквизитора». Гувера раздражало, что «безжалостный Бобби» расхаживал по министерству, в том числе по кабинетам ФБР, являлся к нему в кабинет без предупреждения. В серии внутренних меморандумов, навеянных неожиданными визитами министра юстиции, Гувер предупреждал своих сотрудников быть все время начеку. В одном из них он писал: «...наши сотрудники должны быть всегда заняты делом; не позволять себе игр в чехарду и быть прилично одеты. Никто не знает, когда и где появится в следующий раз министр». При таком подчеркнутом внимании к внешнему виду Гувер считал себя униженным, когда Роберт запросто заходил к нему без пиджака и в подтяжках. Еще большим унижением он считал, когда Бобби вызывал его специальным сигналом: такого обращения с ним не позволял себе ни один предшественник Роберта Кеннеди.

Казалось бы, какое все это могло иметь отношение к государственным делам? Мелкие уколы, мелкие обиды, но надо было знать Гувера, чтобы понимать, на какую только месть не был он готов пойти, чтобы смыть позор, который он, по его мнению, выносил на виду всего ФБР. И к тому же Р. Кеннеди наступал на него не только по пустячкам. Он урезал автономию ФБР внутри министерства юстиции. Переписка с Белым домом, которая раньше шла у ФБР напрямую, теперь должна была проходить через министерство. Раньше Гувер выступал с речами, не советуясь ни с кем, теперь Роберт ввел правило визирования речей директора в отделе печати министерства, и оттуда иногда возвращали тексты с просьбой «доработать их с точки зрения политики администрации». Гувер не позволял министрам юстиции через его голову давать задания или просто связываться с агентами ФБР на местах. Роберт запросто соединялся с агентами, проводившими следствие, и давал им указания. Кеннеди посещал многие отделения ФБР в штатах, чего опять же не делали его предшественники. Любопытно, что Гувер подчеркнуто отказывался бывать в тех отделениях, где ступала нога Бобби.

Вот как интерпретировал все эти и другие факты большой поклонник Гувера, реакционный американский публицист Ральф де Толедано в книге «Дж. Эдгар Гувер: человек в свою эпоху», изданной в 1974 году: «Гувер против его воли вынужден был иметь дело с администрацией, открыто враждебной к нему и желавшей его изгнания».

«Да, — соглашается Артур Шлезингер, — все это питало его начинающуюся паранойю. Годами директор успешно изолировал свое бюро от министерства юстиции. Появление во главе министерства брата президента, желчного, по его мнению, молодого человека, преисполненного решимости аннексировать ФБР и вернуть его в систему министерства юстиции, радикально изменило положение Гувера».

Но Гувер не думал сдаваться. Он начинал выдавать в печать всякую грязь на тех, кого он считал своими соперниками — претендентами на пост директора охранки. Его подручные, представлявшие себя как «истинных патриотов», засыпали Белый дом и Роберта Кеннеди письмами с требованиями сохранить Гувера для страны и ФБР.

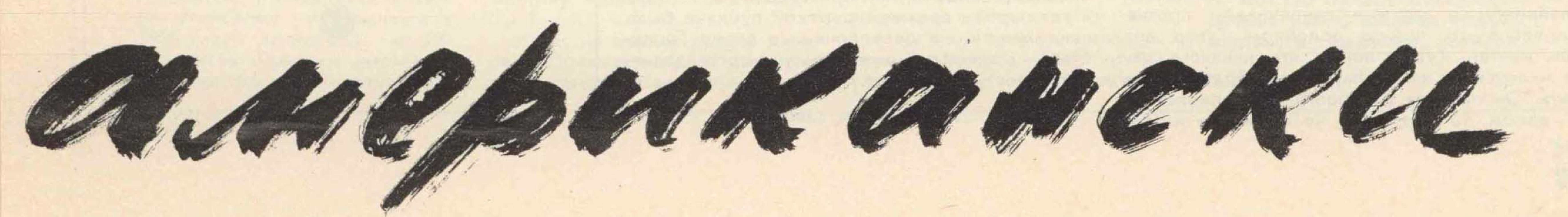
Братья Кеннеди — это действительно не было секретом в Вашингтоне — терпеть не могли Гувера. Знали они или же догадывались, что скрывается за этой монументальной внешностью бульдога с квадратной челюстью? Через несколько лет после смерти пожизненного холостяка Эдгара Гувера стали известны достоверно и подробно его неописуемая жадность, пристрастие к взяткам, мстительность. Он держал во власти вашингтонскую элиту благодаря колоссальной энергии, которую тратили его агенты, чтобы добывать об этой элите порочащую информацию интимного свойства. Короче, он был отменным шантажистом, жившим сплетней, носившим с гордостью маску «национального героя» и кумира консерваторов, их идеолога, выпустившего под своей фамилией написанные для него в отделе пропаганды ФБР пару антикоммунистических пасквилей. О его неприязни к либералам ходили легенды: для него все они были «коммиз» — коммунисты.

«Джон Кеннеди, — пишет в своих мемуарах Артур Шлезингер, — относился со скептицизмом к Гуверу».«Тремя чемпионами по надувательству публики в первой половине века, — сказал он мне в октябре 1961 года, — были Барух, Гувер и Аллен Даллес». Однажды он вызвал Теодора Соренсена и меня в жилую часть Белого дома для обсуждения речи. Мы прибыли в тот момент, когда Гувер встал из-за ленча с президентом. Кеннеди сознательно не представил нас ему, чтобы, как он сказал позднее, не рассердить излишне Эдгара»[2].

Страницы биографий Роберта Кеннеди и Эдгара Гувера полны серьезных эпизодов и курьезов, показывающих их «скептическое» отношение друг к другу.

Трудно сказать, что больше шокировало Эд-

[2] Барух — банкир, автор плана увековечения после второй мировой войны монополии США на атомное оружие. Аллен Даллес — директор ЦРУ. Теодор Соренсен, как и Шлезингер,— советник президента; оба либералы.

гара Гувера, — непривычная и даже неслыханная для него «навязчивость», с которой Роберт Кеннеди тянул его на борьбу с организованной преступностью, или «слабость» братьев к либералам, или же безразличие братьев, особенно президента (в отличие от его предшественников), к донесениям Гувера о ночных похождениях по салонам и более злачным местам вашингтонских сенаторов и сановников. Его покоробило, что президент поручил выслушать все эти «доклады» одному из своих помощников. В одном случае Гувер повторял несколько дней вопрос, как же все-таки прореагировал президент на то, что одному из его послов пришлось ретироваться от своей любовницы голым по водосточной трубе. Директору ФБР не оставалось ничего, как раскрыть рот, когда он услыхал, что президент дал указание государственному департаменту подбирать более сноровистых послов.

Гувер не понял шутки и продолжал донимать Белый дом всем, что удалось подглядеть его осведомителям через замочную скважину.

Чем же все-таки был «дорог» Гувер братьям? Почему они не воспользовались его угрозой, как мы помним, уйти в отставку?

Прежде чем ответить на эти вопросы, хотелось бы напомнить читателям, что ситуация с Гувером, сложившаяся в Вашингтоне в тот период и тяготившая многих либералов, работавших на Кеннеди, не беспрецедентна. Конечно, историческая аналогия — вещь в определенной мере условная, но, с другой стороны, она позволяет выявить дополнительные признаки того или иного явления и цепи событий.

Вспомним Жозефа Фуше — вкрадчивого человека, которому Наполеон Бонапарт не доверял и испытывал к нему что-то близкое к отвращению. Но Фуше создал еще при Директории огромную, универсальную, безотказно работавшую машину полицейского сыска, подчеркивавшую, что уже не террор, а осведомленность олицетворяла власть во Франции. Бонапарт ожидал и предвидел от Фуше козни, подвохи, удары в спину, но он назначил его министром полиции. Он терпел его, потому что чувствовал себя сильнее опасного Фуше и потому, что над Фуше был поставлен младший брат Наполеона — министр внутренних дел Люсьен Бонапарт. Задачи борьбы против противников самых различных спектров — от роялистов до якобинцев — повелевали братьям Бонапартам укреплять и делать все более разветвленной полицию.

Итак, главное, почему братья Кеннеди держали Гувера, заключается в том, что им нужен был полицейский репрессивный аппарат, возглавляемый человеком, внушавшим страх и ужас в стране, все еще находившейся под впечатлением «охоты на ведьм» маккартистской эпохи. Но были и другие причины.

Тот, кто читал роман Стефана Цвейга «Жозеф Фуше» и ряд книг, переведенных у нас, о ФБР, в том числе отрывки из работы Овида Демариса «Директор. Устная биография Дж. Эдгара Гувера», наверное, согласится: сколько же общего в этих двух одиозных личностях!

Гувер пытался перещеголять своего французского коллегу, в особенности когда речь шла о том, чтобы довести до более утонченных форм козни, подвохи, удары в спину. Ибо Гувер-сплетник — это не главная, а скорее, маскировочная роль, чтобы притупить бдительность и обезоружить показным болванством. Ведь в таком маскараде легче плести не только маленькие, но и большие интриги, легче точить нож для удара в спину.

Гувер знал историю Фуше, знал также и то, что против Кеннеди ему бороться труднее, чем попу-расстриге, ставшему гонителем церкви, бывшему главарю террористов — против Бонапарта. Соперничество и готовность подставить друг другу ножку в корсиканском семействе, включение в свои интриги даже Жозефины, периодические союзы с Талейраном и другими сановниками против Наполеона — о чем-то подобном Гувер мог лишь мечтать. Гувер понял, что никакого, даже маленького клина ему между братьями не вбить. Он пытался распространять сплетни то об одном, то о другом, но и они не имели успеха. Министры также были подобраны братьями Кеннеди, и ставка на сколачивание оппозиции была заведомо бита. Единственно, кто весьма благосклонно продолжал выслушивать наветы Гувера на «королевскую семейку», был Линдон Джонсон, который не мог простить Роберту Кеннеди то, что последний отговаривал своего брата от приглашения техасского сенатора на роль вице-президента. Да и к самому президенту Джонсон не питал особых симпатий. Одним словом, братья Кеннеди могли, наверное, с полным правом сказать о Гувере то, что Наполеон Бонапарт заметил о его историческом предшественнике: «Интрига так же необходима Фуше, как пища. Он интриговал во всякое время, во всех местах, всеми способами и со всеми. Его манией было всюду совать свой нос».

Братья Кеннеди были не безгрешны и при надобности могли воспользоваться против своих недругов оружием Гувера. А тот, если нужно, мог подставить ножку кому угодно, даже, скажем, своему наперснику Линдону Джонсону. Во всяком случае, видимо, не без участия Гувера осенью 1963 года разразился скандал вокруг бывшего помощника Джонсона — Бобби Бейкера, ставшего благодаря своим связям миллионером и владельцем увеселительного заведения «Карусель» для вашингтонского высшего света на берегу Атлантики, в трех часах езды от столицы. Он грозил перерасти для Линдона в траурную политическую мелодию, лишить его вице-президентства на очередных выборах. Но, хорошенько припугнув Джонсона, Гувер привязал его к себе еще крепче. В тюрьму был отправлен Бобби Бейкер (правда, ненадолго), а через несколько месяцев Линдон Джонсон стал хозяином Белого дома.

Плутни Гувера против близких ему по идеям и натуре, а таковым был консерватор и сам стопроцентный интриган Линдон Джонсон, всегда имели четко очерченные границы. Именно консерватизм директора ФБР удерживал братьев Кеннеди от отправки его в отставку. Он им был нужен, чтобы сохранить за собой голоса на выборах консервативно настроенных избирателей, чтобы не было подозрений к Белому дому и администрации со стороны консервативных законодателей, бизнесменов, банкиров, фермеров. В этой зависимости от Гувера и кроется то двойственное отношение к нему со стороны столпов администрации: они его презирали и в то же время заигрывали с ним.

Братья Кеннеди надеялись, что, балансируя с помощью отчетливо видимой «системы качелей» то вправо (Гувер и Джонсон на своих постах), то влево (либералы в их окружении), они сумеют удержаться у власти. Роберт Кеннеди вновь повторял:

«Было важно сохранить его (Гувера) на нашей стороне и сделать так, чтобы этот человек-символ чувствовал себя счастливым. Ведь президент одержал победу с таким незначительным перевесом. К тому же он заправлял мощным сыскным агентством. Поэтому было лучше, чтобы он работал не против нас, а на нас».

Неприязнь Гувера к Роберту Кеннеди не утихала, несмотря на все заигрывания. Ибо Роберт допустил неосторожность: он сказал вслух, что терпит своего нынешнего директора ФБР лишь до выборов 1964 года и что после них отставка тому гарантирована. Подобные разговоры не могли не дойти до слуха директора, и понятно, какую реакцию они вызывали.

Во всяком случае, они не стимулировали у него желания помогать братьям в уже начавшейся в 1963 году борьбе против наиболее вероятного кандидата республиканской партии на президентских выборах 1964 года — Барри Голдуотера. Генерал-майор ВВС США в отставке, владелец ранчо в юго-западном штате Аризона, Голдуотер был самым ультраконсервативным претендентом в Белый дом не только от республиканской партии, но и вообще от любой американской партии. Его называли «неандертальцем», «суперястребом» и т. п. Но в тот период времени широкой публике было невдомек, что в дополнение ко всему Голдуотер — в какой-то мере креатура организованного преступного мира.

Продолжение следует.

КИНО

МИР ТРУДА В ГЛАВНЫХ ИЗМЕРЕНИЯХ

Мир человека труда, каков он? О чем думает, как живет современник, какие заботы его тревожат, какие проблемы волнуют? Ответить на вопросы трудно, но возможно: это подтверждает нам фильм «Мир в трех измерениях», созданный режиссером Юлией Солнцевой на киностудии «Мосфильм».

Роль главного героя Федора Боярышева, представителя уральской трудовой династии, исполняет Игорь Владимиров, и мы видим действительно личность, видим талант. Даже, точнее можно сказать: видим сплав талантов многосторонней личности.

Образ Боярышева поистине квинтэссенция рабочего характера, лучшее, что есть в советских людях.

Так поговорим же о талантах Боярышева. Пожалуй, первый из них — способность к особому общению с людьми, умение зажечь их творческую фантазию. Другой — и не меньший — талант мыслителя, математика. И, наконец, определяющий облик этого человека талант — его собственное умение работать.

Он рабочий. А к нему приезжают ученые, заинтересованные его открытиями. Его приглашают в Москву, в Ленинград, ибо то, что он открывает, только еще начинают разрабатывать научно-исследовательские институты. Но сорвать его с места немыслимо: это все равно, что вырвать с корнем дерево из родной земли... Нет, он не может жить без завода, воспитавшего его. С заводом связана вся жизнь.

Владимиров — актер крупных характеров. Здесь, в этой роли, он находит необходимый для него материал: герой фильма явно его герой. Характер — сильный, волевой — ярко выражен и в делах и в облике Боярышева, рабочего новой, советской формации.

В фильме поставлено много проблем, может быть, слишком много. Жаль, что сценарий В. Никиткиной допускает и проблемы нерешенные. Но постановщик и артист стремятся к цельности, масштабности темы, и зритель видит главное в жизни Боярышева: живет он неспокойно, сложно, постоянно преодолевая многие трудности. Но это и есть его счастье!

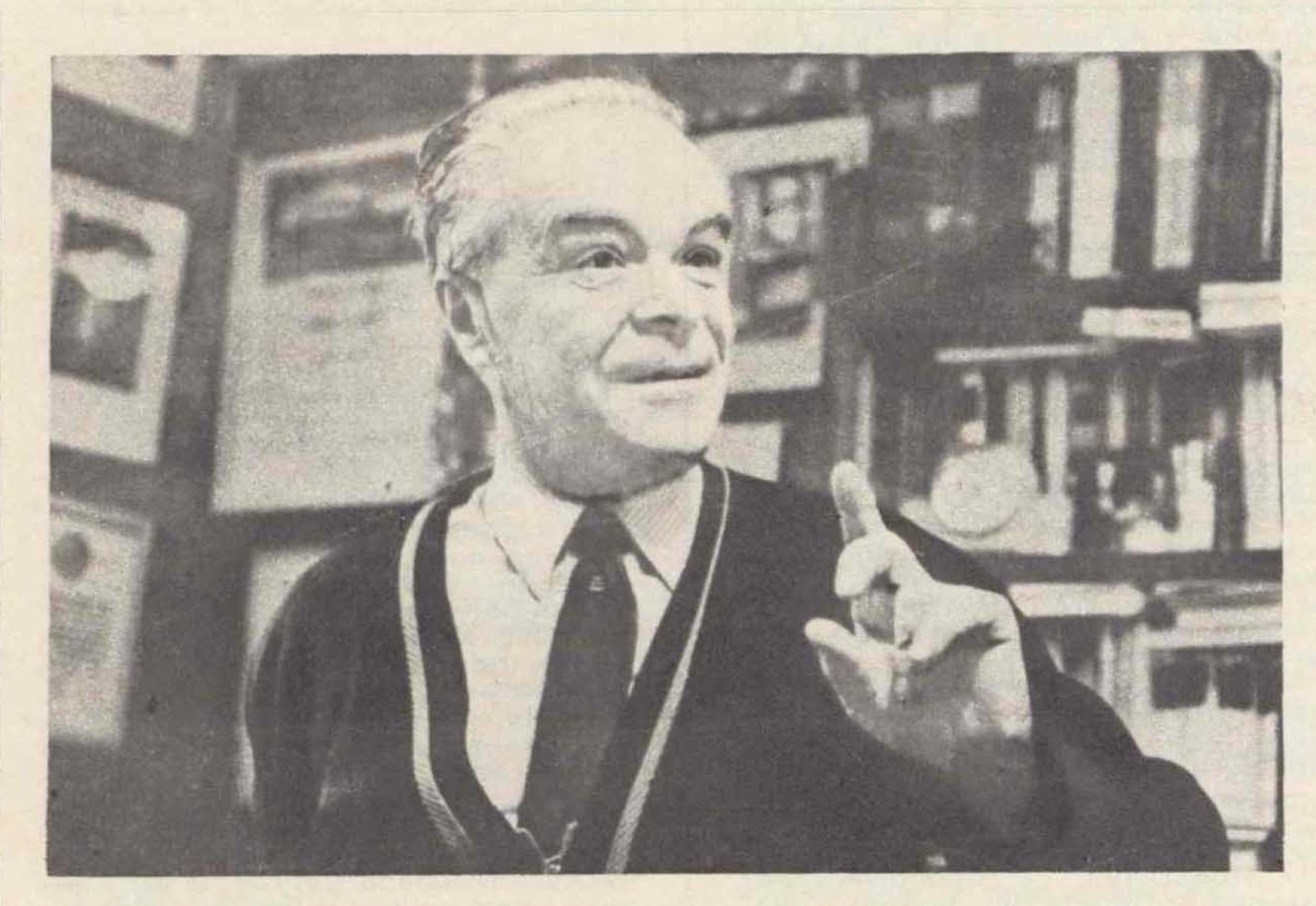
Жить рядом с Боярышевым нелегко: жена, например, огорчается, хоть и прощает ему забытые им дни рождения... Но не простить его, оставить одного — равносильно предательству. И близкие люди, прежде всего жена (И. Выходцева) и дочь (Я. Друзь), понимают это.

Фильм, непроходной, заставляющий зрителя размышлять, сделан коллективом единомышленников, объединенных высокой целью: создать яркий и достоверный портрет человека, представляющего нынешний советский рабочий класс. Операторы-постановщики М. Демуров, В. Эпштейн показали зрителю и красоту уральской природы и поэзию труда.

А. ЗВЯГИНА

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. С. ДОНСКОГО

СЧАСТЬЕ ХУДОЖНИКА

Была осень 1962 года. В Ульяновске, прекрасном городе над Волгой, проходил кинофестиваль. Здесь-то и состоялась премьера картины «Здравствуйте, дети!» Зал городского Дома культуры неравнодушно внимал ожившему на экране рассказу, то веселому, то печальному: игры детей, собравшихся в интернациональном пионерском лагере, прервала трагическая болезнь японской девочки. На мирное, радостное побережье Черного моря пала тень Хиросимы...

Фильм я смотрел в тот день рядом с автором Марком Семеновичем Донским. Думаю, что каждый, кто общался с ним, слушал его, просто наблюдал за ним, надолго сохранил ощущение какого-то особого непокоя; ощущение, навеянное экспрессией, заключенной в облике этого невысокого, ладно скроенного человека с лукавыми, цепкими глазами. Вот уж к кому не пристанет любое из монументально-почтительных определений, коими принято титуловать особо заслуженных, маститых.

Дорога его жизни проторена была революцией. Талант его взращен в атмосфере мечты о гармоничном переустройстве мира, о человеке свободном, сильном, красивом. Первая профессия Донского — юрист — не только вооружила его знанием азбуки правоведения, но привела к осознанию волнующих таинств человековедения. Земля его молодости — Крым — осталась для него навсегда землей легендарных революционных битв, землей справедливости и доблести. Эту молодость воспел двадцатичетырехлетний Марк Донской в первой книге своей — «Заключенные», посвященной героям крымского подполья в годы гражданской войны. Потом, более полувека назад, судьбой его стал кинематограф.

В кинематографе он прошел все: от азов ремесла до озарений мастерства высокого. В начале тридцатых годов имя Марка Донского было уже не безмолвно для зрителей. Общественное одобрение получили созданные при его участии фильмы о советской молодежи, пронизанные ритмами новой жизни: «Цена человека», «Песня о счастье».

Величие человеческого духа, разбуженного революцией,— лейтмотив многих прекрасных картин Марка Донского. Но с особой силой и выразительностью отозвалось оно в работе, снискавшей режиссеру мировую славу. Речь идет, разумеется, о киноверсии автобиографической трилогии Максима Горького, где особо выделяется оптимизмом, прорывающимся сквозь трагическую живопись, фильм «Детство». То был действительно выдающийся вклад в дело обогащения экрана. Вклад, которым пользовались и пользуются с чувством глубочайшего уважения к режиссеру и его стране многие прогрессивные кинематографисты мира. Не случайно и в сороковые и в пятидесятые годы фильмы трилогии продолжали получать международные награды. Недаром учителем своим Марка Донского считают и многие зачинатели неореализма.

У многих фильмов Донского счастливая судьба, долгая жизнь на экране.

Он всегда много и жадно работал, умея преодолевать неудачное. Потому он и знает такие победы, каждая из которых стоит подчас целой биографии. Фильм «Радуга» (по повести В. Василевской) вот уже почти сорок лет остается поразительным одухотворенным документом подвига советского народа в годы Великой Отечественной войны. И вот что важно: годы только не создали «исторического ореола» вокруг этого фильма, но выявили живую его связь с исканиями современного искусства.

Режиссер удивительно умеет передать многомерное значение самого простого, что совершается в окружающей нас жизни. Помню, сколь естественной показалась его реплика, когда в одном эпизоде фильма «Здравствуйте, дети!» вспыхнула из-за недоразумения потасовка в разноязычной детской компании: «Вот так может начаться война». Он ненавидит войну, как злейшую форму поругания человеческого в человеке. Душевные силы, авторитет, опыт — все это много лет отдает он делу мира, делу взаимопонимания между народами.

Он ненавидит все, что чуждо гармонии в облике человека, вот почему столь настойчиво и проникновенно размышляет о простых, казалось бы, истинах, эту гармонию образующих. Апофеозом таких простых истин и стали задуманные на ульяновской земле картины о матери В. И. Ленина — «Сердце матери», «Верность матери»... Еще одно великолепное озарение замечательного режиссера.

Желая всего самого доброго Марку Семеновичу в дни его восьмидесятилетия, хочу повторить сказанные им слова, когда развернулась по всей стране подготовка к XXVI партийному съезду. Тогда коммунист Донской писал: «Бездонна наша любовь к своему народу, к своей стране, идущими под водительством ленинской партии к коммунистическому обществу. Такова наша вера. Такова наша надежда. Такова наша любовь».

Таков, добавлю, символ счастья всей жизни Марка Донского.

Армен МЕДВЕДЕВ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

НЕЗНАНЬЕ ИЛИ УТЕШЕНЬЕ?

В «Огоньке» № 35 за 1980 год была опубликована статья А. Щербакова «Хождение за металлом». В ней говорилось о серьезных перебоях в поставках металла Минскому рессорному заводу, о том, что эти перебои дезорганизуют работу предприятия, мешают выполнять государственный план.

В № 3 за 1981 год «Огонек» сообщил, что редакция получила письмо заместителя министра черной металлургии УССР А. В. Жигулы, в котором говорится, что поставки металла Минскому рессорному в 1980 году выполнены на 100 процентов. Приняты меры, читаем мы там же, по улучшению работы Макеевского металлургического завода. Минчермет УССР рассмотрел и утвердил ряд мероприятий по ускорению модернизации, часть их уже успешно осуществлена.

Прочли мы ответ и подумали: зачем заместитель министра черной металлургии Украинской ССР берется утверждать то, чего на самом деле нет? Или он не знает истинного положения дел с отгрузкой металла из Макеевки, или пытается кого-то утешить, рисуя картину мнимого благополучия?

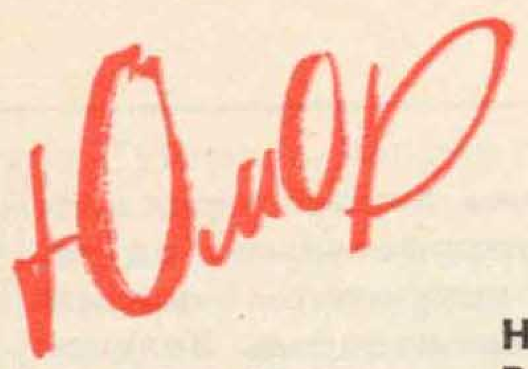
У нас на заводе другие данные. Приведем их. (К сожалению, ручаемся за их точность.) В 1979 году Макеевский металлургический завод недодал Минскому рессорному заводу 2733 тонны проката из количества, определенного договором; в 1980-м — 3096 тонн. Добавим, к сведению Минчермета УССР, что 3349 тонн проката остается должен нам за 1980 год и Днепровский металлургический завод.

Мы не знаем, успешно ли осуществляются в Макеевке мероприятия по модернизации металлургического завода, как сообщает товарищ Жигула. Однако улучшения с поставками проката не ощущаем. К концу февраля мы получили из Макеевки 328 тонн металла из 1630 тонн, что нам причитались на этот месяц, и снова поставили под удар два крупнейших автомобильных завода—Минский и Уральский.

Мы обращаемся через редакцию «Огонька» к Министерству черной металлургии Украинской ССР, чтобы узнать: чем же объяснить происходящее? В докладе на XXVI съезде КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев снова подчеркивал важность соблюдения исполнительской дисциплины для всех без исключения. «Видимо, настало время, — сказал он, — ужесточить требования как к плановой дисциплине, так и к качеству самих планов. План, безусловно, должен быть реальным, сбалансированным. Но столь же безусловно он должен и выполняться». Хотелось бы, чтоб это напоминание помогло выяснить позицию Министерства черной металлургии Украинской ССР.

В. СТЕПИЧЕВ, начальник рессорного участка Минского рессорного завода; А. СТАТКЕВИЧ, бригадир электриков, депутат Заводского райсовета народных депутатов города Минска; Н. ЛОСЕВ, слесарь механосборочных работ, кавалер ордена Трудового Красного Знамени

Минск.

Советскому писателю-сатирику, заслуженному работнику культуры РСФСР Николаю Львовичу Елину исполняется 60 лет. Редакция журнала «Огонек» поздравляет юбиляра и предлагает читателям три его рассказа, написанные совместно с постоянным соавтором Владимиром Кашаевым.

Николай ЕЛИН,
Владимир КАШАЕВ

Дрессировщица

— Вы знаете, я очень довольна своим Русланом,— убеждала собеседницу пышная рыжеволосая дама, держащая на поводке здоровенного угрюмого бульдога.— Если бы вы знали, какой он ласковый! Поверите, он мне шлепанцы по утрам приносит! И даже без всякого напоминания. Только я проснусь, глаза открою, он тут же идет за шлепанцами. Принесет, положит возле кровати, а сам рядом сядет и мне в глаза преданно смотрит. Ждет, когда я его в нос поцелую. Это у нас с ним по утрам такая традиция...

— Ну, насчет послушания вы меня не убедите,— возразила ей худощавая шатенка в очках, рядом с которой чинно сидел доберман-пинчер.— Шлепанцы — это пустяки! Мой Тошка мне белье из прачечной получает! Дам ему квитанцию, он и летит сломя голову, а через пять минут приносит тюк с бельем...

— В прачечную сбегать несложно! — пренебрежительно махнула рукой блондинка.— У меня Руслан каждый день в магазин ходит. Я ему только на бумажке напишу, чего сколько купить, дам сумку с деньгами, и он отправляется...

— И не обманывают его в магазине-то? — поинтересовалась шатенка.

— Случается, конечно. Тогда я иду разбираться сама. Но это очень редко. Его уже все продавцы знают...

— А мой Тошка зато служит

хорошо,— похвасталась шатенка.— Ваш служит?

— Конечно. Еще как! В прошлом году медаль получил!

— А мой зато разные фокусы умеет показывать. Как гости соберутся, я его зову, он и начинает. Такой успех имеет!

— А мой Руслан гостей не любит,— вздохнула блондинка.— Как только услышит звонок в дверь, сразу подымается и ворчать начинает. Я иду дверь открывать, а он, завидев гостей, старается незаметно в свою комнату улизнуть. Я ему шепчу незаметно: «Сиди!» И кулак показываю. Тогда только он возвращается к гостям и садится.

— Скажите, какой нелюдим! — покачала головой шатенка.— А гуляете вы с ним сколько раз?

— Я его перед сном вывожу на прогулку минут на пятнадцать — и все.

— И ему хватает?!

— Он привык мне беспрекословно подчиняться... Знает, что иначе я рассержусь.

— Надо же, как вы его выдрессировали! — завистливо вздохнула шатенка.— А мой Тошка ужасно привередлив. На завтрак, например, ест только куриную печенку. На обед я ему делаю рыбные котлеты, а на ужин — бифштекс.

— Нет, я Руслану мяса не даю! — решительно сказала блондинка.— Мясо вредно для здоровья. Я стараюсь приучить его к вегетарианской пище.

— И он... ест? — изумилась шатенка.

— Конечно,— пожала плечами блондинка.— А что ему остается делать?

— Да-а,— покачала головой шатенка.— Признаю свое поражение. Ваш гораздо послушнее...

— Ничего, не расстраивайтесь,— снисходительно улыбнулась блондинка.— Все зависит от вас. Вы тоже можете добиться таких успехов, если поработаете как следует со своим Тошей.

— Постараюсь, конечно, но не знаю, что из этого получится. Ну, ладно, нам пора домой. Всего вам хорошего. Тошка, пошли!

— Да-да, нам тоже нужно идти,— заторопилась блондинка.— Ральф, домой!

— Простите... — пробормотала шатенка.— Простите, почему вы сейчас сказали Ральф? Ведь вашу собаку, насколько я поняла, зовут Руслан?

— Что?! — сделала большие глаза блондинка.— Да вы что, милочка?! Надо ж такое придумать! Русланом зовут моего мужа...

Лекция

Недавно нам в обеденный перерыв лекцию читали. О любви и дружбе. Хорошая такая лекция, культурная. И название душевное: «Брак и семья». Лектор попался авторитетный — кандидат наук. Видно, в этом деле собаку съел. Такие вопросы нам задавал — ни один профессор бы не ответил!

— Часто ли,— говорит,— вы делаете жене комплименты?

У нас некоторые даже не поняли. Плановик Выхухолев — он вообще мужчина строгих правил — прямо обиделся.

— Это чьей же жене? — спрашивает.— Как вас, товарищ лектор, понимать?

— Ну, разумеется, своей,— отвечает кандидат.— И пусть вас это не удивляет. Каждому человеку необходимо поощрение, а особенно женщине. Супруге. Спутнице жизни. Похвалите, например, ее прическу или новое платье, и вы увидите, как она расцветет. Вы вообще-то ее часто хвалите?

Выхухолев чего-то там пробормотал неразборчиво и сел на место. А лектор опять за свое.

— Когда вы,— интересуется,— в последний раз приглашали ее в театр?

Шутки склероза

Телефон звонил настойчиво и самоуверенно. Такой тембр бывает у него обычно, когда звонят родственники. Я снял трубку. Так и есть. Звонила дядина жена тетя Валя.

— Приезжай,— сказала она плачущим голосом. — С дядей случилась беда...

— А что такое?! — не на шутку встревожился я. Дядя Толя был лучшим из родственников. Он всегда очень тепло ко мне относился и часто повторял, что любит меня, как родного сына. Правда, каждый раз, превознося мои достоинства, он несколько преувеличивал, однако я великодушно прощал это старику, и мое уважение к нему даже не делалось от этого меньше. В конце концов кто его знает: быть может, со стороны виднее?..

В последнее время тетя жаловалась, что у него стало плохо с памятью, и я порекомендовал им знакомого врача. Правда, я не знал, насколько хорош он был как врач, но зато память у него была превосходная. Во всяком случае, в преферанс он играл лучше, чем

канадские профессионалы в хоккей. Неужели такой специалист мог повредить дядиному здоровью?! Мне стало не по себе.

Из трубки по-прежнему слышались всхлипывания.

— Успокойтесь, тетя Валя, — произнес я, пытаясь придать своему голосу твердость. — Скажите, мой врач у вас был?

— Был, — сквозь слезы проговорила она. — Два порошка прописал. Первый велел пить утром, а второй... — она снова всхлипнула, — второй — вечером...

— Ну и что?! — почти закричал я. — Дядя их пил?!

— Пил... целый месяц пил. Только... Ты же знаешь, у него склероз. Ну, и он эти порошки перепутал. Тот, что надо было пить вечером, он пил утром, и наоборот...

— Так, значит, память к нему не вернулась?!

— Вернуться-то она вернулась, но тоже... наоборот.

— То есть как это наоборот? — не понял я.

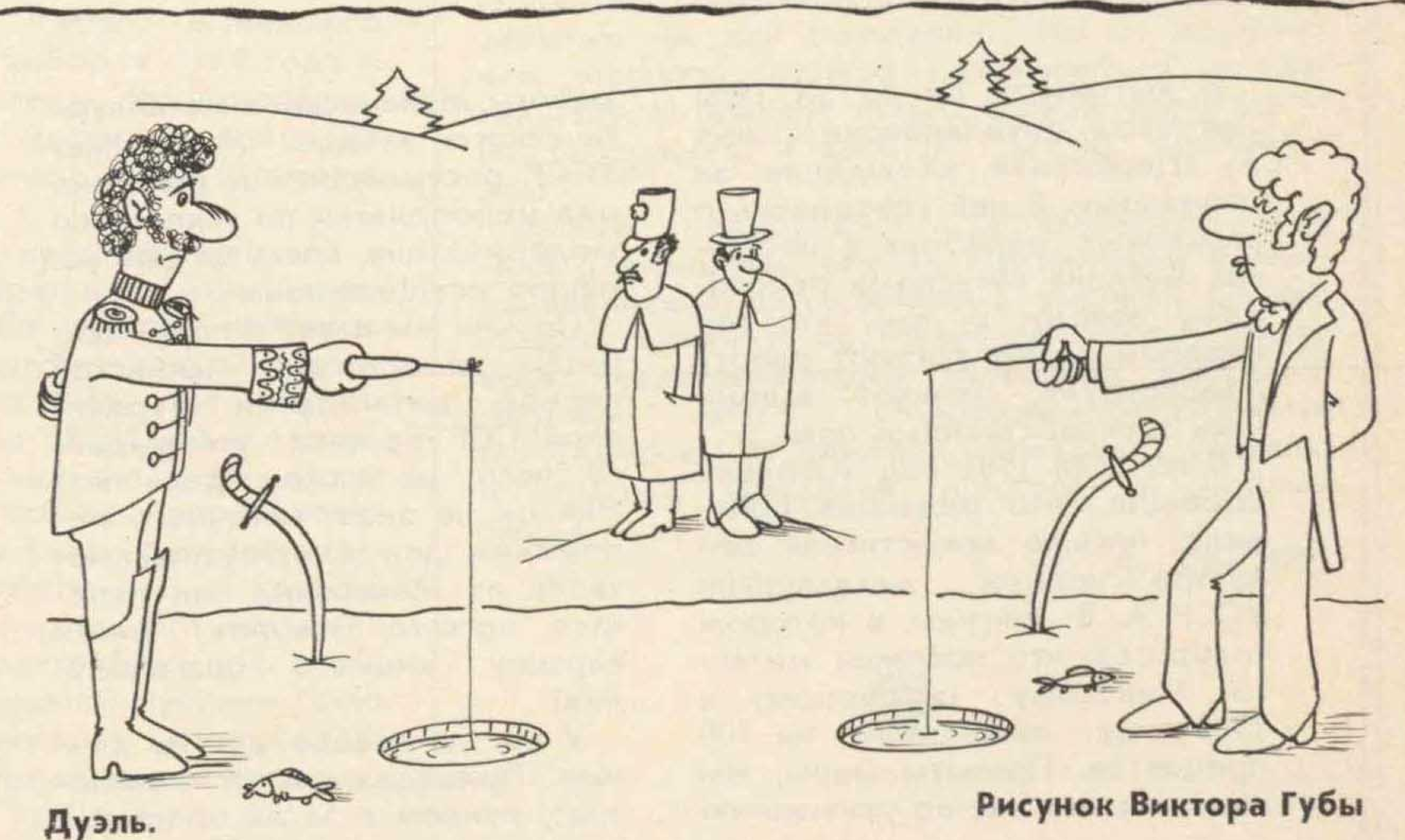
— Приезжай, сам увидишь, — подавляя рыдания, сказала тетя и повесила трубку.

Через полчаса я уже был у дяди. Снимая пальто в передней, я услышал доносящийся из комнаты восторженный дядин голос:

— Что ни говори, а племянник у

Рисунок Евгения Милутки

Дуэль.

Рисунок Виктора Губы

Тут Выхухолев обиделся еще больше и в последний ряд пересел, чтоб на глазах у кандидата не маячить. Но тот на этом не успокоился и стал всему залу такие же вопросы задавать. Ну, люди, конечно, по-разному реагируют. Кто газетой от него закрывается, кто люстру разглядывает. Один я взгляда не прячу, стыдно мне стало, что до сих пор жене мало внимания уделял.

Лекция давно кончилась, все по местам разошлись, а я еще долго в задумчивости сидел, себя ругал последними словами:

«Что ж это я, такой-сякой! Ведь так любовь уйдет, и не заметишь! Нет, надо срочно менять свое отношение к жене, к этому самому

близкому человеку. Сегодня же приму меры!..»

И вот прихожу домой, открываю дверь, гляжу, жена уже дома, белье стирает. Я, недолго думая, бух прямо с порога:

— Милая моя Катя, радость моей жизни! Я тебя люблю!

— Опять нализался! — отвечает жена, а сама и не смотрит в мою сторону.— Хоть бы этот пивной бар на учет закрыли!..

— Дорогая, ну при чем тут бар? — говорю я.— Дело совсем не в этом. Просто я тебя люблю. Я это только сегодня понял...

Она недоверчиво на меня поглядела, воздух понюхала. Потом подумала и заявляет:

— Денег все равно не дам. И не проси!

— Не надо денег,— приветливо улыбнулся я.— Цветок мой ненаглядный, я тебя люблю совсем не за это, а за твою замечательную душу...

Жена как стояла, так и села на край ванны. Побледнела вся.

— Господи, неужели получку вытащили?..

— Ты же знаешь, ласточка, что у меня получка двадцать пятого,— возразил я.— А сегодня только семнадцатое. И вообще забудем сегодня про все это! Поговорим о чем-нибудь приятном. Какая у тебя красивая прическа...

— Нахал ты, больше никто! — обиделась жена.— Ну, не причесывалась я сегодня, сама знаю! Некогда было! Ему же вчера носки до полуночи штопала, утром чуть на работу не проспала, так он же еще издевается! В следующий раз сам штопать будешь!

Тут я понял, что немножко промахнулся, но инициативы из рук не выпускаю и продолжаю жене приятное делать, как лектор советовал.

— Ну, не причесалась—и не надо! Так мне даже еще больше нравится. Зато платье на тебе какое нарядное!

Жена покраснела.

— На себя-то погляди! Чучело! У самого пиджак весь в пятнах!

Она всхлипнула и пошла переодеваться. Все выходило не совсем так, как я рассчитывал. Но у меня еще оставался последний козырь.

— Фея моя лесная,— виновато сказал я.— Ты не сердись, если что не так! Давай лучше в театр сходим или в консерваторию...

Жена заплакала, покидала в чемодан свои вещи и, не отвечая больше на мои ласковые слова, ушла к маме. Вот и слушай после этого научные лекции. Нет, что там ни говори, а все-таки наука у нас отстала от жизни! Очень отстала...

меня замечательный! Я тебе, Валя, по секрету скажу: это талантище, каких мало! Выдающихся достоинств человек: благородный, умный, великодушный...

Я смущенно кашлянул и, постучав, вошел в комнату. За столом дядя с тетей играли в подкидного дурака. Увидев меня, дядя Толя бросил карты и досадливо поморщился:

— А вот и этот идиот явился! Черт его носит! Никогда посидеть спокойно не даст! Сейчас опять развалится, как свинья, и всякий вздор начнет молоть...

— Как?.. — опешил я. — В каком вы, собственно, смысле? Вы... вы шутите?

— Какие там шутки! — рассердился дядя Толя. — Шутить с таким олухом, как ты,— только время тратить. У тебя же чувство юмора — как у улитки. Правда, бегает она быстрей, чем ты соображаешь...

Я растерянно попятился и выскользнул обратно в прихожую. За мной вышла тетя.

— Что это с ним?.. — испуганно пробормотал я.

— То, о чем я тебе рассказывала, — всхлипнула тетя. — Путать он стал. Раньше он такие вещи только за глаза говорил, а в лицо — все только приятное. А из-за этих проклятых таблеток у него память стала... наизнанку. — Она прижала к глазам платок, и плечи ее затряслись. — Это ж надо... такое несчастье...

— Так вон оно что! Кто бы мог подумать!.. Ну, ладно, тетушка, не отчаивайтесь. Я предупрежу родных. Уверен, что никто не будет обижаться на дядю. Все войдут в положение. Потерпим, пока у него все станет на свои места.

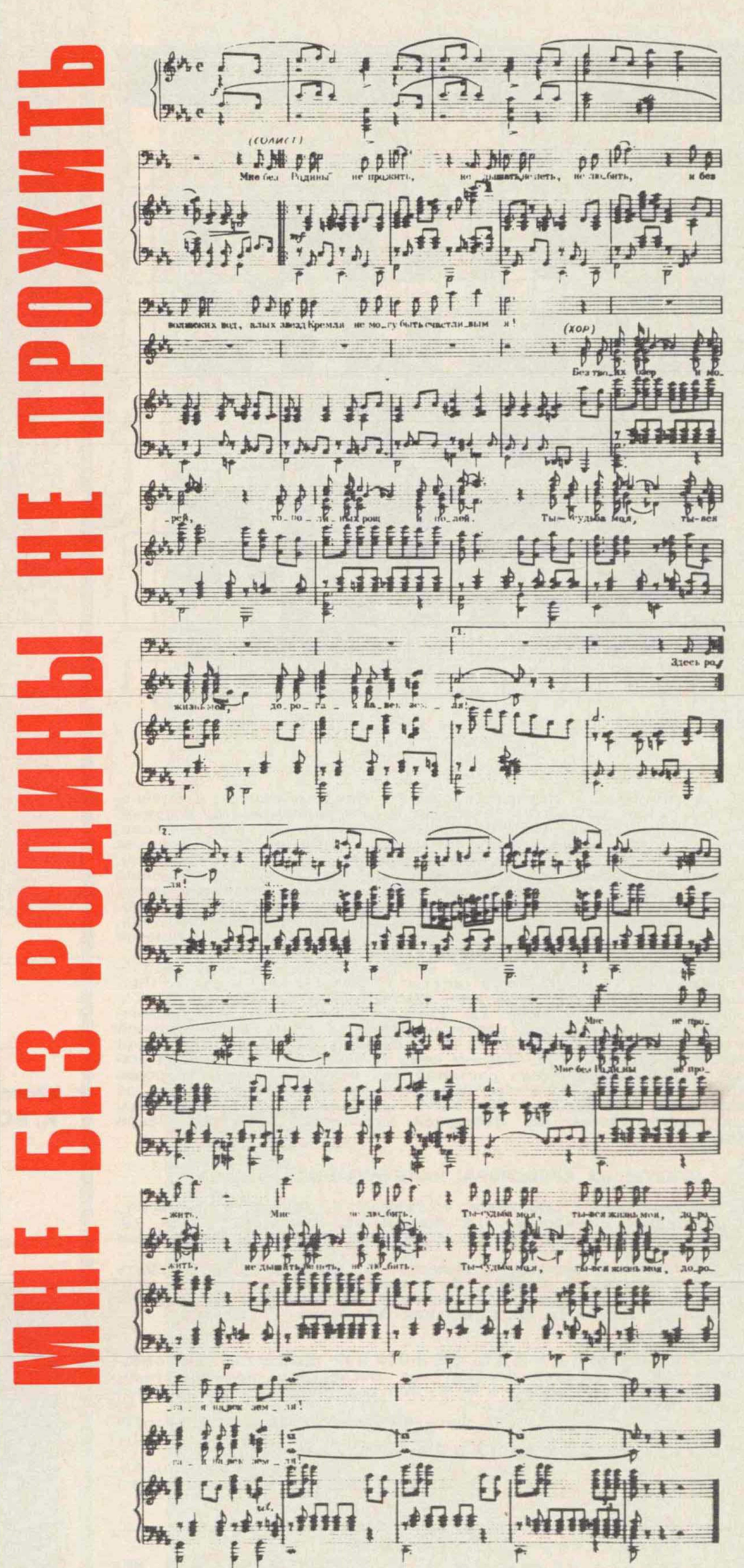
— Тебе хорошо говорить: «Потерпим»! — перебила тетя Валя. — Ты пришел и ушел. А мне-то каково? С утра до вечера слушать, как он взахлеб хвалит всю нашу родню! Думаешь, это приятно? Мне теперь и поговорить-то с ним не о чем...

И она вновь залилась неутешными слезами.

Рисунок Василия Дубова

МНЕ БЕЗ РОДИНЫ НЕ ПРОЖИТЬ

Стихи и музыка В. ЛЕВАШОВА

Мне без Родины не прожить,
Не дышать, не жить, не любить,
И без волжских вод, алых звезд Кремля
Не могу быть счастливым я!
Без твоих озер и морей,
Тополиных рощ и полей.
Ты — судьба моя,
Ты — вся жизнь моя,
Дорогая навек земля!
Здесь родился я, здесь живу,
Своей Родиной дорожу.
Вместе в радости и в беде любой —
Я всегда и везде с тобой.
Мне без Родины не прожить,
Не дышать, не петь, не любить,
Ты — судьба моя,
Ты — вся жизнь моя,
Дорогая навек земля!
Оглянись назад, в глубь веков,
Били прадеды здесь врагов.
Пережили мы не одну войну,
Отстояли свою страну.
И цветет она беспредельная,
Славим мирный труд, славим Ленина,
Славим партию,
Славим наш народ,
К коммунизму страна идет!
Мне без Родины не прожить,
Не дышать, не петь, не любить.
Ты — судьба моя,
Ты — вся жизнь моя,
Дорогая навек земля!

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Наука о клетке. 9. Арифметическое действие. 10. Шотландский математик, изобретатель логарифмов. 11. Государство в Западной Азии. 14. Снежная буря, метель. 15. Научно-исследовательская работа для получения ученой степени. 16. Розыгрыш по займу, лотерее. 18. Советский космонавт. 19. Комплект мебели. 21. Хлопчатобумажная ткань. 22. Осетровая рыба. 23. Действующее лицо пьесы А. П. Чехова «Три сестры». 27. Тонкая листовая сталь. 31. Река в Народной Республике Конго. 33. Город в Витебской области. 34. Советский языковед, академик. 35. Французский писатель. 36. Один из Малых Антильских островов. 37. Горное травянистое растение, цветок. 38. Героиня трагедии Шекспира.

По вертикали: 1. Музыкант. 2. Специалист по вождению кораблей, самолетов. 3. Итальянский остров в Средиземном море. 4. Прыность. 5. Роман Э. Золя. 6. Птица, обитающая в Антарктиде. 8. Советский биохимик, академик. 12. Часть речи. 13. Середина шахматной партии. 17. Украинская плясовая песня. 18. Старинный головной убор русских женщин. 20. Поэма С. А. Есенина. 21. Столица союзной советской республики. 24. Приток реки Кубани. 25. Эластичный материал, получаемый из сока растений или искусственным способом. 26. Космическое тело в составе Солнечной системы. 28. Ведомость об успеваемости школьников. 29. Часть воздушного винта, рабочего колеса гидротурбины. 30. Народный художник СССР. 32. Опера Ж. Массне.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали: 1. «Кавказ». 4. Гермес. 7. Теллур. 10. Спаржа. 11. Композиция. 13. «Тоска». 14. Карета. 16. Вуаль. 17. Кегли. 19. Азбука. 22. Атлас. 25. Артиллерия. 28. Термос. 29. Теркин. 30. Нансен. 31. Швандя.

По вертикали: 1. Каттегат. 2. Веласкес. 3. Зерно. 4. Гусли. 5. «Мурзилка». 6. Спаниель. 8. Купюра. 9. Климат. 11. Кабардинка. 12. Яровизация. 14. Коса. 15. Амга. 17. Камертон. 18. Глицерин. 20. Зыкина. 21. Китель. 23. Лавочкин. 24. Симфония. 26. Расин. 27. Иртыш.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Делегаты XXVI съезда КПСС: Н. С. Петрунина, аппаратчица московского производственного объединения «Молоко», и В. Е. Локтева, прядильщица Орехово-Зуевского прядильного комбината.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Весна.

Фото И. Константинова.
(Москва. На фотоконкурс)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 23.02.81. Подписано к печати 11.03.81. А 00346. **Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.** Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 790 000 экз. Изд. № 778. Заказ № 124.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

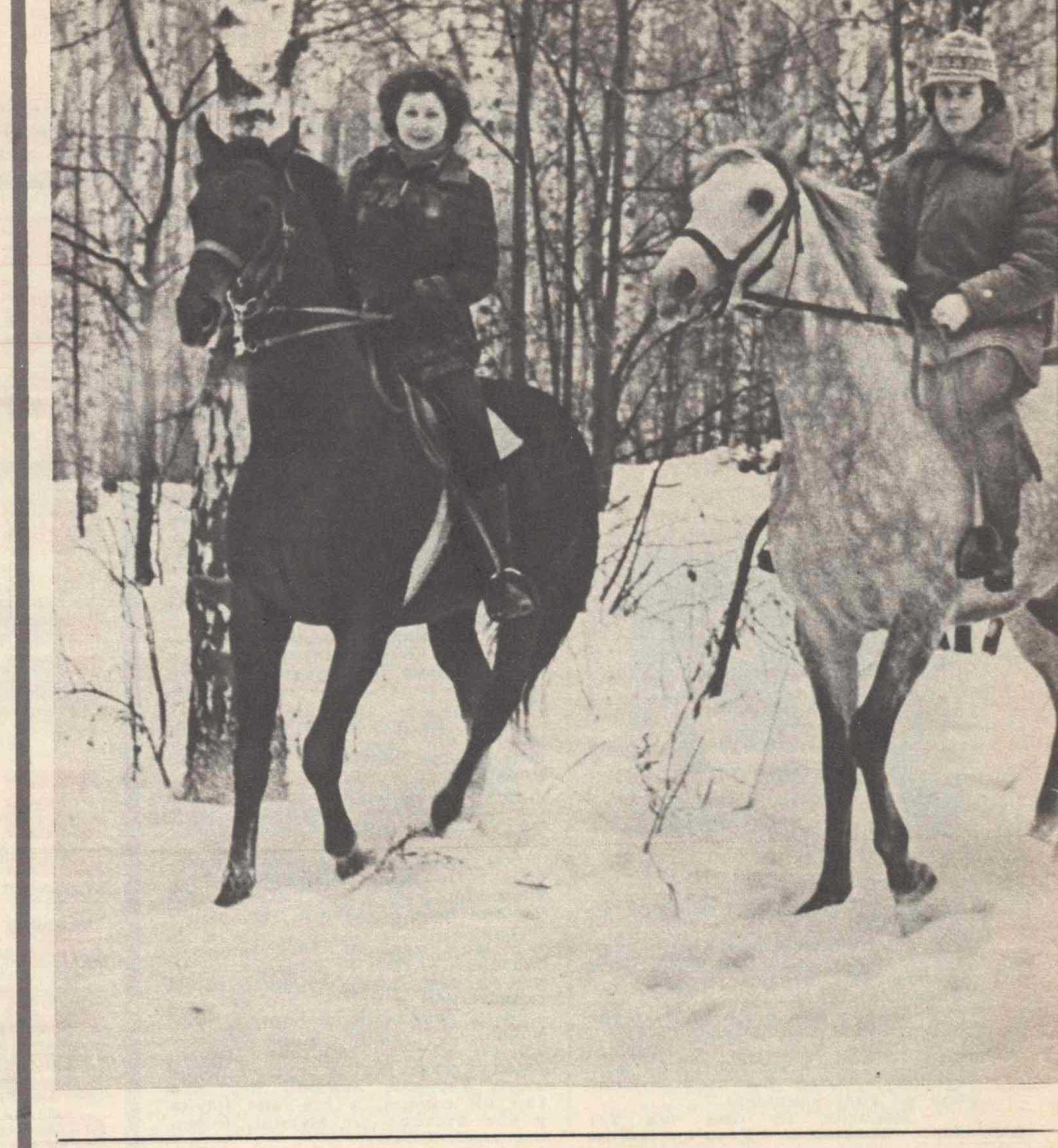
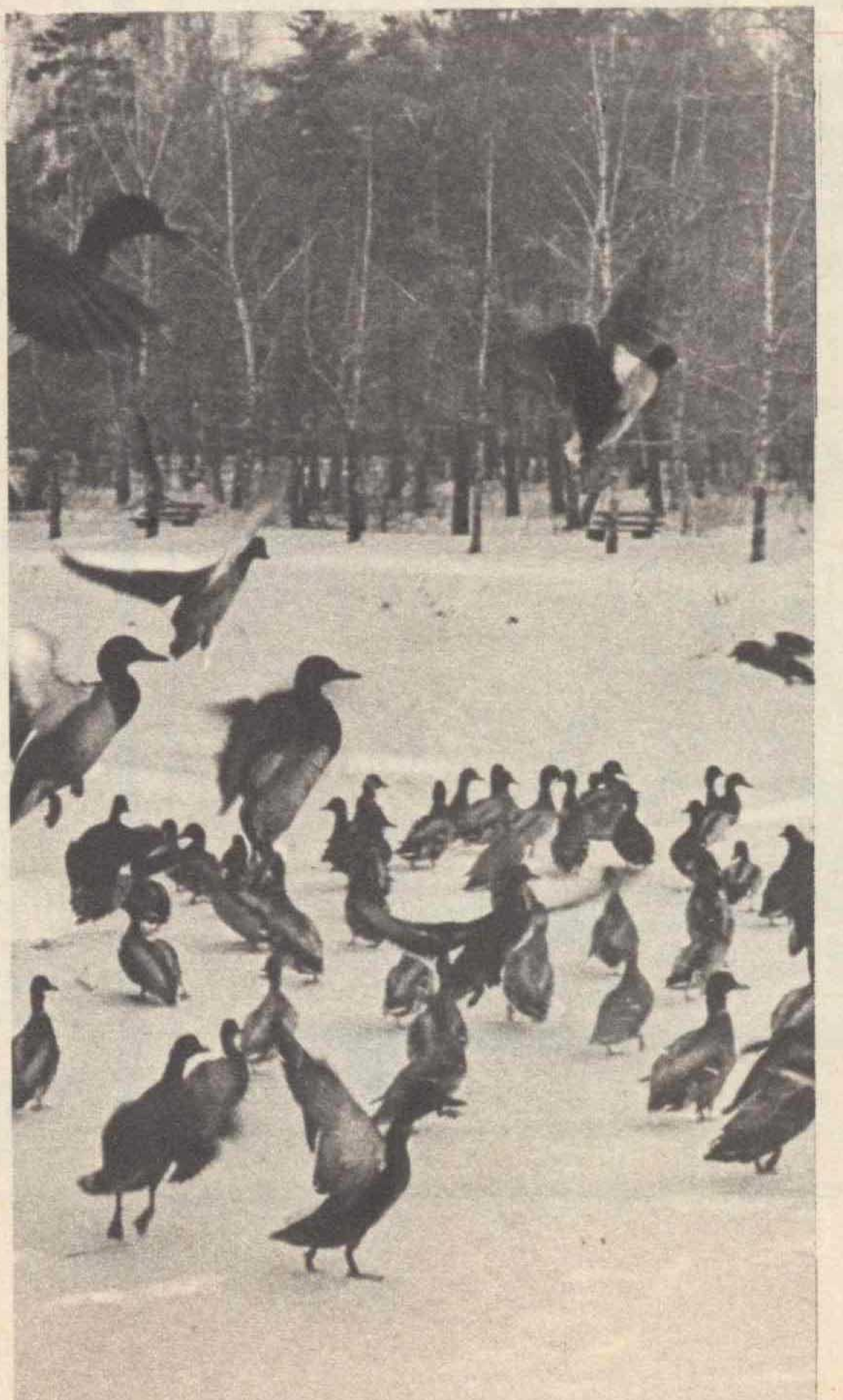

Фото А. БОЧИНИНА

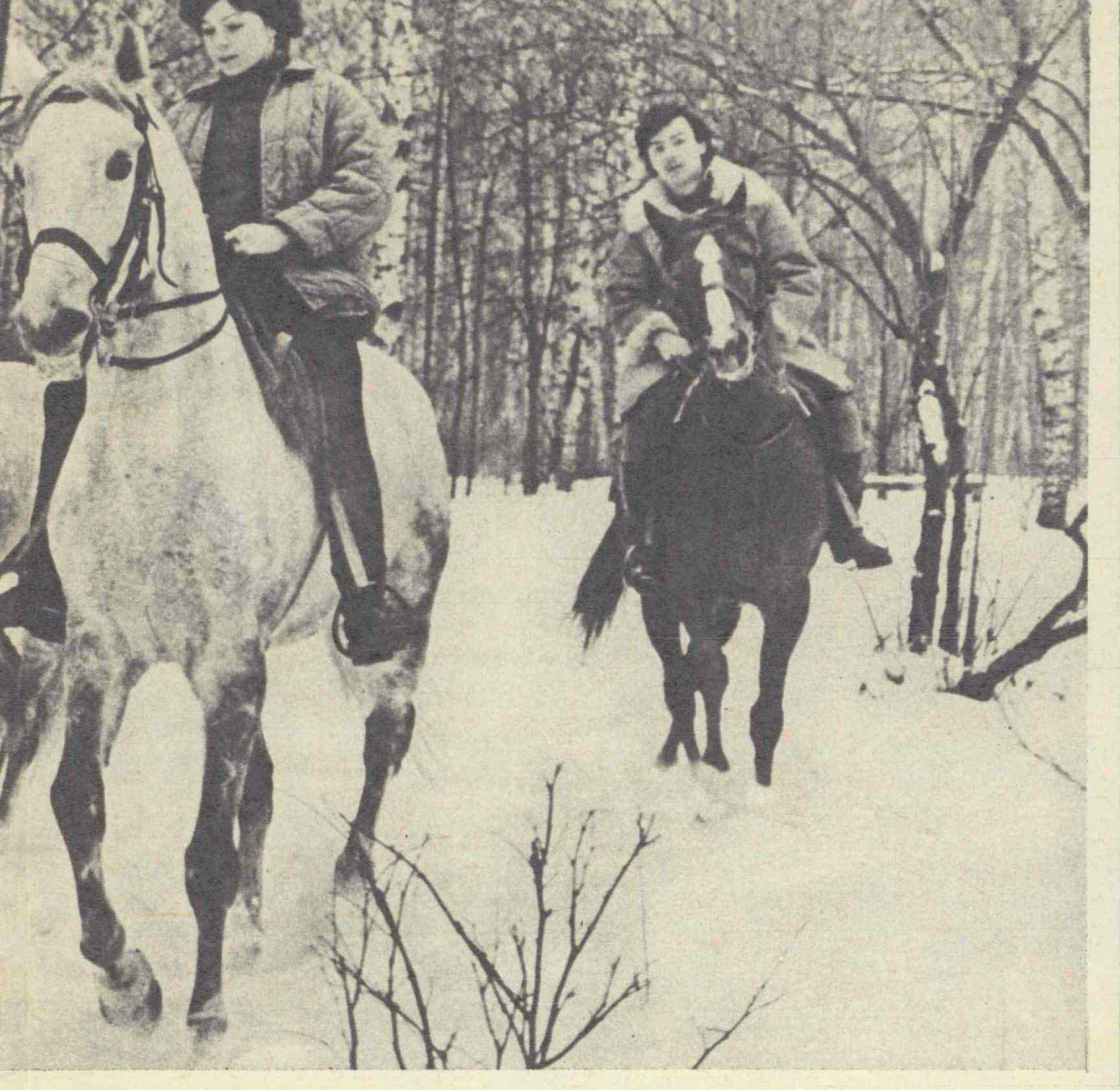
ВЕСНЕ

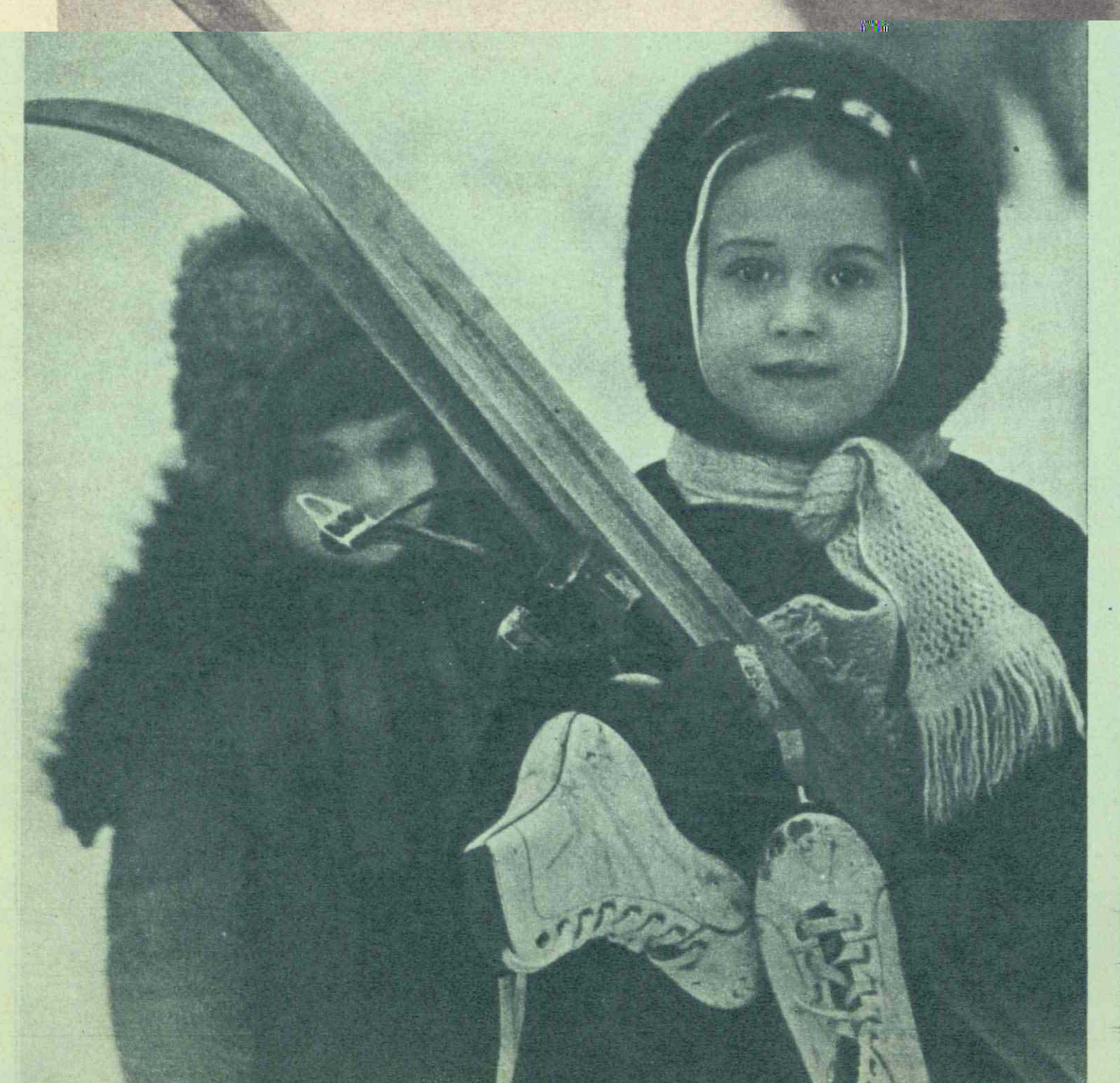
Уже воздух пронизан неповторимой свежестью. Первые весенние лучи выщербили сугробы, навесили на них хрусталики льда, а поутру, глядишь, зима снова все припорошит пушистым снегом. Но как ни желанна встреча с весной, а с зимой расставаться все же грустно: кто не любит морозным деньком попетлять на лыжах по лесу, лихо скатиться с крутой горы на санках, начертить вензеля на гладком льду или просто побродить, подставив лицо студеному ветру...

Москвичей, уставших за трудовую неделю, так и тянет в воскресные дни вон из домов — поразмяться да погреться на вешнем солнце, в парках столицы и, конечно же, в одном из старейших — в «Сокольниках». Где, как не здесь, чистый воздух, задумчивые в своей полудреме готовые вот-вот пробудиться деревья Лучевых просеков, живописно прибранные берега Золотого и Оленьих прудов. Солнце начало яростное наступление на зиму, но любителей спорта, будь то опытные мастера или начинающие, не остановит, что недавно еще звонкий лед стал ломким, что подтаяла лыжня... Слегка позавидуют поклонники пеших прогулок конникам спортивного общества «Урожай» — вмиг ведь им можно заглянуть в самый отдаленный уголок парка,— но будут и пешеходы вознаграждены: доверчиво выбежит на аллею белка и прильнет к руке, протянутой к ней с добром, веселым кряканьем встретят утки, гомонливо прощебечут птицы. «Пришла весна — зиме конец!»

П. НАТОЧАННАЯ

ДОРОГУ

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663